

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2021 / ТОМ 12 / НОМЕР 1

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПОСЛЕ БИПОЛЯРНОСТИ: ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПАДА СССР И ЮГОСЛАВИИ

21–34

Л.Е. БЛЯХЕР

Издержки
глобального
лидерства
и «соседская»
международная
политика

96–111

И.Ю. ЗУЕНКО

Китай и события
1991 г. в Советском
Союзе (к 100-летию
Коммунистической
партии Китая и
30-летию распада
СССР)

74–95

Д.В. ЕФРЕМЕНКО

Открытый
финал войны
за югославское
наследство:
последствия распада
СФРЮ спустя три
десятилетия

146–161

Г. ИОФФЕ

Белорусский
национализм:
достижения и
вызовы

2021 / VOLUME 12 / No. 1
Meždunarodnaâ analitika

CHIEF EDITOR

Sergey Markedonov
MGIMO University (Russia)

DEPUTY EDITOR

Akhmet Yarlykapov
MGIMO University (Russia)

EDITORIAL BOARD

Andrew Kuchins – American University of Central Asia (Kyrgyzstan)
Benedict Harzl – University of Graz (Austria)
Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)
Irina Busygina – Free University of Berlin (Germany)
Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)
Marlene Laruelle – George Washington University (USA)
Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)
Richard Sakwa – University of Kent (UK)
Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)
Sayed Mohammad Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)
Viacheslav Morozov – University of Tartu (Estonia)
Zhao Huasheng – Fudan University (China)
Alexander Chechevishnikov – MGIMO University (Russia)
Andrei Sushentsov – MGIMO University (Russia)
Dmitriy Pobedash – Ural Federal University (Russia)
Ilya Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia)
Larisa Deriglazova – Tomsk State University (Russia)
Lyubov Fadeeva – Perm State University (Russia)
Michael Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia)
Natalya Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia)
Oleg Mikhalev – Voronezh State University (Russia)
Pavel Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia)
Valeriy Konyshev – Saint-Petersburg State University (Russia)
Viktor Apryshchenko – Southern Federal University (Russia)
Viktor Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia)
Yakov Grishin – Kazan Federal University (Russia)

The journal publishes research results in the field of international relations and world politics, regional studies, and the history of international relations.

Published since 2010, 4 times a year.

The journal is included in Russian Science Citation Index.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

FOUNDER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”

EDITORS

Dmitry Tkach
Grant Beglarian
Natalia Samoylovskaya
Nikita Neklyudov
Vladimir Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey Talalaevsky

DESIGN

Veronika Levitskaya

2021 / ТОМ 12 / № 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославо́вич Маркедо́нов
(МГИМО МИД России)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
(МГИМО МИД России)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бенедикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Вячеслав Евгеньевич Морозов – Тартуский университет (Эстония)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)

Ирина Марковна Бусыгина – Свободный университет Берлина (ФРГ)

Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Марлен Ларюэль – Университет Джорджа Вашингтона (США)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Мохаммед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (Шанхай)

Эндрю Качинс – Американский университет в Центральной Азии (Киргизия)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО МИД России (Россия)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО МИД России (Россия)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина, Екатеринбург (Россия)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет имени Мориса Тореза (Россия)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия)

В журнале публикуются результаты исследований в области международных отношений и мировой политики, регионоведения, а также истории международных отношений.

Издаётся с 2010 г.

Выходит 4 раза в год.

Журнал включен в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272

ISSN (print) 2587-8476

ISSN (online) 2541-9633

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Владимир Владимирович Павлов

Грант Артурович Бегларян

Дмитрий Николаевич Ткач

Наталья Александровна Самойловская

Никита Яковлевич Неклюдов

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

«Новый мир» и его цена: к последствиям распада
Советского Союза и Югославии

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИНТЕРВЬЮ

СССР и наследие холодной
войны: последствия для
современных международных
процессов

М. РЕЙНОЛДС

12

Международный фактор
во внутривнутриполитических
трансформациях
в «албанском мире» Косово

Е.Г. ЭНТИНА

112

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

Издержки глобального
лидерства и «соседская»
международная политика

Л.Е. БЛЯХЕР

21

Реализм по-польски:
политика Польши в отношении
бывших советских республик,
1991–2021 гг.

А. ШЕПТИЦКИЙ

132

Дихотомия «Европа – Россия»
как изобретенная традиция
современного грузинского
национализма

М.В. КИРЧАНОВ

35

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Белорусский национализм:
проблемы и достижения

Г. ИОФФЕ

146

Влияние перемен периода
перестройки на становление
политических систем стран
Центральной Азии: чувство
угрозы и авторитаризм

Т. УЯМА

55

К вопросу о внешней
политике Сербии на юго-
западном направлении

А.А. ПИВОВАРЕНКО

162

Открытый финал войны за
югославское наследство:
последствия распада СФРЮ
спустя три десятилетия

Д.В. ЕФРЕМЕНКО

74

РЕЦЕНЗИИ

Мировые порядки и политика
исключения: от Вестфалии до
наших дней

А.П. ЦЫГАНКОВ

176

Китай и события 1991 г.
в Советском Союзе (к 100-летию
Коммунистической партии Китая
и 30-летию распада СССР)

И.Ю. ЗУЕНКО

96

«Оттепели» и «заморозки»
Крымской весны

А.П. СОКОЛОВ

183

CONTENT

EDITORIAL NOTE

The “New World” and its Cost: Toward the Consequences of the Soviet Union and Yugoslavia’s Breakup

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

The USSR and Cold War Legacy: Implications for the Current International Agenda

M. REYNOLDS

12

RESEARCH ARTICLES

The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics

L. BLIAKHER

21

The “Europe – Russia” Dichotomy as an Invented Tradition of Modern Georgian Nationalism

M. KYRCHANOV

35

Origins of the Differences in Political Systems of the Central Asian States: Threat Perception in the Perestroika Period

T. UYAMA

55

The Open End of the War of Yugoslav Legacy: the Consequences of the Dissolution of the SFRY Three Decades Later

D. YEFREMENKO

74

Chinese Reaction and Interpretation of 1991 Events in the Soviet Union

I. ZUENKO

96

The International Factor in the Domestic Political Transformation in the Kosovo’s “Albanian World”

E. ENTINA

112

Polish Take on Realism: Poland’s Policy Towards the Former Soviet Countries, 1991–2021

A. SZEPTYCKI

132

RESEARCH ESSAYS

Belarusian Nationalism: Taking Stock of Its Accomplishments

G. IOFFE

146

Serbia’s Foreign Policy in the South-West Direction

A. PIVOVARENKO

162

REVIEWS

World Orders and the Politics of Exclusion: from Westphalia to Today

A. TSYGANKOV

176

“Thaws” and “Freezes” of the Crimean Spring.

A. SOKOLOV

183

«Новый мир» и его цена: к последствиям распада Советского Союза и Югославии

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-7-11>

В своем последнем публичном выступлении в качестве президента Советского Союза Михаил Горбачев с уверенностью констатировал: «Мы живем в новом мире»¹. И действительно, отставка высшего должностного лица союзного государства была не просто его политическим решением, принятым под влиянием внутренних и внешних обстоятельств. Она была зарифмована с исчезновением с политической карты мира страны, которую Горбачев возглавлял. Беловежские соглашения, подписанные 8 декабря 1991 года лидерами Белоруссии, России и Украины, были лишены всякой двусмысленности: «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность» прекращал свое существование².

Вместе с ним окончательно уходила в прошлое биполярная система международных отношений, утвердившаяся с завершением Второй мировой войны. Формальные и неформальные правила, строившиеся вокруг конфронтации, конкуренции и селективной кооперации между США и Советским Союзом, также утрачивали свою актуальность. Одним из последствий слома Ялтинско-Потсдамского мира стал глубокий системный кризис движения неприсоединившихся стран. Их аккуратное балансирование между Москвой и Вашингтоном перестало быть значимым фактором. И неслучайно, что Югославия, один из ярких символов «третьего пути» в мировой политике, пережила процессы, во многом сходные с распадом СССР.

1 Цит. по: Обращение к советским гражданам. Выступление по телевидению президента СССР 25 декабря 1991 года // В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев. Горбачев-Фонд. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. С. 745. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gorby.ru/userfiles/politburo_1_800.pdf (дата обращения: 03.05.2021). Далее все цитаты М.С. Горбачева приводятся по данному изданию.

2 Цит. По: Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. 8 декабря 1991 г. // Виртуальная выставка к 1150-летию зарождения российской государственности. [Электронный ресурс]. URL: <http://projects.rusarchives.ru/statehood/10-12-soglashenie-sng.shtml> (дата обращения 03.05.2021).

Утверждение «нового мира», о котором говорил первый и последний советский президент, проходило не одномоментно. Определенные кризисные явления в советской и югославской моделях национального строительства давали о себе знать и до периода перестройки¹. И хотя распад одного из полюсов Ялтинско-Потсдамского мира предсказывали немногие, указания на проблемные места экономики, внутри- и внешнеполитического развития СССР имелись². Но даже самые ярые скептики в отношении советского проекта вряд ли могли себе представить те сжатые временные сроки, в которые пройдет его политический закат.

В своем прощальном обращении к гражданам некогда единого государства Михаил Горбачев говорил про то, как СССР «открылся миру, отказался от вмешательства в чужие дела, от использования войск за пределами страны. И нам ответили доверием, солидарностью и уважением. Мы стали одним из главных оплотов по переустройству современной цивилизации на мирных, демократических началах»³. С позиций сегодняшнего дня такие оценки легко подвергать критике. Однако практика последних тридцати лет подтвердила их иллюзорность. США и их союзники оказались не готовы к тому, чтобы рассматривать окончание холодной войны как общую победу здравого смысла над глобальными угрозами человечеству. Была сделана ставка на однополярный мир и гегемонию «победителей». Возникла ситуация, метафорично названная первым президентом России Борисом Ельциным «холодным миром»⁴. Миром, в котором опасное балансирование на грани ядерного столкновения сменилось многочисленными гражданскими войнами, этнополитическими конфликтами, архаизацией целых регионов, а высокая непредсказуемость и нестабильность стала фирменным знаком международных отношений.

По словам известного российского историка и философа Дмитрия Фурмана, наиболее опасным последствием распада СССР (впрочем, эта формула применима и к югославским реалиям) стал дефицит легитимности⁵. Сам процесс политической дезинтеграции единой страны случился вне правовых рамок, с игнорированием советского же законодательства о праве на сецессию. При этом на международном уровне признание новых независимых государств строилось не на основе каких-то четко разработанных критериев, а на принципе *uti possidetis* (лат. «поскольку владеете»), апробированном в ходе деколонизации в Африке⁶. Страна, становившаяся независимой, наследовала те территории и границы, что имела, будучи административным образованием в составе другого,

1 Романенко, С.А. Распад Югославии: заговор или историческая неизбежность? // Полития. – 1998. – № 2(8). – С. 159–178; Зубкова, Е.Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР. 1953–1985 гг. // Отечественная история. – 2004. – № 4. – С. 3–32; Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. – М.: Социально-политическая мысль, 2005. – 600 с.

2 Collins, R. *Macrohistory: Essays In Sociology Of The Long Run*. Redwood: Stanford University Press, 1999; Амальрик, А.А. Просуществовет ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам. Фонд имени Герцена. [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/amalrik_prosushhestvuet_li_sovetsky_soyuz_do_1984_goda_1970_text.pdf (дата обращения 03.05.2021).

3 Обращение к советским гражданам. С. 745.

4 Выступление Президента Российской Федерации Б.Н.Ельцина в Будапеште на пленарном Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) // Архив Б.Н. Ельцина. [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/audio/9035/> (дата обращения 03.05.2021).

5 Фурман, Д.Е. Движение по спирали: Политическая система России в ряду других систем. – М.: Весь мир, 2010. – С. 52.

6 Shaw, M. "The Heritage of States: The Principle of *Uti Possidetis Juris* Today." *British Yearbook of International Law* 67, no. 1 (1996): 75–154.

более крупного государства. Но на практике, по справедливому замечанию американского исследователя Чарльза Кинга, международное сообщество «просто смогло терпеть один вид сецессии, но отвергать другой»¹. Впрочем, мы стали свидетелями случаев, когда некие общие принципы (признание в качестве новых независимых государств только союзных республик, но не автономий внутри них) нарушались из-за «уникальных ситуаций», требовавших особого подхода, как это было продемонстрировано на примере бывшего автономного края в составе Сербии Косово. Стоит ли удивляться тому, что у этой модели появилось (и появится в будущем) немало почитателей!² Добавим к этому, что и само окончание холодной войны не завершилось общей мировой конференцией, которая бы подвела ее итоги и предложила бы новые, принимаемые всеми правила игры на международной арене.

Как следствие, в «новом мире» опора на силу не только никуда не исчезла, а скорее, усилилась. Укрепился и такой тренд, как унилатерализм, а апелляция к международному праву стала напоминать обращение советских обществоведов к авторитету классиков марксизма-ленинизма, когда с помощью той или иной цитаты можно было обосновывать фактически любой тезис.

Общей темой двенадцатого тома журнала «Международная аналитика» станет «Тридцатилетие после биполярности». Первый номер 2021 года сосредоточится на последствиях распада СССР и Югославии, оказавших значительное и порой определяющее воздействие на архитектуру постъялтинского мира. В интервью с профессором Принстонского университета Майклом Рейнольдсом рассматривается наследие холодной войны и Советского Союза в современной международной повестке дня. Известный исследователь размышляет о том, какие общие черты есть у СССР и современной России и в чем эти два государственных образования отличаются друг от друга принципиально. В интервью разбирается соотношение между идеологией и «реальной политикой» в период Ялтинско-Потсдамского мира и в наши дни, а также рассматриваются параллели между двумя процессами дезинтеграции – советским и югославским.

В статье Леонида Бляхера поднимаются вопросы, выходящие за рамки проблематики дезинтеграции СССР и СФРЮ. Но во многом она задает тон всему двенадцатому тому. Автор ставит вопрос: «Каковы издержки мирового лидерства?» – и приходит к выводу о кризисе международного энфорсера, то есть возможности для государства или группы стран навязывать другим акторам определенные формы коммуникации. Как следствие – растущая неопределенность и непредсказуемость глобальной политики, акцент не на внешних, а на внутренних проблемах. В качестве двух отправных точек для кризиса энфорсера Л. Бляхер берет распад международной социалистической системы в конце 80–90-х гг. прошлого века и пандемию коронавирусной инфекции двух последних лет.

Три статьи первого номера представлено условным «внутренним постсоветским блоком». Их авторы рассматривают различные последствия распада не-

1 King, C. *The Ghost of Freedom. A History of the Caucasus*. Oxford University Press, 2008. P. 220.

2 Гарцль, Б. Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова) // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – Т. 13 (5). – С. 92.

когда единого союзного государства на примере отдельных стран и регионов. В тексте Максима Кирчанова рассматривается дихотомия «Россия – Европа» как одна из ключевых парадигм грузинской внешней политики. При этом статья обращена не только и даже не столько к официальной государственной риторике, сколько к интеллектуальным дискурсам постсоветской Грузии. Сильной стороной текста является работа автора с широким кругом репрезентативных источников на грузинском языке. Кирчанов рассматривает стратегии и формы позитивной и негативной идеологизации российского и европейского факторов, существующие в Грузии сегодня. Во многом они обращены к осмыслению советского и имперского наследия.

Президентские выборы 2020 года в Белоруссии и неоднозначная интерпретация их итогов в мире значительно повысила интерес к происходящему в этой стране. Однако излишняя персонификация зачастую мешает объемному пониманию тех процессов, которые связаны с формированием и эволюцией национально-государственной идентичности белорусов. Данный сюжет раскрывается в статье Григория Иоффе. Автор рассматривает феномен белорусского национализма. По его мнению, сложности в формировании идентичности современных белорусов значат для их государственности никак не меньше, чем борьба внешних игроков за экономическое и политическое влияние на Минск.

В тексте Томохико Уямы рассматривается влияние перемен эпохи перестройки на политическую культуру современных государств Центральной Азии. С его точки зрения, критическую роль в становлении политических систем этого региона играли события 80–90-х гг. Во многом они актуализировали межэтнические, государственно-конфессиональные проблемы, повлияли на формирование разных авторитарных режимов.

Два текста представляемого номера посвящены анализу действий внешних игроков в отношении новых постсоветских реалий. Статья Ивана Зуенко рассматривает рефлексию распада СССР в Китайской Народной Республике. В общественно-политических дебатах последних тридцати лет успех КНР нередко противопоставляется провалу советской перестройки. Автор полагает, что осмысление двух дат (столетие создания Компартии Китая и тридцатилетие распада Советского Союза) во многом определяет сегодняшнюю официальную линию Пекина. Он делает особый акцент на то, какие уроки прошлого китайское руководство считает наиболее важными.

В статье Анджея Шептицкого рассматривается внешняя политика Польши, одного из самых сложных партнеров Москвы в современном мире на постсоветском пространстве. Текст основывается на реалистской теории международных отношений, имеющей в современной России особую популярность. И в этом контексте стоит посмотреть на то, как объясняются интересы, мотивы и подходы страны, практически не имеющей с РФ общих точек соприкосновения. Автор фокусируется на отношениях Варшавы с Москвой, Киевом и Минском. С его точки зрения, польская политика на этих трех направлениях наиболее четко высветила основные приоритеты Варшавы, а также ресурсные возможности и ограничители для их реализации.

Три статьи номера образуют «балканский блок». Статья Дмитрия Ефременко представляет широкое исследовательское полотно, посвященное распаду

Югославии. Автор приходит к выводу, что войны за югославское наследие имеют открытый финал. По его мнению, Западу удалось остановить вооруженные противостояния между бывшими союзными республиками и внутри них. Однако ценой вопроса стало закрепление этнической гомогенизации, что чревато сохранением конфликтного потенциала.

В статье Екатерины Энтиной рассматривается косовский сюжет, практически неизбежный фрагмент в сегодняшних дискуссиях не только о Балканах, но и европейской безопасности и перспективах урегулирования постсоветских этнополитических конфликтов. Однако автор обращается к внутривнутриполитической динамике в бывшем сербском автономном крае, исследованной хуже в сравнении с международным контекстом вокруг его самоопределения. Автор пытается объяснить, почему международная миссия в Косово не привела к усилению ее авторитета в этом самопровозглашенном образовании. Она также показывает взаимосвязь внутренних и внешнеполитических факторов в косовской повестке.

Текст Александра Пивоваренко в определенной степени дополняет исследование Екатерины Энтиной. Автор обращается к одному из «албанских» сюжетов. Однако в фокусе его работы – двусторонние отношения между Белградом и Тираной. Пивоваренко полагает, что у сербского руководства имеется собственная заинтересованность (не детерминированная исключительно влиянием со стороны США и ЕС) в нормализации отношений с балканскими государствами, включая и Албанию.

В первом номере двенадцатого тома публикуются две рецензии. Андрей Цыганков критически оценивает работу Кайла Марсея Ласкуреттеса, посвященную новому осмыслению стратегических источников миропорядка, начиная с Вестфальской системы международных отношений. В рецензии Артема Соколова разбирается специальное издание, посвященное феномену «русской весны». Автор размышляет о том, насколько продуктивно объединение под одной обложкой академических, прикладных и публицистических текстов, оценивает плюсы и минусы такого «соседства».

В год тридцатилетнего юбилея распада СССР и СФРЮ недостатка в работах, посвященных этим историческим сюжетам, не наблюдается. Однако наш журнал не столько делает акцент на том, что было в прошлом (пускай и недавнем), сколько оценивает последствия вступления в «новый мир», начавшегося в 1991 году.

С.М. Маркедонов, главный редактор

The USSR and Cold War Legacy: Implications for the Current International Agenda

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-12-20>

Interview with Michael A. Reynolds, Director of the Program in Russian, East European and Eurasian Studies and Associate Professor in the Department of Near Eastern Studies of Princeton University, USA

ABSTRACT

Michael A. Reynolds is an American historian and political analyst. His teaching and research range over the geography of the Middle East and Eurasia and covers the themes of empire, international relations, nationalism, geopolitics, ethnic conflict, and religion and culture. He is the author of *Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908-1918* (Cambridge University Press, 2011), co-winner of the 2011 American Historical Association's George Louis Beer Prize, a Financial Times book of the summer, and a Choice outstanding academic title. He is the editor of *Constellations of the Caucasus: Empires, Peoples, and Faiths* (Markus Weiner, 2016). Reynolds also writes on contemporary issues related to Turkey, Russia, the Caucasus region and U.S. foreign policy. His writings have appeared in *The Wall Street Journal*, *The Los Angeles Times*, *Newsweek*, *The National Interest*, and *War on the Rocks*, among other venues. He holds a PhD in Near Eastern Studies from Princeton and an MA in Political Science from Columbia.

The conversation was conducted by Sergey Markedonov, Editor-in-Chief of the Journal of International Analytics

Sergey Markedonov: It is hard to debate the origins of the Soviet Union's collapse objectively and impartially. What we see is a competing popular discourse on "the largest geopolitical catastrophe of the twentieth century" and the collapse of the "last empire," the "evil empire," the totalitarian state. In the meantime, the late Soviet Union had both a multi-party system and diversity of opinions, and its leadership was rather under-supported, finding itself under severe criticism from both proponents of democratization and advocates of the Stalinist "order." Can you identify the fundamental causes (internal and external) of the collapse of the USSR, and has the international system been reshaped by these changes?

Michael Reynolds: First, I should state that I believe it is neither possible nor desirable to analyze human relations "objectively." We necessarily and inevitably,

albeit not necessarily consciously, apply moral frameworks in our evaluations of human interactions. This is inescapable. It is one of the primary reasons why the study of human behavior differs fundamentally from the study of material objects and why the methodologies of the latter are ultimately of limited utility when applied to the former. The project of modeling the “social sciences” on the “natural sciences” has resulted at best only in a modest success. I believe in the importance for scholarship of a more basic virtue, honesty. A scholar when analyzing sources and formulating hypotheses, first and foremost, must be honest with his or herself and with the audience about the assumptions, evidence, reasoning, and conclusions of the research.

Regarding the collapse of the Soviet Union, I believe that the fundamental reason is straightforward: the exhaustion of Soviet ideology, of Marxism-Leninism. The Soviet Union was no ordinary state. It had been founded as an instrument of Marxism-Leninism. At the most basic level, that ideology held that the elimination of private property would lead to the creation of a radically different and better human being and human society. A little after six decades, the leadership of the Soviet Union could no longer deny what had become evident to virtually everyone: Marxism-Leninism could not even deliver material prosperity, let alone create a better human being or society. Indeed, many in the USSR had come to conclude that Marxism-Leninism generated primarily human and environmental degradation.¹

When the belief in Marxism-Leninism evaporated, the justification for the rule of the Communist Party disappeared with it. And with the Communist Party's loss of legitimacy, there was precious little to justify maintaining the Union of Soviet Socialist Republics. Other factors often cited as causes of the USSR's collapse, such as nationalism or economic conditions, could assert themselves only in the context of ideological exhaustion. I should note that the question of *how* the USSR unraveled is also an important question, and arguably a more complex one to answer.²

S.M.: In your view, which world order is more predictable and stable or, on the contrary, more chaotic – the one based on the bipolar confrontation between the USSR and the United States, or the (dis)order that prevails today? What are the strengths and flaws of the old and new world systems? What lessons from the Cold War do you believe remain relevant today?

M.R.: The question of what form of “world order” is the most stable has long been a favorite question of international relations scholars, but unless we carefully specify the conditions of that order (What is stability? Stability for whom? What counts as bipolarity? etc). I do not think it is a useful question outside the confines of the Ivory Tower. The

1 Martin Malia made a powerful case for the centrality of ideology in his book, *The Soviet Tragedy: A History of Socialism in Russia, 1917-1991*. (New York: Free Press, 1994). Malia in the same book delivers a critique of the incapacity of the social sciences to grapple with ideology. Yuri Slezkine's recent book, *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution* (Princeton: Princeton University Press, 2017), explores the centrality of ideological and metaphysical concerns in the Soviet experience. Although Y. Slezkine is primarily concerned with the founding of the USSR, his insights about the primacy of ideology are essential to understanding the Soviet collapse.

2 Stephen Kotkin provides a concise yet sophisticated explanation of both why and how the USSR fell apart in his *Armageddon Averted: 1970-2000*. (Oxford: Oxford University Press, 2003). Ronald Suny emphasizes the importance of nationalism in the Soviet collapse and the paradoxical role of the Soviet Union in fostering nationalism in *The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union* (Stanford: Stanford University Press, 1993). Mark Beissinger explores in detail how nationalism drove the unraveling of the Soviet Union once it began in *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State* (Cambridge: Cambridge University Press, 2010).

world order is what it is, not what we choose to call it. It is in constant flux and does not transition neatly between discrete categories like bipolar, multipolar, unipolar.

That being said, when I reflect on the Cold War experience and the world today, two things come to mind. The first is the loss of the ever-present fear of a nuclear confrontation. During the Cold War, elites and populations throughout the world understood that the fate of global civilization, of human society itself, was at stake. The nuclear powers retain essentially just as much destructive power as they did during the Cold War, yet today we give little attention to the awesome destructive power of nuclear weapons and the potential of conflicts to escalate to a nuclear exchange. This is despite the ongoing proliferation of nuclear technology and weapons to South Asia and the Middle East.

The second thing that comes to mind is how the United States in the post-Cold War world has grown accustomed to its dominance. America's foreign policy elites today take American power for granted. Indeed, they believe that it is a birthright and imagine that America's power reflects American virtue. Further, they assume that those outside America can or should understand American power in the same way. In other words, they assume that America's opponents, those whom Washington D.C. sees as villains, understand themselves as villains.

This creates what could be a very dangerous dynamic, particularly as America's elites preside over the decay of the sources of American power, fritter that power away abroad and at home, and remain oblivious to the emergence of new threats.¹ The existence of the USSR compelled America at home to nurture its resources and abroad to practice diplomacy and pursue a grand strategy that provided a framework to allocate scarce resources. Absent the USSR, America seems determined to run itself down and run itself out.

S.M.: The breakup of the Soviet Union brought about series of ethnopolitical conflicts and civil wars. Some of them, like the Nagorno-Karabakh conflict, are still of pressing concern, yet the situation in Abkhazia or South Ossetia seems resolved only through the prism of Russia's strategic vision. Furthermore, in 2014 a standoff erupted in southeastern Ukraine, something that is not considered to be the major challenge to the whole of European security. Do you concur that the collapse of the Soviet Union is in some ways still underway? The old structures were destroyed, but new national/state identities are still in transit and not fully formed.

M.R.: I do not agree that the demise of the USSR is still ongoing. The USSR collapsed definitively in 1991 with the repudiation of Marxism-Leninism. If I had to point to a longer continuity, I would sooner say that we are witnessing the aftershocks of the fall of the tsar in 1917 and the subsequent unraveling of the Russian empire. I think one should be careful when imagining the USSR as a continuation of the Russian empire. For most purposes, I believe 1917 represented a massive rupture and the "Russian empire" and "Soviet Union" cannot be simply understood as "Russia" with different names.

¹ On the frittering of that power, see Walt, Stephen M. *The Hell of Good Intentions: America's Foreign Policy Elite and the Decline of U.S. Primacy*. New York: Farrar, Straus, and Giroux, 2018. For a critique that locates the failing of American foreign policy at a still deeper level, see McDougall, Walter. *The Tragedy of U.S. Foreign Policy*. New Haven, CT: Yale University Press, 2016.

Certainly, however, there are continuities between Imperial Russia and the Soviet Union and the Soviet Union and the Russian Federation.¹

Vladimir Putin managed not only to stabilize the Russian state but even to revive Russia as major world actor. These are real achievements. But he has failed so far to answer the fundamental question of the February Revolution – Who should rule Russia? His inability to establish a system of succession may prove to be his greatest legacy. What will come after Putin is a question to which no one can pretend to have an answer.

One of the most important structural changes shaping events today is the continued demographic decline of ethnic Russians.² The demographic factor has not been as decisive as some have predicted, not least because Russia is hardly alone in experiencing demographic decline.³ Indeed, the populations of several of its neighbors are shrinking faster than its own. Nonetheless, surging populations were one of the factors underpinning the growth of Russia and the other European great powers into the early twentieth century, and the long-term decline of Russia's population necessarily constrains Russia's potential. Russia is far from alone in this, but nor is it immune.

S.M.: The Soviet Union's disintegration went hand in hand with the breakup of the "second Yugoslavia" (SFR Yugoslavia). The two countries have experienced both ups and downs in bilateral relations throughout their history. But the events of the late 1980s and early 1990s seem to have made the developments in these once united states synchronized. What, in your view, are the similarities and differences between these two disintegrations? And what is their impact on the modern world order, especially on the balance of law and power in international relations?

M.R.: The exhaustion of Communism as an idea determined the collapse of Yugoslavia as it did the USSR. In the Yugoslav case, Milosevic embraced Serbian ethno-nationalism a source of legitimacy that might substitute for Communism.⁴ This is not to say that Milosevic or the Serbs were solely responsible for the conflicts that followed. Rather, it is to observe that the fading of Communism opened a vacuum that needed to be filled. The Serbs' demographic decline vis-à-vis the Kosovars was another critical factor driving the conflict over Kosovo. Fortunately, the territorial-administrative structure and demographic settlement patterns of the Soviet Union were such that ethnonational conflicts were restricted to the periphery, largely the Caucasus, namely Abkhazia, Ossetia, Karabakh, and, of course, Chechnya.

1 With the demise of the USSR, explorations of continuity between Imperial Russia and the Soviet Union are no longer charged with immediate political significance. For one interesting argument for continuity, see Holquist, Peter. "In Accord with State Interests and the People's Wishes: The Technocratic Ideology of Imperial Russia's Resettlement Administration," *Slavic Review* 69, no. 1 (spring, 2010): 151–179. Notably, unrelenting critics of Bolshevism and sympathizers alike invoked continuities between Imperial Russia and the Soviet Union. See, for example, Pipes, Richard. *Russia under the Old Regime*. 2nd ed. New York: Penguin, 1993. See also Lewin, Moshe. *The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia*. New York: New Press, 1994. Malia, who like Pipes was a fierce critic of Soviet Communism, saw the Soviet period as an aberration. See the aforementioned *Soviet Tragedy* as well as *Russia under Western Eyes: from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999.

2 There is a large literature on this. One of the most prolific – and alarmist – experts has been Nicholas Eberstadt. See, for example, Eberstadt, Nicholas. "The Dying Bear: Russia's Demographic Disaster," *Foreign Affairs* 90, no. 6 (November–December, 2011): 95–108.

3 For a thoughtful assessment, see Michael Kofman, "Russian Demographics and Power: Does the Kremlin Have a Long Game?" *War on the Rocks*, February 4, 2020, accessed April 7, 2021, <https://warontherocks.com/2020/02/russian-demographics-and-power-does-the-kremlin-have-a-long-game/>.

4 Vujacic, Veljko. *Nationalism, Myth, and the State in Russia and Serbia*. Cambridge University Press, 2015.

S.M.: The USSR is usually compared with the current Russian Federation. It is no coincidence the discourse on the “New Cold War” has become popular even in the academic literature.¹ How can you evaluate commonalities and differences between the two entities as mentioned earlier in terms of their domestic developments and foreign policies as well? Of course, Russia is a successor of the USSR in the UN Security Council and in its rights to inherit the Soviet property abroad and nuclear arsenals deployed on the four former Union republics’ territories. However, it is far from the planned economy and revolutionary communist ideological principles. What do you think about this comparison?

M.R.: The current stand-off between the United States and Russia bears little resemblance to the Cold War, although some advocates of confrontation in both countries would like people to believe otherwise. The differences are several. First, the Cold War represented a genuine ideological clash between two camps, each representing fundamentally different visions of democracy: the liberal democratic and comparatively free-market societies of Europe and Asia led by the United States and the Communist bloc led by the Soviet Union. Both camps claimed to be heirs to the European Enlightenment and to champion the ideals of equality, democracy, freedom or liberation, progress, science and technology, and material prosperity. Moreover, since the *raison d’être* of the Soviet Union was ultimately to export Communist revolution around the world, competition and confrontation were inevitable.

The geopolitical aspect of this confrontation was also important. The United States and the Soviet Union both represented continental-scale powers with aspirations to shape the broader globe. Their interests overlapped in the Eurasian rimlands and, outside of the nuclear sphere, there was little interdependence that would have meliorated competition in those rimlands and elsewhere. Thus, some sort of rivalry was probably inevitable, much as Alexis de Tocqueville prophesized.² Nonetheless, the ideology was the animating force.

There is no comparable ideological clash today. The Russian Federation does not pretend to offer a comprehensive alternative to liberal democracy, let alone seek to export that alternative around the globe. Russia does not inspire legions around the globe as the Soviet Union did, and accordingly lacks the kind of “soft power” and global community of supporters and sympathizers that it had in the Cold War. The fizzling out of the hysterically hyped “Russia Gate” scandal in the Trump era underscores this. To be sure, rapidly evolving normative preferences of American elites allow them to find in Putin’s Russia much to decry. Thus, the absence of same-sex marriage in Russia and restrictions on the distribution among schoolchildren of literature on homosexuality are now seen as evidence of repression, despite the fact that same-sex marriage was adopted throughout the U.S. only six years ago. Russian financial support probably has influenced electoral politics in some European states, and it likely can and does exploit seams of dissatisfaction. Russia today in Europe has nothing like what the Soviet Union did in the form of the Italian, French, and other Communist Parties and such movements as the Nuclear Freeze movement.

1 Sakwa, Richard. “‘New Cold War’ or twenty years’ crisis? Russia and International Politics.” *International Affairs* 84, no 2 (2008): 241–267; Legvold, Robert. *Return to Cold War*. Cambridge: Polity, 2016.

2 de Tocqueville, Alexis. *Democracy in America*. Chicago: University of Chicago Press, 2000. P. 395–396.

Moreover, Russia is roughly only one-half the size of the Soviet Union and its geostrategic position is far less advantageous. Neither the size nor organization of its economy present any challenge to the American. NATO dwarfs Russia in resources. Only in the nuclear realm does Russia amount to a threat to the United States. It is worth noting that Washington's inept implementation of irresponsible policies in Georgia, Ukraine, and Syria resulted in Russian victories at the expense of the United States. Notably, however, none of those Russian successes have impinged vital American interests.¹

Russia is thus a comfortable and convenient rival for the American national security establishment. Although Russia is not truly a peer competitor and cannot really threaten the United States outside the nuclear realm, the American national security establishment (and lately increasingly other parts of the American political establishment) can portray Russia as a major and imminent threat in order to justify the maintenance and expansion of bureaucratic programs. Russia's army, navy, air force, and intelligence services provide excellent foils for their American counterparts. Indeed, the American national security establishment was custom built to counter the Soviet threat, and today the invocation of a Russian one is convenient. The same applies to NATO, a vast bureaucracy that now serves several functions, not the least of which is providing a market for arms and keeping America linked to Europe. Those are probably worthwhile functions, but in themselves they are not sufficient to justify NATO's continued existence. NATO came into existence for the purpose of countering the Soviet threat and its continued vitality requires an analogous threat.

And unlike the case with China, where economic interdependence and significant American business interests weigh in against confrontation, there is no real lobby or other countervailing forces calling for better relations with Russia. Indeed, if anything, economic competition in the energy and agricultural spheres complements the military and geopolitical competition.

In short, the American national security establishment, including the vast array of private industries and contractors that supported and supplied the government bureaucracies, became so large and powerful during the Cold War that in the post-Cold War era it has become autonomous and virtually unaccountable.² It became the proverbial tail that wags the dog. The attacks of 9/11 and the Global War on Terror (GWOT) that followed those attacks further augmented the establishment, infusing it with generous funding and expanded authority. Indeed, the GWOT birthed the creation of a vast new bureaucracy, the Department of Homeland Security. The American government has lavished its national security establishment with money but has not insisted on accountability. Thus, despite presiding over a series of remarkable failures and mishaps, American foreign policy and national security elites have escaped any reckoning. On the contrary, many have been handsomely rewarded in the private sector for their service in the government sector.

S.M.: Last, yet not least question is about differences and commonalities between Boris Yeltsin and Vladimir Putin. It is a sort of conventional wisdom to cite the famous

1 Reynolds, Michael A. "Against the Blob: America's Foreign Policy in Eurasia's Heartland is Becoming Its Own Worst Enemy," *Baku Dialogues* 4, no. 1 (Fall 2020): 40–59.

2 Glennon, Michael J. *Double Government and National Security*. Oxford: Oxford University Press, 2015.

Munich speech (2007) of the second president of Russia and the absent declarations of the first Russian leader at the OSCE summit in Budapest or his farewell speech in Istanbul in 1999. In both cases, however, Yeltsin blamed the West and expressed his (and Russia's) dissatisfaction with NATO expansion and that Moscow's policy toward Chechnya was depicted as "double standards." The first serious crisis between Russia and the West since the end of the Cold War occurred in 1999 in connection with NATO's bombing of Belgrade. Is it possible to deduce the necessity of downplaying the personal factor in contemporary Russian foreign policy, since now it looks like as if it grossly overestimated? What is your view on this, and do you see any opportunities to alter Moscow's major priorities in the international arena?

M.R.: One of the distressing aspects of the American discourse on Russia is the disproportionate focus on the person of Vladimir Putin.¹ I say it is distressing because it simultaneously allows Americans to indulge in the illusion that their role in stoking tensions between Russia and America is immune from rational criticism while diverting their attention from fundamental sources of those tensions over which they have little control. It creates a volatile mixture of self-righteousness and complacency.

To be sure, Putin is, to use a phrase of his own, a "colorful person." He grabs attention. And our human nature predisposes us to favor narratives in which flesh and blood individuals, as opposed to abstractions like institutions, are at the center. In addition, Putin with his past as a KGB officer and his self-presentation as a dynamic, masculine, and tough personality comes across as someone from central casting angling for the villain role in a James Bond film. Putin's image thus has been an asset to those who wish to emphasize the malign and threatening nature of Russia.

Whereas Putin's image has captivated the American media and foreign policy establishment, his words have made less of an impression. There is one exception that illustrates a broader point, and that is Putin's remark in 2005 that "the collapse of the Soviet Union was the greatest geopolitical catastrophe of the [twentieth] century." Many commentators, including such influential figures as John Bolton, flagged this phrase to support their contention that Putin is determined to re-establish the Soviet empire.² Commentators are content to point to Putin's 2007 Munich speech as a hostile act in itself and rarely bother to analyze what Putin actually said.

In order for the thesis that the person of Putin is the driving force behind a policy of revanchism to be credible, the corollary that a different Russian leader would pursue a substantively different foreign policy must be true. Most American analysts assume this as a given.

Boris Yeltsin was as pro-Western a Russian leader as one might hope. Yet, as you note, Yeltsin felt compelled to rebuke the West on at least two occasions, in 1994 and 1999. Few American analysts choose to recall Yeltsin's critique (nor Primakov's). Recognition of a fundamental continuity in the ways that Yeltsin and Putin understood

1 In the latest issue of *Foreign Affairs* Timothy Frye acknowledges the undue focus on Putin's person in analyses of Russia. He then provides his own analysis. It is intelligent and thoughtful, but nevertheless also focused on Putin. Timothy Frye, "Russia's Weak Strongman," *Foreign Affairs*, May/June 2021, accessed April 7, 2021, <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2021-04-01/vladimir-putin-russias-weak-strongman>.

2 Katie Sanders, "Did Vladimir Putin call the breakup of the USSR 'the greatest geopolitical tragedy of the 20th century?'" *Politifact*, March 6, 2014, accessed April 7, 2021, <https://www.politifact.com/factchecks/2014/mar/06/john-bolton/did-vladimir-putin-call-breakup-ussr-greatest-geop/>.

Russia's security would undermine the narrative that Putin's aggressiveness mandates further expansion of NATO and confrontation with Russia.

To answer the question of to what degree Russian foreign policy would differ if Putin were not in power requires resort to counterfactuals. To make those counterfactuals convincing would require argumentation too extensive for our format here. Thus, let me instead here cite no less an authority than Robert M. Gates on the continuities in Russian foreign policy between Yeltsin and Putin. Gates wrote his doctorate on Soviet politics before going on to serve as Director of the CIA under George H.W. Bush and then Secretary of Defense under George W. Bush and Barack Obama. Gates was known as an anti-Soviet hardliner during his time in the CIA under Ronald Reagan. In other words, no one can credibly accuse Gates of being a Russophile or a Putin sympathizer.

Gates writes that American President Bill Clinton in 1996 "soft-pedaled" NATO expansion in order to assist Yeltsin's re-election chances. Clinton and his administration understood that the expansion of NATO was highly unpopular with the Russian public across the board and that NATO was, therefore, a volatile issue for Yeltsin. Further, Gates explains that Russians had a legitimate reason to object to NATO expansion. NATO is not simply a wartime defensive alliance and its expansion would impinge on Russian power. In 1999, Gates observes, NATO undercut Russia when one NATO member and two candidate members – Hungary, Romania, and Bulgaria – blocked Russia from intervening on behalf of Serbia by denying Russia permission to use their airspace.¹ Moscow's displeasure, however, meant little to Washington at the time. As Gates reflects in his memoirs, "When Russia was weak in the 1990s and beyond, we did not take Russian interests seriously."²

Confusion about whether or not Russians can legitimately see any threat coming from America or its allies also clouds American thinking. For example, the former American ambassador to Russia, Michael McFaul, in advice to the incoming American president, urges Joe Biden to "emphasize that the [NATO] alliance is a defensive one and has never attacked Russia." Russian opposition to NATO is a function of Putin's unhealthy mind, according to McFaul. As the title of his article, "How to Contain Putin's Russia," implies, McFaul argues that America's problem is with Putin, not Russia. Moreover, according to McFaul, what drives Putin's anti-Americanism is paranoia, a form of irrationalism.³

Yet although McFaul staunchly denies that America sought to mobilize domestic opposition in Russia during his time in the Obama administration and as ambassador, he does believe that previous American governments have used domestic opposition movements to "destabilize things" in Serbia and elsewhere and that George W. Bush's administration backed the so-called "color revolutions" in Ukraine, Georgia, and Kyrgyzstan.⁴ Some American analysts, however, would beg to differ with McFaul about

1 Gates, Robert M. *Exercise of Power: American Failures, Successes, and a New Path Forward in the Post-Cold War World*. New York: Alfred A. Knopf, 2020. P. 265–266.

2 Gates, Robert M. *Duty: Memoirs of a Secretary at War*. New York: Alfred A. Knopf, 2014.

3 Michael McFaul, "How to Contain Putin's Russia," *Foreign Affairs*, January 19, 2021, available April 7, 2021, <https://www.foreignaffairs.com/articles/ukraine/2021-01-19/how-contain-putins-russia>.

4 David Remnick, "Letter from Moscow: Watching the Eclipse," *The New Yorker*, August 2, 2014, available April 7, 2021, <https://www.newyorker.com/magazine/2014/08/11/watching-eclipse>.

the Obama administration's reticence to mobilize domestic oppositions, including inside Russia. One study, for example cites "Secretary of State Hillary Clinton's open support for the White Revolution in Russia from 2011 to 2012" as one policy initiative that further alienated Russia.¹ While not quite as direct as McFaul regarding U.S. efforts to mobilize domestic oppositions, Gates acknowledges American support for civil society movements as "a vital instrument of national power."²

Putin in Munich had warned against expanding NATO to Georgia and Ukraine. In his memoir, *Duty*, Gates concludes his discussion of the Georgian and Ukrainian crises thus, "trying to bring Georgia and Ukraine into NATO was truly overreaching." Neither Georgia nor Ukraine represented critical, let alone vital, European or American interests. Washington accordingly had no intention of fighting alongside either. As Gates puts it, "Were Europeans, much less the Americans, willing to send their sons and daughters to defend Ukraine or Georgia? Hardly."³ For Russia, by contrast, those countries do impinge on vital interests. Georgia borders on Chechnya, the most unstable part of the Russian Federation. Ukraine, whose history, people, and economy is intertwined with Russia's, shares an extensive land and sea border with Russia.

Gates recognizes the grave folly of Bush's Georgia policy, describing Georgia's Mikheil Saakashvili as an "aggressive and impetuous nationalist" and acknowledging that it was Saakashvili who precipitated the 2008 Georgian-Russian War (albeit under incitement from Moscow).⁴ Given Ukraine's importance to Russia, the attempt to bring Ukraine into NATO was, in Gates' own words, "an especially monumental provocation." The whole effort to bring Georgia and Ukraine into NATO was, Gates concludes, premised on "recklessly ignoring what the Russians considered their own vital national interests."⁵

In short, after reading Gates, it is difficult to agree with the idea that the person of Vladimir Putin is the key variable that accounts for the high level of tensions between the United States and Russia. The reckless implementation of provocative and irresponsible actions are of greater explanatory value.

For citation

Reynolds, Michael A. "The USSR and Cold War Legacy: Implications for the Current International Agenda." *Journal of International Analytics* 12, no 1. (2021): 12–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-12-20>

Цитирование

Рейнолдс, М.А. СССР и наследие холодной войны: последствия для современных международных процессов // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 12–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-12-20>

1 Ziegler, Charles E. "A Crisis of Diverging Perspectives: U.S.–Russian Relations and the Security Dilemma," *Texas National Security Review* 4, no. 1 (Winter 2020–2021): 12, 31.
 2 Gates, Robert M. *Exercise of Power*, 270.
 3 Gates, Robert M. *Duty*, 157. For more on the Washington's fecklessness in both crises, see *Exercise of Power*, 292–297, 313–320.
 4 Gates, Robert M. *Exercise of Power*, 293; Gates, Robert M. *Duty*, 167–168.
 5 Gates, Robert M. *Duty*, 157.

Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика

Леонид Ефимович Бляхер

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>

АННОТАЦИЯ

В предлагаемой статье рассматриваются тенденции в области международных отношений, связанные во многом с распадом социалистической системы как важнейшего полюса международной политики, но особенно ярко проявившиеся в последние годы, в том числе в период пандемии. По мнению автора, четкая структура международного пространства в духе мир-системы И. Валлерстайна со столь же четкими правилами игры связана с наличием энфорсера. Энфорсером здесь выступает страна или группа стран, навязывающая определенные формы коммуникации и делающая поведение агентов международного политического пространства предсказуемым. Такая позиция для энфорсера, кроме всего прочего, дает возможность получения выгод (материальных и статусных), превышающих его издержки, что не в последнюю очередь определяется относительной гомогенностью акторов международного пространства (государств). Однако в реальности, как показано в статье, в мире гораздо больше вариантов политий, которым в определенных условиях удобно имитировать государственные политические институты. Изменение условий, способствующих росту разнообразия, ведет к резкой эскалации издержек энфорсера и уменьшению привлекательности самой позиции энфорсера. Когда лидер несет все более значительные издержки, он перестает выполнять свои функции, поэтому на место заданной энфорсером институциональной системы приходит иной способ организации международных отношений – межличностное (персональное) доверие, которое возникает и укрепляется при личном общении. До недавнего времени такие «клубы лиц, принимающих решения» не столь ярко, как энфорсер, но связывали глобальный мир. Однако пандемия нарушает и этот тип коммуникации, точнее, затрудняет его. В результате на первый план выходят проблемы внутренней политики и связанные с ней международные проблемы. Глобальная политика сменяется «соседской» политикой. От того, насколько успешно страна сможет понять новые тенденции, зависит ее место в формирующемся мире активного соперничества региональных игроков без глобального лидера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мировой энфорсер, международное пространство, государство, двухслойные структуры, «соседская» политика

Структурным изменениям в мировом политическом пространстве за последние годы в экспертной среде уделяется большое внимание. При этом сами оценки этих изменений менялись даже у таких авторитетных авторов, как Ф. Фукуяма, который в свое время считал идентичность¹ новой и потенциально конфликтной основой отношений между государствами. Все чаще в научной литературе предпринимается попытка не столько проанализировать конкретный кейс или ситуацию, сколько осмыслить концептуально основы трансформаций, достаточно явно протекающих на наших глазах. Такие тенденции очевидны в статистических изысканиях Н. Талеба², в модели олигополиса, разрабатываемой в трудах С. Сассен³, или, к примеру, в концепции противостояния «политики места» (территориальных государств) и «политики потока» (глобального мира) З. Баумана⁴.

С другой стороны, не менее популярны попытки как-то связать устойчивые и признанные теории международных отношений с фиксируемой реальностью. Вполне понятно, что Ялтинско-Потсдамская парадигма международных отношений с ее тщательно выстраиваемой коллективной безопасностью, четко отработанной системой норм и процедур сегодня разрушается⁵ не только по причине отсутствия «второго полюса силы», но и вследствие ряда качественных изменений, о которых речь пойдет далее. Это понимание инициирует поиск новых оснований для выстраивания модели политики в мировом масштабе. В рамках этой тенденции можно выделить работы, посвященные переходу к «многополярному миру», возможной смене мирового гегемона⁶, ослаблению действенности международного права⁷. При этом механическая экстраполяция, как правило, имеет большое количество ограничений при осмыслении событий, происходящих в реальности. В силу этого возникает необходимость в такой модели, которая будет отвечать специфике поставленной задачи и в то же время соответствовать объективным реалиям.

В данном случае речь идет о вполне сложившейся и признанной модели мир-системы, возникшей в ходе экспансии капитализма в мировое пространство⁸ и, соответственно, повлиявшей на принципы и правила, его структурирующие. Сам И. Валлерстайн в разные периоды описывает эти структуры по-разному. Но в предложенном исследовании принципиально важен сам факт структурной организации, где единым основанием выступает, во-первых, понимание, что мир при всех его изменениях и неоднородностях остается «миром государств» и, во-вторых, что при взаимодействии между этими государствами вырабатываются «правила игры», которые и позволяют существовать системе. Они включают в себя как правила взаимодействия в рамках самих подструктур (центр, периферия, полупериферия и т.д.), так и между ними.

Однако за последние годы эта вполне логичная система сталкивается с определенными трудностями при объяснении новых мировых трендов. Это

1 Fukuyama 2018.

2 Taleb 2010.

3 Сассен 2000.

4 Bauman 2003.

5 Юнгблуд 2020.

6 Логинов 2010.

7 Kagan 2003.

8 Wallerstein, Terence 1982.

признает и сам автор, говоря о конце либерализма и смерти модерна¹. Международные правила игры, которые позволяли говорить о международном политическом пространстве как о мир-системе², не исчезают, но все менее справляются с основной задачей объяснения происходящих процессов. Мир становится непредсказуемым.

Мировой энфорсер

Одним из ключевых концептов, возникающих довольно часто, когда речь заходит о социальных порядках и их особенностях³, становится концепт энфорсера. Под ним понимается личность или структура, ответственная за поддержание порядка и соблюдение правил игры и которая выступает необходимым элементом упорядоченности уже в рамках внутривнутриполитической связи по модели Олсона-Макгира⁴. В этом контексте энфорсер, подавляя различия в социальном организме, делает его агентов более предсказуемыми относительно друг друга. Тем самым упрощается коммуникация, разрешается классическая «Гоббсова проблема»⁵ превращения мира войны «все против всех» в мир структурированной социальности. Инструментом в этом случае выступает насилие, или, если быть точнее, его особый тип – легитимное насилие, воспринимаемое в качестве значимого общественного блага⁶. От характеристики энфорсера и его генезиса, от особенностей инструментов, которые он использует при «производстве порядка», от особенностей легитимации насилия в обществе зависят и характер политического режима, и наиболее устойчивые и одобряемые социальные практики, принятые в данном обществе. В отечественной традиции понятие «энфорсер» активно использует В.В. Волков⁷.

Важно понимать, что роль энфорсера притягательна, прежде всего потому, что в ее основе лежит господство и изъятие. Чем больше энфорсер может изымать, используя при этом легитимное насилие, чем меньше его издержки в процессе изъятия, тем более привлекательна в социуме роль энфорсера. В противном случае энфорсер постепенно превращается в «бандита-гастролера», используя терминологию М. Олсона, теряет монополию на насилие и легитимность. Однако здесь речь идет о государстве и порядке, складывающемся внутри территории, оформляемой сувереном. Но, как представляется, нечто подобное существует и в международных отношениях⁸, и потребность в подобной структуре в рамках организованного и глобального мира ощущается не менее остро.

Конечно, международные правила поведения складываются из множества двусторонних и многосторонних договоров, из распространенных практик достижения согласия и баланса сил. Однако сам факт существования междуна-

1 Wallerstein 1999.

2 Wallerstein, Terence 1982.

3 North et al. 2009.

4 Olson 1965.

5 Филиппов 2009.

6 Круглова 2015.

7 Волков 2005.

8 Langer 2015.

родных «правил игры» предполагает наличие энфорсера, на которого возложена функция поддержания порядка¹ и принуждения к исполнению этих правил. Он определяет приоритет норм и задает основания для такого определения. Именно его наличие поддерживает работу системы институтов не в меньшей степени, чем консенсус по поводу самих институтов.

Не столь важно для данного исследования, выполняет эту роль то или иное государство, надгосударственная структура или «концерт держав». Значение имеет то, что наличие достаточно широкого консенсуса по поводу общепринятых правил и энфорсера гарантируют предсказуемость в международных отношениях.

Позиция международного (мирового) энфорсера, как и в классической модели, упомянутой выше, предполагает получение некоторых преимуществ за издержки поддержания мирового порядка. Конечно, здесь достаточно редко речь идет о простом изъятии в виде дани или налога. Чаще всего это не только помощь в содержании армии (прямая или косвенная), но признание и использование национальной валюты, определение правил в международной торговле и т.д. По существу, общие правила формулируются, как и в случае с внутригосударственным энфорсером, исходя из собственных потребностей. И чем больше выгоды от позиции энфорсера превышают его издержки, тем более привлекательной оказывается сама позиция, и наоборот, чем выше издержки, тем менее привлекательной будет позиция энфорсера, даже при ее максимально высоком репутационном статусе. Ведь энфорсер в данном случае – это государство или группа государств, которым необходимо решать и внутренние проблемы, реализовывать свою функцию суверена на основной территории. При этом, в отличие от «внутреннего энфорсера», переход на уровень «бандита-гастролера», то есть отказ от производства порядка в пользу чистого изъятия, как правило, связанный с военными действиями, здесь маловероятен, поскольку именно он сопряжен с самыми высокими издержками.

Баланс издержки / выгоды не в последнюю очередь связан с тем, насколько сами институты, поддерживаемые энфорсером, являются выгодными для «подвластных» (в терминах И. Валлерстайна) – для стран мировой периферии и полупериферии. Если для «подвластных» стран, то есть стран, находящихся в пространстве международного права, выгоды от его наличия выше, чем издержки, связанные с принятием этих правил и, следовательно, неизбежным ущемлением государственного суверенитета, то теми или иными моментами «идентичности» или суверенности просто жертвуют. В противном случае возникает сопротивление энфорсеру. Собственно, это сопротивление и вынуждает энфорсера к активным действиям, повышая его издержки. С другой стороны, готовность стран взаимодействовать в рамках институтов, сложившихся под влиянием энфорсера, делает его издержки относительно низкими, но эта институционализация является сложным процессом.

1 Olson 1965.

Государство как симулякр: двухслойные политические структуры

Утверждение, что современный мир – это мир государств¹, стало уже трюизмом. Вместе с тем, как представляется, оно релевантно ситуации только в том случае, если предельно расширять понятие «государство», понимая под ним любой политический режим, воспринимая государство в качестве зонтичного понятия. Империя, федерация, союз племен вливались в область, обозначаемую концептом «государство». При этом под самим понятием, по сути, подразумевалось именно государство модерна, обладающее вполне определенным набором характеристик, не вполне релевантных иным типам политики². Распространение же этих атрибутов создавало путаницу и в плане анализа конкретных кейсов, и в плане возможного прогноза поведения политических агентов.

До определенного времени такое понимание не препятствовало и функционированию международных отношений, и их анализу. Однако в последние годы ситуация изменилась, и для понимания этих изменений необходимо также рассматривать их в историческом контексте. Возникшая в Европе XVII в. политическая форма – государство – в силу экспансии европейцев на весь мир постепенно становится если не единственной, то господствующей. Все иные формы оттесняются на мировую периферию, вынужденно обзаваются атрибутами, свойственными именно господствующему типу политики. Однако политические «иные» до второй половины XX столетия остаются экзотикой международных отношений или выступают их объектом, некой «территорией», за контроль над которой конкурируют субъекты. Для того чтобы оказаться в положении субъекта, многим империям приходилось становиться «государствами».

В середине XX в. в связи с развалом колониальной системы число государств резко возрастает. Но государства эти были довольно специфическими. Внешне все атрибуты государства как особой формы политической организации общества, сложившейся в Европе и закрепленной Вестфальским миром³, имели место. Более того, в большинстве новых образований формировалось «демократическое устройство» с выборными магистратами, парламентом и прочими необходимыми атрибутами. Только функции этих элементов в рамках новых политий были существенно иными⁴. Сложившиеся до эпохи колониализма политические организации (империи, союзы племен и др.) вполне удовлетворяли местное население. Да и приход цивилизаторов не был и не воспринимался в качестве трагедии. Ведь это цивилизованный европеец знал, что цветные безделушки, простые инструменты и старые ружья стоят намного дешевле, чем меха, золото, серебро, специи и прочие продукты местного хозяйства. Автохтонный житель знал другое. За бессмысленные кусочки металла и шкурки зверей, которых даже нельзя съесть, он получал важные для настоящей жизни предметы, которые позволяют ему возвыситься в местном (настоящем) социуме.

1 Melville 2009.

2 Каспэ 2007.

3 Ibid.

4 Бляхер 2014.

Постепенно возникала местная европеизированная элита, которая получила образование в метрополии, занимала значимые посты в колониальной администрации. Но элитой ее делала именно местная структура (род, племя). Они-то и осознали существующее положение дел как несправедливое, а колониальную практику – как угнетение. Именно их усилиями колониализм оказался нерентабельным. Но свержение колониализма не привело почти нигде к реставрации прежних политических форм. Причина вполне понятна.

Эпоха колониального владычества привела к ряду необратимых последствий. Во-первых, с колонизаторами пришли элементы здравоохранения. В результате эпидемии стали гораздо менее смертоносными. Во-вторых, колонизаторы, как правило, прекращали местные войны, что тоже существенно сохраняло население. Наступает время демографического перехода: прежний уровень рождаемости при качественно более низком уровне смертности. Резкое увеличение народонаселения приводило к тому, что местное (традиционное) хозяйство уже не могло его прокормить.

Казалось бы, за годы колониального господства в обществе появились иные, гораздо более эффективные формы деятельности. Но трудовая деятельность, отделенная от досуга, – это изобретение Европы Нового времени. Для большей части человечества такого разделения не существует. Труд вплетен в социальную ткань. Человек не «работает ткачом, каменотесом или воином». Это не профессии, а форма жизни. Именно традиционное хозяйство создает статусную структуру общества, позволяет ему разрешить «Гоббсову проблему». Соответственно, необходимо сохранить прежний тип хозяйствования, обеспечив для него дополнительные внешние вливания ресурсов.

Особые проблемы создавали границы новых государств, проведенные вразрез существования устойчивых союзов племен. Конфликт между политической организацией государства модерна и лидером прежнего союза племен потенциально мог привести (и приводил) к самым катастрофическим последствиям, как например, геноциду в Руанде¹. Соответственно, были необходимы дополнительные ресурсы для поддержания мира. Эти ресурсы могла предоставить только мировая (глобальная) экономика. Элиты, создав имитацию государства, стали ответственными за такую абсолютно неразумную с точки зрения нормальной экономики перекачку средств из глобальной экономики в местное, традиционное хозяйство. Формы были различными: от явной эксплуатации периферией центра до активно функционировавшего в прошлом столетии института гуманитарной помощи. Не менее эффективно работало в этом плане и предоставление территории под военные базы. За не особенно нужную социуму землю он получает совершенно необходимые ему ресурсы.

Для того чтобы перекачка ресурсов из мирового хозяйства в местное и традиционное была возможна, необходимы структуры, способные взаимодействовать с мировой экономикой и понятные ей. Тут и возникает «государство», точнее, его имитация. «Государственные» структуры образуют здесь своего рода защитный слой, который предохраняет от прямого воздействия подлинную

1 Кривушин 2015.

социально-политическую организацию. Последняя обнаруживается в момент, когда защитный слой по тем или иным причинам разрушается (Ливия, Афганистан и т.д.¹).

Другой пример, когда «перевод» с местного языка на глобальный оказывается затруднен или невозможен. Например, в ситуации экспорта наркотиков. То, что данный психоделик, в отличие от алкоголя, является нелегитимным для глобального мира, не нарушает его вполне легитимного бытия на местном уровне. Сходная ситуация возникает, когда глобальному проекту условного Запада начинает противостоять столь же глобальный проект, скажем, всемирного халифата, базирующийся на экстерриториальных, сетевых структурах. Здесь перевод становится крайне затруднителен, и поэтому в качестве основы для понимания ситуации активно используются концепт «глобальный терроризм» или сходные с ним концепты.

В принципе, такая имитация вполне удобна для глобального энфорсера. Он получает возможность воздействовать на квазигомогенное (составленное из государств) мировое политическое пространство. В этом варианте и возникает мир-система, фиксируя взгляд на мир глобального энфорсера. Но проблема в том, что имитация государства сохраняется до тех пор, пока она функциональна для местного сообщества. В противном случае она оказывается попросту избыточной, а в определенных ситуациях – и смертельно опасной. Чем меньше ресурсов перекачивается из глобальной экономики в местную, чем тяжелее «бремя империи», тем больше областей, где невозможен перевод, актуализируется. Ужесточаются и требования к «правильным» демократиям. В условиях биполярного мира для того, чтобы та или иная полития стала бенефициаром одного из полюсов силы, хватало правильной риторики. Отчасти эта ситуация сохранялась и в первые постсоветские годы, хотя не без негативных для бенефициаров тенденций, когда число подателей благ уменьшается, а число тех, кто хотел бы войти в группу бенефициаров, увеличивается (соответственно, ужесточаются правила допуска к благам, и стремление следовать правилам для части агентов снижается).

Возрастание издержек и поиск нового энфорсера

Первым вариантом фиксации появления на мировой политической карте *Другого* стал термин «несостоявшиеся государства»². Собственно, сама структура понятия говорит о том, что привычные взгляду аналитика формы в этом пространстве отсутствуют. Последнее совсем не значит, что там нет никаких политических форм. Но существующий аналитический инструментарий их просто не видит.

В той же области расположен концепт «государства-изгои», перешедший из публицистики в политическую аналитику³. Стоит отметить, что оба этих термина к настоящему времени теряют свою популярность. Конечно, образования,

1 Шугалай et al. 2020.

2 Call 2011.

3 Харкевич 2009.

именуемые «несостоявшимися государствами» или «странами-изгоями», не исчезли, но они потеряли свою привлекательность, став частью повседневности. Сегодня эти политические образования («другие», то есть не те, к которым привык энфорсер) занимают все большую часть мира, а пространство «нормального», «мир-системного» все более сужается¹. Возникают в смысловом пространстве современного мира и качественно иные – сетевые – образования. Здесь пример всемирного халифата не единственный. По сути, таким же сетевым образованием является идея «Одного пояса, одного пути». Именно поэтому аналитики ссылаются на ее неопределенность, поскольку в парадигме мира государств она с трудом поддается интерпретации².

Для разнородного мира все менее релевантными оказываются общие «правила игры». Соответственно, усиливается противодействие им. Тем самым возрастают и издержки на «поддержание мира» (осуществление принуждения к исполнению «правил»). Частные и достаточно мягкие формы вмешательства в «естественный ход» функционирования международного права с целью покарать «безбилетника» по мере продвижения человечества в XXI в. сменяются затяжными экономическими войнами, обменом санкционными ограничениями, прямым военным вмешательством. То есть относительно «дешевые» формы поддержания порядка постепенно сменяются дорогими, существенно повышающими издержки. Рост издержек ведет к снижению объема благ для энфорсера, а значит – осмысленности, привлекательности этого статуса. Попытка введения особых режимов для собственной экономики, не связанных с «общими правилами», еще более расшатывают сами правила, лишая смысла и легитимности работу энфорсера.

Отсюда и следуют проявившиеся в последние годы стремления к изоляционизму, проведению протекционистской политики и т.д. Конечно, можно рассматривать президентство Д. Трампа как некое отклонение от основного процесса. Однако само это «отклонение» стало возможным именно в силу «усталости энфорсера». В этих условиях все чаще начинают говорить о смене глобального лидера³. И кажется, что для такого подхода есть все основания. Появляется даже альтернативная модель международной организации («Один пояс, один путь»). Однако если приглядеться к модели внимательнее, то можно обнаружить, что она просто не предполагает энфорсера и единых правил игры.

Похоже, что сама идея мирового энфорсера и единых правил – это явление уходящей эпохи. Ослабление и – в перспективе – исчезновение энфорсера ведет и к размыванию правил, к снижению предсказуемости в международных отношениях. Но кризис институциональной системы, как убедительно показали работы коллектива авторов под руководством В.М. Сергеева⁴, вполне компенсируется сетевыми конструкциями и межличностным доверием. Вместо институтов складываются «клубы лиц, принимающих решения». Эти лица регулярно контактируют друг с другом в частных и публичных форматах. Каждый успешный контакт

1 North et al. 2009.

2 Лузянин, Афонасьева 2017.

3 Brzezinski 2007.

4 Сергеев et al. 2007.

в рамках этих клубов повышает уровень взаимного доверия, делает возможным планирование в рамках международных контактов¹. Различия в политической структуре стран, из которых происходят члены этих клубов, оказываются вторичными. Имитация становится все менее осмысленной и затратной. Все большее число стран перестают имитировать государство, обнажая свое политическое «иное». Понятно, что между сходными образованиями контакт проще, чем между совсем различными. Но межличностное доверие возможно и здесь. Мир все более стремительно превращается из мир-системы в мир регионов. Но контакты между регионами все же продолжают, поддерживая иллюзию глобального мира. Международные отношения все более превращаются в контакты между людьми, обладающими гораздо более высоким уровнем доверия, чем другие.

Такие клубы вполне способны обеспечить успешное функционирование глобального хозяйства, хотя и не совсем так, как это происходило в предшествующий период. Постепенно размываются границы между элементами мир-системы, да и само взаимодействие оказывается не столь автоматическим и безусловным. Но если институты срываются все хуже, то этот вариант становится вполне эффективным. В область международных отношений попадают уже не столько заключенные договоры или глобальные форумы, сколько частные поля для гольфа, закрытые вечеринки и т.д. При этом и первые, и вторые должны быть достаточно регулярными, поскольку отсутствие контакта «глаза в глаза» тоже снижает уровень доверия. До самого недавнего времени с такими контактами проблем не возникало. То есть возникали проблемы с допуском в эту сферу, с вхождением в сети лиц, принимающих решения, но не с самими контактами. Сегодня ситуация начинает меняться.

Локдаун в глобальном мире

События 2019–2020 гг. показали, что мир остается если и не организованным, как в модели И. Валлерстайна², то все еще вполне глобальным. Во всяком случае, описанная П. Димаджо и У. Пауэлом модель «железной клетки» сработала здесь достаточно однородно³. Согласно этой модели, аутсайдер копирует нечто в действиях лидера, что, по его, аутсайдера, мнению, и обеспечивает лидерство. При всем том, что чаще всего мнение аутсайдера достаточно слабо связано с реальностью, постепенно нововведение становится единственно возможной формой действия. А все, кто игнорирует его, просто попадают в ранг чужаков и маргиналов.

Место лидера эпохи пандемии мир отвел Китаю. Дело не только в том, что именно там болезнь возникла, но и в том, что «китайский мир» уже не один год рассматривался и политиками, и исследователями в качестве кандидата на нового энфорсера – если не единственного, то одного из. Жесткий карантин и локдаун, введенные в Китае, стали образцом для большей части стран. Сегодня страны, где эта форма борьбы с новой болезнью не применяется, рассматриваются критически.

1 Слизовский et al. 2008.

2 Wallerstein, Terence 1982.

3 DiMaggio, Powell 1983.

Возникает некий консенсус по поводу того, что подлинно гуманное правительство, заботящееся о населении и производящее «общественное благо», обязано вводить жесткие карантинные мероприятия вплоть до всеобщего локдауна. Идея всеобщего гостеприимства, высказываемая в начале текущего столетия¹, постепенно перестает упоминаться даже как церемониальная фраза. Мир вновь становится большим и разделенным. Усложнение правил пересечения границ, ужесточение контроля над лицами, их пересекающими, становятся общей практикой.

Понятно, что возможности лиц, принимающих решения, в том числе возможности по перемещению в пространстве, намного больше, чем среднестатистического жителя планеты. Тем не менее перемещение становится проблемой. Соответственно, чем больше расстояние, чем сильнее отличаются правовые и институциональные системы, тем менее вероятна регулярная коммуникация между лицами, принимающими решения из этих стран.

При этом у подобной ситуации появляются вполне очевидные бенефициары. В «Городе страхов, городе надежд» З. Бауман писал о двух типах человека, сформировавшихся на рубеже веков: «человек потока» и «человек места»². «Человек потока» живет в глобальном мире, движется под действием глобальных закономерностей, коммуницирует в этом пространстве, порождая основные хозяйственные и политические структуры нашего мира. «Человек места» живет в государстве, в более или менее замкнутом территориальном анклав. Идеалом первого является мир постоянных инноваций. Идеалом второго – безопасность и комфорт. Но проблема состояла в том, что угрозы безопасности и комфорту, как и новые возможности, приходили именно из потока, из глобального мира, воздействовать на который «человек места» при всем старании не мог. Ни «Великий китайский файрвол» (проект «Золотой щит»), ни иные мероприятия государств или локальных политий по контролю над потоком особого эффекта не давали. Тем более что именно из потока шли ресурсы глобальной экономики. Для локальных политий это создавало пространство серьезных рисков.

Собственно говоря, попытка сохранить блага глобального мира³ и одновременно избавиться от рисков, которые несет с собой глобальный поток, составляли содержание современной международной жизни. И вдруг поток стал замедляться. Представляется, что пандемия не является единственной причиной его замедления. При минимальной фиксации на проблеме можно увидеть, как поток стал постепенно останавливаться, как сокращалось «пространство гостеприимства», возрастало число «опасных мест». Целые регионы по тем или иным соображениям начинают исключаться из коммуникации. Здесь пандемия – не причина, но катализатор тенденции. Она выступила ускорителем процесса, уже протекающего в мире. Тем не менее именно карантинные мероприятия сделали эту приостановку видимой и фиксируемой.

Не секрет, что коммуникация далеко не исчерпывается вербальными формами. Более того, чем более плотной и разнообразной является коммуникация, тем выше уровень доверия. Именно межличностное доверие должно компенсировать отсут-

1 Urry 2001.

2 Bauman 2003.

3 Сассен 2000.

ствие доверия институционального, размытого в связи с ослаблением энфорсера. Консультации в очном формате остаются обычными внутри стран и границ. Они относительно регулярны для стран, находящихся в непосредственной близости, особенно если дополняются сходством политического режима или того, что скрывается под защитным слоем видимого политического режима. При этом прежний порядок неформальных консультаций в глобальном масштабе оказывается не то чтобы полностью невозможен, но существенным образом затруднен. Последнее и воспринимается как замедление потока, который теперь, оказывается, возможно поставить под контроль энфорсеру места, традиционной суверенной власти. Это часто трактуется как сплочение населения в рамках национальных государств¹ в свете угрозы пандемии. Представляется, что ситуация не вполне соответствует этому взгляду. Скорее именно внутри государства сегодня возможна наиболее полноценная и плотная коммуникация, причем не только между политическими акторами.

Соответственно, меняется и иерархия проблем. Внешние проблемы, влияющие на территорию «через поток», отступают на периферию. В центре оказываются проблемы внутренние. В плане международных отношений значимыми становятся проблемы ближайшего окружения, причем их значимость тоже связана с тем, насколько сильно они влияют на внутреннюю жизнь страны. Остальные проблемы, еще вчера казавшиеся критически важными, отходят на второй план. Так формируется особый тип политики, который уместно назвать «соседской». Именно в непосредственной пространственной близости возникают подлинные «клубы по интересам», как и самые жесткие противоречия и столкновения.

Локальные вызовы и торговые связи постепенно оказываются все более значимыми для межгосударственных отношений. Но формирующаяся структура смыслов и ценностей, в отличие от глобальной структуры, не просто не институционализирована – на данном этапе она представляет собой возможность событий, порождающую множество интерпретаций. Одна из них связана с тем, что ослабление лидера (энфорсера, гегемона) приведет не к краху глобальности, но к появлению нового лидера и энфорсера².

На роль нового энфорсера выдвигают Китай, Индию, совокупность стран БРИКС, других акторов мировой политики. Но такие утверждения либо относятся к области весьма отдаленного будущего, либо к актерам, картина мира которых просто не предполагает этой позиции. Конечно, можно утверждать, что даже массовые представления – вещь достаточно изменчивая. Соответственно, это и делают авторы и политики, призывающие Китай принять на себя роль лидера или предостерегающие его от стремления к гегемонии³. При этом не всегда учитывается то обстоятельство, что принять эту роль – значит принять на себя те издержки, которые сегодня несет энфорсер при достаточно сомнительных выгодах.

1 Пареньков, Петров 2020.

2 Кохова, Сухарев 2001.

3 Гринин 2012.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бляхер, Л.Е. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. – Москва: Европа, 2014. – 208 с. [Blyaher, Leonid. *The Art of Unmanageable Living. Far East*. [Iskusstvo neupravlyаемoj zhizni. Dal'nii Vostok] Moscow: Evropa, 2014] [In Russian].
- Волков, В.В. Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. – Москва: Изд-во ГУ-ВШЭ, 2005. – 350 с. [Volkov, V.V. *Power Entrepreneurship: an Economic and Sociological Analysis*. [Silovoe predprinimatel'stvo: ekonomiko-sociologicheskij analiz] Moscow: Izd-vo GU-VSHE, 2005] [In Russian].
- Гринин, Л.Е. Китайская модель и перспективы лидерства Китая в мире // Век глобализации. – 2012. – № 2. – С. 43–61. [Grinin, L.E. "The Chinese Model and Prospects for China's Leadership in the World." [Kitajskaya model' i perspektivy liderstva Kitaya v mire] *The Age of globalization*, no. 2 (2012): 43–61] [In Russian].
- Каспэ, С.И. Центры и иерархии, пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – Москва: Московская школа политических исследований, 2007. – 319 с. [Kaspe, Svyatoslav. *Centers and Hierarchies, Spatial Metaphors of Power, and the Western Political Form*. [Centry i ierarhii, prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaya politicheskaya forma] Moscow: Moscow School of Political Studies, 2007] [In Russian].
- Кохова, С.В., Сухарев, А.Г. Индия: курс на мировое лидерство в области информационных технологий. Государственная политика Индии в области разработки программного обеспечения и ее плоды. – М.: Издательство Московского университета, 2001. – 87 с. [Kohova, S.V., and A.G. Suharev. *India: a Course for Global Leadership in Information Technology. India's Public Policy on Software Development and its Results*. [Indiya: kurs na mirovoe liderstvo v oblasti informacionnyh tekhnologij. Gosudarstvennaya politika Indii v oblasti razrabotki programmnogo obespecheniya i ee plody] Moscow: Moscow University Press, 2001] [In Russian].
- Кривушин, И.В. Сто дней во власти безумия: Руандийский геноцид 1994 г. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2015. – 528 с. [Krivushin, I.V. *One Hundred Days in the Grip of Madness: The 1994 Rwandan Genocide*. [Sto dnei vo vlasti bezumiya: Ruandijskij genocid 1994 g.] Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015] [In Russian].
- Круглова, Е.А. «Государство» устарело: потребность в новом определении государства // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2015. – № 2. – С. 99–108. [Kruglova, E.A. "State' is Obsolete: the Need for a New Definition of the State." [Gosudarstvo ustarelo: potrebnost' v novom opredelenii gosudarstva] *Journal of Institutional Studies*, no. 2 (2015): 99–108] [In Russian].
- Логинов, Е.Л., Логинов, А.Е. Глобальный кризис как новый формат борьбы за мировое экономическое лидерство // Финансы и кредит. – 2010. – № 18 (402). – С. 22–27. [Loginov, E.L., Loginov, A.E. "The Global Crisis as a New Format of the Struggle for World Economic Leadership." [Global'nyj krizis kak novyj format bor'by za mirovoe ekonomicheskoe liderstvo] *Finance and Credit*, no. 18 (2010): 22–27] [In Russian].
- Лузянин, С.Г., Афонасьева, А.В. Один пояс, один путь – политические и экономические измерения // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2017. – № 40. – С. 5–14. [Luzyanin, S.G., Afonaseva, A.V. "Belt and Road Initiative – Political and Economic Dimensions." [Odin pojas, odin put' – politicheskie i ekonomicheskie izmereniya] *Bulletin of Tomsk State University. Economy*, no. 40 (2017): 5–14] [In Russian].
- Пареньков, Д.А., Петров, К.Е. Коронавирус и политика: запросы и ценности в эпоху пандемии. Международная аналитика. – 2020. – № 2. – С. 109–121. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-109-121>. [Parenikov, Daniil, and Kirill Petrov. "Coronavirus and Politics: Demands and Values in the Age of the Pandemic." [Koronavirus i politika: zaprosy i cennosti v epohu pandemii] *Journal of International Analytics* 11, no. 2 (2020): 109–121] [In Russian].
- Сассен, С. Приведение глобальной экономики в действие: роль национальных государств и частных факторов // Международный журнал социальных наук. – 2000. – № 28. – С. 167–175. [Sassen, Saskia. "Bringing the Global Economy into Action: the Role of National States and Private Factors." [Privedenie global'noj ekonomiki v dejstvie: rol' nacional'nyh gosudarstv i chastnyh faktorov] *International Journal of Social Sciences*, no. 28 (2000): 167–175] [In Russian].
- Сергеев, В.М., Кузьмин, А.С., Нечаев, В.Д., Алексеев, Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Полис. – 2007. – № 2. – С. 8–17. [Sergeev, V.M., A.S. Kuzmin, V.D. Nechaev, and E.S. Alekseenkova. "Trust and Spatial Interaction of Social Networks." [Doverie i prostranstvennoe vzaimodejstvie social'nyh setej] *Polis*, no. 2 (2007): 8–17] [In Russian].
- Слизовский, Д.Е., Ожиганов, Э.Н., Алехнович, С.О. Стратегический анализ и прогнозирование политических процессов // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2008. – № 4. – С. 98–108. [Slizovski, D.E., E.N. Ozhiganov, S.O. Alekhnovich. "Strategic Analysis and Forecasting of Political Processes." [Strategicheskij analiz i prognozirovanie politicheskikh processov] *Vestnik RUDN*, no. 4. (2008): 98–108] [In Russian].
- Филиппов, А.Ф. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. – 2009. – № 3. – С. 113–123. [Filippov, Aleksander. "The Relevance of Hobbes' Philosophy." [Aktual'nost' filosofii Gobbssa] *Sociological Review*, no. 3 (2009): 113–123] [In Russian].
- Харкевич, М.В. Государства-изгои как образ «другого» в мировой политике // Полис. – 2009. – № 4. – С. 99–110. [Kharkevich, Maxim. "Rogue States as an Image of the "Other" in World Politics. [Gosudarstva-izgoi kak obraz «drugogo» v mirovoj politike] *Polis*, no. 4 (2009): 99–110] [In Russian].
- Шугалей, М.А., Бурикова, И.С., Суханов, О.В., Юрьев, А.И. Триполи как социальный лифт для ИГИЛ (террористическая организация) / Коллективная монография по результатам исследований Максима Шугалея / Под науч. ред. проф. А.И. Юрьева. – СПб, 2020. – 115 с. [Shugaley, M.A., I.S. Burikova, O.V. Suhanov, and A.I. Yur'ev, ed. *Tripoli as a Social Elevator for ISL (terrorist organization)*. [Tripoli kak social'nyj lift dlya IGIL (terroristicheskaya organizaciya)]. [In Russian].
- Юнгблуд, В.Т. Мировой порядок 1945 г. – процесс с «открытым» продолжением // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – № 13. – С. 52–79. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2020>. [Yungblud, V.T. "The 1945 World Order – Process with an "Open" Continuation." [Mirovoj porjadok 1945 g. – protsess s «otkryтым» prodolzheniem] *MGIMO Review of International Relations*, no. 13 (2020): 52–79] [In Russian].
- Bauman, Zygmunt. *City of Fears, City of Hopes*. London: Goldsmith's College, 2003.
- Brzezinski, Zbigniew. *Second Chance: Three Presidents and the Crisis of American Superpower*. New York: Basic Books, 2007.
- Call, Charles T. "Beyond the 'Failed State': Toward Conceptual Alternatives." *European Journal of International Relations* 17, no. 2 (June 2011): 303–26. <https://doi.org/10.1177/1354066109353137>.
- DiMaggio, Paul J., and Walter W. Powell. "The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields." *American Sociological Review* 48, no. 2 (1983): 147–60. doi:10.2307/2095101.

Fukuyama, Francis. *Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.

Kagan, Robert. *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order*. New York: Vintage, 2003.

Langer, Máximo. "Universal Jurisdiction is Not Disappearing: The Shift from 'Global Enforcer' to 'No Safe Haven' Universal Jurisdiction." *Journal of International Criminal Justice* 13, no. 2 (May 2015): 245–256. <https://doi.org/10.1093/jicj/mqv009>.

Melville, Andrei, ed. *Political Atlas of the Modern World: An Experiment in Multidimensional Statistical Analysis of the Political Systems of Modern States*. Preprint. Moscow: MGIMO – University Press, 2009.

North, Douglass C., John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge University Press, 2009. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511575839>.

Olson, Mancur. *The Logic of Collective Actions. Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge: Harvard University Press, 1965.

Taleb, Nassim Nicholas. *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. London: Penguin Books Ltd., 2010.

Urry, John. "Globalising the Tourist Gaze," published by the Department of Sociology, the Lancaster University, Lancaster, 2001. <http://www.comp.lancs.ac.uk/sociology/papers/Urry-Globalising-the-Tourist-Gaze.pdf>.

Wallerstein, Immanuel Maurice, and Terence K. Hopkins. *World-Systems Analysis: Theory and Methodology*. Beverly Hills: Sage Publications, 1982.

Wallerstein, Immanuel Maurice. *The End of the World as we Know It: Social Science for the Twenty-first Century*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999.

Сведения об авторе

Леонид Ефимович Бляхер,

д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой философии и культурологи,

Тихоокеанский государственный университет,

Российская Федерация, 680035, Хабаровск, Тихоокеанская ул., 136.

e-mail: leonid743342@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 20 марта 2021. Принята к публикации: 5 мая 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Бляхер, Л.Е. Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика //

Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 21–34.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>

The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics

ABSTRACT

The article examines the trends in international relations that have emerged in recent years, including during the pandemic. According to the author, a clear international space structure in the vein of Immanuel Wallerstein's world-system, with equally clear rules of the game in such space is associated with the presence of an enforcer. The enforcer here is a country or group of countries that impose certain forms of communication on the international space, making the behavior of agents of the international political space predictable. Such a position for the enforcer, among other things, makes it possible to obtain benefits (material and status ones) that exceed its costs. This situation was not least determined by the relative homogeneity of the international space actors (States). However, in reality, as shown in the article, there are many more variants of polities in the world, which, under certain conditions, were convenient to imitate state political institutions. The conditions change is leading to actualization of such polities. The actualization of diversity results in a sharp escalation of the enforcer's costs, a drop in their effectiveness and the attractiveness of the enforcer's position itself. The leader bears more and more significant costs ceases to perform its functions. Here, in place of the institutional system set by the enforcer, comes a different way of organizing international relations – interpersonal trust, which arises and is strengthened by personal communication. Until recently, such “decision-makers' clubs” were not as bright as the enforcer, but they connected the global world. However, the pandemic also disrupts this type of communication or rather complicates it. As a result, the hierarchy of problems changes. The problems of domestic politics and the international problems that affect them come to the fore. Global politics is being replaced by “neighborhood” politics. In the age of the world without a global leader and regional players rivalry, tomorrow's “weight” of one country depends on how effectively it will be able to fit in the new type of political structure.

KEYWORDS

enforcer, international space, state, two-layer structures, neighborhood politics

Author

Leonid E. Bliakher,

Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies, PhD in philosophy,
Pacific State University,

136, Tihookeanskaya Street, Khabarovsk, 680035, Russian Federation.

e-mail: leonid743342@mail.ru

Additional information

Received: March 20, 2021. Accepted: May 5, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Bliakher, Leonid E. “The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics.”
Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 21–34.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34>

Дихотомия «Европа – Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма

Максим Валерьевич Кирчанов

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-35-54>

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует особенности интеллектуальной и идеологической легитимации европейской политики современных элит Грузии. Предполагается, что интеллектуалы являются основными вдохновителями и инициаторами формирования и развития европейского измерения в грузинской национальной идентичности. Автор анализирует трансформацию дихотомии «Европа – Россия» в современном грузинском интеллектуальном дискурсе. Анализируются стратегии и формы позитивной и негативной идеологизации Запада и России. Показана зависимость интеллектуалов как от политического класса, так и от актуальной идеологической конъюнктуры и ситуации. Автор полагает, что гипертрофированная роль европейских и российских образов в грузинском националистическом дискурсе и политическом воображении стала следствием веры элит и интеллектуалов в коллективный Запад как альтернативу российскому влиянию. Автор анализирует основные стратегии формирования положительного образа Европы в грузинском интеллектуальном дискурсе, полагая, что развитие европейских мотивов и образов несколькими поколениями грузинских интеллектуалов привело к возникновению уникального грузинского европеизма и концепта грузинской нации как «нетипичных европейцев». Развитие европейских образов зависит от формирования и продвижения образа России как универсального Другого. Предполагается, что негативная мифологизация России стала результатом исторической травмы: утраты государственности, вынужденной истории Грузии в Российской империи и СССР, а также неудачами в российско-грузинской внешнеполитической конкуренции в постсоветский период. В целом автор полагает, что российские и европейские нарративы стали изобретенными традициями грузинской идентичности, которые влияют на стратегии элит во внешней политике Грузии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Грузия, национализм, идентичность, «атипичная европейскость»,
политическое воображение, Запад, Россия*

Современная грузинская государственность в качестве своего внешнеполитического приоритета декларирует европейскую интеграцию и участие страны в евро-атлантическом сотрудничестве. К 2020 г. достижения Грузии в европейской политике выглядят следующим образом: Грузия подписала соглашение об ассоциации с Евросоюзом, страна принимает участие в ряде программ ЕС, включая Европейскую политику соседства, Евроконтроль и транспортный коридор «Европа – Кавказ – Азия», с 28 марта 2017 г. установлен безвизовый режим с ЕС. Необходимость европейской интеграции в большей или меньшей степени присутствует в политическом дискурсе Грузии начиная с пребывания у власти М. Саакашвили, что сочетается с формированием и продвижением негативного образа России, но подобная политика имеет свои интеллектуальные и культурные основания.

Целью данной статьи является анализ интеллектуальной легитимации внешней политики Грузии в контекстах формирования интеллектуальной дихотомии «Я (Свой, *Self*) / Другой (Other)», или «Европа – Россия», в современном культурном дискурсе. Легитимация проевропейского выбора на актуальном этапе развития грузинской государственности проявляется как в продвижении европейского выбора, так и в делегитимации России и формировании ее негативного образа, что существенно осложняет смену или корректировку внешнеполитических приоритетов Грузии.

Методологически автор опирается на классический концепт постмодернистской историографии, представленный, с одной стороны, теорией изобретения традиций. Изобретение традиций в этой статье интерпретируется в расширенном значении – не только как изобретение и политически мотивированное воспроизводство элементов той или иной идентичности, но и как продвижение определенных «изобретенных» интеллектуалами образов. В контекстах темы статьи такими образами являются Россия и Европа в современном грузинском националистическом дискурсе. С другой стороны, анализируя в статье проявления грузинского национализма в контексте изобретения образов России и Европы как *инаковости* и *самости*, автор полагает, что грузинский случай уникален только конкретным содержанием текстов интеллектуалов, в то время как сам механизм формирования таких образов, их генезис, зависимость от политической и идеологической конъюнктуры типичны и серийны. Кроме этого, автор признает и то, что представленная статья в определенной степени носит характер ревизии сложившейся историографической практики в изучении современной грузинской интеллектуальной ситуации. Текст написан преимущественно на основе грузинского материала, изучаемые тенденции и тренды в развитии интеллектуального сообщества воспринимаются как конструкты и изобретенные традиции, а сама интеграция проблематики в контекст имеющейся научной литературы по теме и вовсе основана на оторванности от грузинской национальной почвы и переносе в текст центрально- и восточноевропейского историографического контекста. В 2003 г. Дж. МакФерсон, бывший тогда президентом Американской исторической ассоциации, подчеркивал, что

«ревизия является жизненной основой исторической науки. История представляет собой непрерывный диалог

между настоящим и прошлым. Интерпретации прошлого могут меняться вследствие нахождения новых исторических данных, появления новых вопросов к уже открытым данным, за счёт лучшего видения прошлого, которое наступает с течением времени. Не существует единой, вечной и неизменной “истины” о событиях прошлого и их значении. Бесконечные попытки историков разобраться в прошлом, по сути “ревизионизм”, как раз и делают историческую науку жизненно важной и значимой»¹.

Поэтому автор полагает, что изучение концептов европейскости как *самости* и российских образов как *инаковости* в современной грузинской интеллектуальной традиции в рамках именно ревизионистского подхода может оказаться продуктивным и результативным.

Вопросы развития образов России и Европы как *инаковости* и *самости* в современной грузинской интеллектуальной культуре в международной историографии изучены крайне неравномерно. Зарубежными исследователями данная проблематика воспринимается различным образом, а интерпретации варьируются от «европеизации»² закавказских культурных и интеллектуальных практик и их локализации в контекстах гибридности³ до проекции идентичности на внешнюю политику⁴ и манипуляции с исторической памятью⁵ ради консолидации сообщества на внешнеполитической арене⁶, хотя в некоторых случаях проблемы репрезентативности концептов *самости* и *инаковости* редуцируются до конъюнктурных сюжетов, связанных с исторической политикой и «войнами памяти»⁷. Кроме этого, грузинские сюжеты оказываются жертвой склонности к сравнительным штудиям, что, конечно, интересно, но снижает роль картвельской специфики, придавая несколько искусственный и отчасти надуманный характер сравнительным историко-политическим параллелям, например, с соседней Арменией⁸.

В научной отечественной литературе доминирует склонность редуцировать проблему до практико-ориентированных сюжетов. Поэтому вместо концептов самости и/или инаковости анализируются проблемы европейской политики Грузии, но большинство работ, сфокусированных на этом вопросе, касаются внешнеполитической или экономической конкретики, в то время как механизмы легитимации и обоснования европейской политики и формирования негативного образа России остаются в тени. Подобная историографическая ситуация стала следствием одновременного воздействия ряда факторов. С одной стороны, прослеживается влияние политической и идеологической конъюнктуры, которая

1 McPherson 2003, 1.

2 Chitaladze, Grigoryan 2015; Tsuladze 2017.

3 Kabachnik 2018.

4 Ó Beacháin, Coene 2014.

5 Kovtiak 2018.

6 Metreveli 2016.

7 Martínez 2017.

8 Shatirishvili 2009; Delcour 2019.

вынуждает исследователей изучать, казалось бы, актуальные и злободневные внешнеполитические шаги грузинских элит в европейском направлении¹.

С другой – на пути анализа интеллектуальной легитимации европейского выбора грузинских элит существует препятствие, связанное с особенностями источниковой базы: практически все тексты, которые в той или иной степени легитимируют европейский выбор, формируя негативный образ российской альтернативы, написаны на грузинском языке. Кроме этого, следует упомянуть еще один фактор: большинство российских работ по грузинской проблематике написаны на основе вторичных источников на русском или других европейских языках. Работ, посвященных Грузии и написанных российскими авторами с использованием оригинальных источников, к сожалению, не так много². Число исследований о грузинском интеллектуальном сообществе и его политической роли также не столь велико³. Дефицит в определенной степени восполняется текстами грузинских исследователей, если они изданы на английском⁴ или русском языке. Кроме этого, существует значительная грузинская историография, сфокусированная на анализе как национализма в Грузии⁵, так и его роли в политических процессах⁶, развитии интеллектуального грузинского дискурса⁷, воображении сообществ⁸ и изобретении традиций⁹. В этой ситуации отечественная историография современной Грузии в определенной степени зависима от мнений и суждений грузинских коллег, спорадически транслирующих точку зрения того интеллектуального сообщества, к которому они принадлежат. Вышеперечисленные историографические факторы, по мнению автора, придают особую актуальность изучению интеллектуальных легитимаций европейского выбора политического класса современной Грузии.

«Европа – Россия» как универсальная дихотомия грузинского националистического воображения

Восприятие как России, так и Европы в грузинской политической и культурной идентичности зависит от целого ряда факторов, важнейшими из которых, вероятно, следует признать гетерогенность, множественность и расщепленность грузинского политического дискурса. Т. Берекашвили полагает, что развитие любой национальной, гендерной, культурной или социальной идентичности практически всегда предусматривает как образование, так и «трансценденцию, или формирование *Другого*»¹⁰ в силу того, что для нормального функционирования нации как «воображенного сообщества» со своими

1 Айвазян 2020; Айвазян 2016; Болгова 2016.

2 Kirchanov 2010.

3 Kyrchanoff 2020; Кирчанов 2020.

4 Sikharulidze 2020; Сихарулидзе 2019.

5 დავითაშვილი 2003; ქარელი 2009.

6 კოპიტერსის, ლეგვოლის 2006.

7 მაღლაფერიძე 2005.

8 კაკიტელაშვილი 2012; ჩხაიძე 2009.

9 "European Responsibility. Presentation at the International Symposium on European Cultural Identity. Paris, January 1988," Merab Mamardashvili, accessed April 20, 2021, <https://mamardashvili.com/archive/interviews/responsibility-en.html>; შუბითიძე 2013.

10 "თამარ ბერეკაშვილი – იდენტობის პრობლემა თანამედროვე სამყაროში (The Problem of Identity in the Modern World)," Semiotics, December 12, 2012, accessed January 15, 2021, <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/12/12/თამარ-ბერეკაშვილი-ი-იდენტ-2/>.

«изобретенными традициями» самоидентификация не может происходить без очертания границ *инаковости*.

Формирование образов *Другого* в современной грузинской идентичности характеризуется рядом особенностей. Грузинскими интеллектуалами «история всегда использовалась для легитимации политических процессов и состояний», в том числе и для продвижения концептов *инаковости*, что автоматически превращало историю в часть проектов по собственной легитимации. Поэтому «крайняя политизация историографии, монополизация историографического производства, высокая степень политизации исторических дебатов и историческое мифотворчество»¹ стали характерными особенностями интеллектуального климата в Грузии, хотя оригинально были предложены для описания интеллектуальной ситуации в других постсоветских государствах.

Поэтому осознание того факта, что исторически «Грузия когда-то была великой»² или даже «объединяла весь Кавказ, имела те функции и вес в мире, которые сейчас имеют Соединенные Штаты»³ (по мнению сторонников более радикальной национальной ревизии истории), постоянно стимулирует грузинских интеллектуалов размышлять и о роли России, которая в грузинском националистическом воображении современного этапа претендует на статус универсального *Другого*. Фактор русского влияния, символом которого в ряде случаев позиционируется, например, В. Маяковский⁴, превратившийся в персонифицированное место памяти грузинской идентичности⁵, признается большинством грузинских интеллектуалов, если они, конечно, пребывают в рамках академического дискурса⁶.

С одной стороны, часть грузинских интеллектуалов склонна воспринимать русскую культуру как региональную версию европейской, но отягощенной негативным историческим опытом. Поэтому отсылки к наследию К. Малевича⁷, В. Брюсова и А. Белого⁸ или цитаты С. Аверинцева и О. Седаковой⁹ в современном интеллектуальном грузинском дискурсе вполне нормальны, но, вероятно, в ближайшей хронологической перспективе они исчезнут, так как более активным становится новое поколение интеллектуалов, которые знают европейские языки (и поэтому в большей степени склонны ориентироваться на западные

1 Кушко, Таки 2003.

2 «ერთი ხალხის ორი ისტორია (Two stories of one people),» Radio Liberty, May 28, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/one-people-two-history/29255623.html>.

3 ს. მასხარაშვილი "დიდქვაბშიარეტოდა, პატარაშისულარიყო – ქართველიერი (S. Maskharashvili, "It Did Not Fit In a Big Cauldron, It Did Not Fit In a Small One – The Georgian Nation"),» Intermedia, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/123510-დიდ-ქვაბში-არ-ეტოდა-პატარაში-სულ-არ-ყო-ქართველი-ერი/2/>.

4 გ. ფირცხალაიშვილი, "გოტენცხედიანის 'მაიაკოვსკისთეატრი' (T. Tskhvediani, "Mayakovsky Theater"),» Arili, October 22, 2017, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/გიორგი-ფირცხალაიშვილი-ც/>.

5 ი. ურუშაძე, "ლიტერატურული დასვენება და მაიაკოვსკის თეატრი (I. Urushadze, "Literary Recreation and Mayakovsky Theater"),» demo.ge, May 17, 2017, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1363>.

6 ა. კუპრეიშვილი, "რუსული ფორმალიზმისა და ფუტურისტული ესთეტიკის მიმართების საკითხი (A. Kupreishvili, "The Issue of the Relation Between Russian Formalism And Futuristic Aesthetics"),» demo.ge, November 15, 2019, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1719>.

7 ლ. კუჭუხიძე, "ჩვენდროისხატ: მალევიჩისდაბადების 140 წლისაღსანიშნავად (L. Kuchukhidze, "Icon of our Time: To The 140th Anniversary Of Malevich's Birth"),» demo.ge, March 15, 2020, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1497>.

8 ა. კუპრეიშვილი, "რუსული ფორმალიზმისა და ფუტურისტული ესთეტიკის მიმართების საკითხი (A. Kupreishvili, "The Issue Of The Relation Between Russian Formalism And Futuristic Aesthetics"),» demo.ge, November 15, 2019, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1719>.

9 ლ. კუჭუხიძე, "თანამედროვეობა როგორც ჰერმეტიულობა (L. Kuchukhidze, "Modernity as Hermeticity"),» demo.ge, January 16, 2020, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1729>.

культурные образцы и модели¹), но не владеют русским, что автоматически отсекает европеизированный сегмент русской культуры от грузинской интеллектуальной традиции².

С другой – целый ряд авторов (и таких в современной Грузии, вероятно, большинство) склонен оценивать его негативно в категориях противостояния грузинской идентичности как западной и русской как восточной, подчеркивая³, что

«стремление грузин к западной цивилизации началось в начале XX века [...] сразу, как только Грузии был предоставлен свободный выбор, она начала формировать европейско-демократическое государство. Резким выражением европейского выбора Грузии было то, что здесь, в отличие от России, доминирующей силой была не азиатско-деспотическая разновидность социализма – большевизм, а социал-демократия европейского типа. Грузинская культура, художественное или теоретическое мышление начала XX века явно были европоцентричны, даже если они критически воспринимали Европу и Запад».

Россия как универсальный Другой в мышлении грузинских интеллектуалов

Россия исторически воспринимается как постоянная угроза и источник проблем для грузинской нации и государственности – от «этнических чисток»⁴ до угрозы независимости, – а претензии со стороны интеллектуалов Грузии к России разнообразны и варьируются от обвинения в ликвидации грузинской государственности в XIX в. до попыток недопущения реализации проекта независимой грузинской государственности в 1990-е гг. и ее экономического подавления⁵. Несколько стимулов содействуют формированию, развитию и продвижению негативного образа России, а именно: поддержка Россией сепаратистов в 1990-е гг., военный конфликт 2008 г. и последующее признание со стороны РФ независимости Абхазии и Южной Осетии, а также вмешательство в конфликт на Украине в 2014 г. Поэтому некоторые авторы последовательны в критике России и сравнивают ее политику в Крыму в 2014 г. с тем, что Германия делала в 1938 г. в Су-

1 დ. გალაშვილი, "სარტრისეზისტენციალიზმი (D. Galashvili, "Sartre's Existentialism"), demo.ge, July 19, 2019, accessed January 15, 2021, <https://demo.ge/index.php?do=full&id=1693>.

2 На такие тенденции указывают и сами грузинские авторы (Shatirishvili 2003), констатирующие смену поколений интеллектуалов: если советские грузинские интеллигенты знали русский и немецкий, то для многих современных интеллектуалов единственным иностранным языком является английский.

3 თ. ვასაძე, "თამაზ ვასაძე – დასავლური პრინციპების იმედით (T. Vasadze, "Hoping for Western Principles"), Arili, May 4, 2018, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/თამაზ-ვასაძე-დასავლური-3/>.

4 "ოთარკახიძეგადაცემაში – რეაქცია (Otar Kakhidze in the program – Reaction)," European Georgia – Movement for Freedom, May 24, 2018, accessed January 15, 2021, <http://europeangeorgia.ge/news/otar-kakhidze-gadatsemashi-reaktsia>.

5 "22 წლის ლარის 20 წლის იუბილე (20th Anniversary of 22 GEL)," Information-Analytical Agency "Iverion," September 28, 2015, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/13978-22-tslis-laris-20-tslis-iubile.html>.

детах¹. Л. Латария и вовсе определяет события 2014 г. как «российский ремейк Судетского кризиса»². Другие авторы также склонны актуализировать именно агрессивные амбиции России, воспринимая ее как «страну, которая убивает критически мыслящих журналистов и сажает в тюрьму политических противников»³, сравнивая ее, с одной стороны, с «плотоядным животным, которое использует ситуацию и расширяет границы во время пандемии», а с другой – «чумой, которая беспокоит нас, грузин, много лет»⁴.

Для грузинской интеллектуальной традиции на современном этапе ее развития характерно устойчивое противопоставление России и Европы. Последняя, по мнению грузинских авторов, олицетворяет собой правильные политические ценности и культурные принципы, которые отличают ее от России. Н. Миханашвили, например, полагает, что европейский выбор грузин не имеет материального измерения, но мотивирован преимущественно желанием осознать европейские ценности как свои: «солидарности, толерантного общества, высокой ответственности, сохранения национальной памяти, чувства преемственности и, как следствие, возрождение лучших ценностей грузин»⁵. Тем самым, они являются проявлением европейской политической ориентации Грузии.

В продвижении именно такой точки зрения принимают активное участие не только светские, но и религиозные деятели Грузии. Например, дьякон И. Чигладзе суммирует исторические претензии со стороны грузин к России следующим образом: ответственность за нападения Ирана на Грузию в конце XVIII в. несет именно Российская империя, так как пророссийская ориентация элит обострила отношения с персами. Россия, по мнению И. Чигладзе, «не выполнила свои обязательства по защите Грузии во время военного вторжения мусульман, и из-за России пал Тбилиси... была подорвана мощь и сила Картли-Кахети, что привело к ее аннексии Россией в 1801 г., завоеванию Грузии и свержению с престола династии Багратиони»⁶. В целом исторические претензии сводятся как к аннексии Грузии, так и разрушению ее церкви как института.

Грузинскими интеллектуалами регулярно подчеркивается, что «в эпоху падения коммунизма и, казалось бы, всеобщего осуждения имперских устремлений» внешняя и внутренняя политика России продолжает оставаться имперской, а ее «некоторые симптомы продолжают вызывать беспокойство»⁷, в первую очередь

1 "ყირიმის კრიზისის შედარება სუდეტის კრიზისთან (Comparison of the Crimean Crisis with the Sudeten Crisis)," Web portal "Intermedia," July 25, 2014, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/52976-ყირიმის-კრიზისის-შედარება-სუდეტის-კრიზისთან/>.

2 Ibid.

3 "სერგიკა პანაძის სპეჩი სპარლამენტის სესიის დროს (Sergi Kapanadze's Speech at the Parliamentary Session)," European Georgia – Movement for Freedom, May 30, 2018, accessed January 15, 2021, <http://europeangeorgia.ge/news/sergi-kapanadzis-gamosvla-saparlamento-sesiaz-0>.

4 "რასპუტინი, როგორც რუსეთის სახე (Rasputin as the Face of Russia)," Web portal "Intermedia," April 16, 2016, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/126922-რასპუტინი-როგორც-რუსეთის-სახე/>.

5 "ილია ჭავჭავაძეიდან თანამედროვე უღირსებო და უეროვნებო ჩინოვნიკებამდე! (From Ilia Chavchavadze To Modern Unworthy And Ungodly Officials)," Information-Analytical Agency "Iverion," accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/13503-ilia-tcavtcavadzedan-thanamedrove-ughirsebo-da-uervonebo-chinovnikebamde.html>.

6 "გულდაწყვეტილმა მოვუსმინე ჩემს ყოფილ მასწავლებელს მიტროპოლიტ იოანეს, რომელსაც ჰგონია, რომ რუსებმა ტაძრები აღგვიდგინეს (I Was Heartbroken, Listening To My Former Teacher, Metropolitan Ioane, Who Thinks That The Russians Have Rebuilt Our Temples)," News-Analytical Agency timer.ge, November 20, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.timer.ge/guldatskhvetilma-movusmine-chems-khopil-mastsavlebel-mitropolit-ioanesromelsac-hgoniarom-rusebma-tadzebi-aghgvigdines/>.

7 "მოლოტოვ-რიბენტროპის პაქტი: რას გვასწავლის 'ტირანთა ერთსულოვნება?' (The Molotov-Ribbentrop Pact: What Does The 'Unanimity Of Tyrants' Teach Us?)," Liberal, August 27, 2019, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/46036/molotovribbentropis-pakti-ras-gvastsavlis-tiranta-ertsulovneba>.

те, которые связаны с ростом российского влияния на постсоветском пространстве, хотя грузинские СМИ в ряде случаев склонны себя успокаивать тем, что в Грузии невозможна аннексия части территорий Россией, указывая на культурные и языковые отличия грузин от россиян¹. В целом подобные нарративы, актуализирующие военный конфликт 2008 г., служат как укреплению грузинской политической идентичности, так и формированию негативного образа России как универсального *Другого*, чья *инаковость* проявляется не только в культуре и языке, но и в склонности к применению некоторых авторитарных политических методов, которые, по мнению грузинских интеллектуалов, являются недопустимыми.

Если русская классическая литература и эксперименты советских футуристов и модернистов в какой-то степени могут быть интегрированы в культурные пространства Грузии и не вызывают значительного отторжения, то политика России в отношении грузинского государства воспринимается исключительно негативно. Г. Тигинашвили-Ивриспирели еще в первой половине 2010-х гг. указывал на постоянные угрозы, исходящие, по его мнению, от России². В этой ситуации грузинскими интеллектуалами была осознана необходимость последовательного ослабления русского / российского влияния, чему и была подчинена логика как развития, так и функционирования интеллектуального сообщества во второй половине 2000-х гг., что способствовало его консолидации.

Кроме этого, интеллектуалы «как авторы исторического нарратива “изобретают” традиции, на которых и возникают коллективные идентичности и национальные сообщества»³. Грузинский случай современного развития интеллектуального сообщества не является исключением, хотя некоторые авторы столь активны в попытках деконструкции истории, что проводят параллели с бодрийеровскими идеями об имитационной сущности общества потребления⁴. Поэтому грузинские интеллектуалы не только склонны конструировать образ России как псевдодемократии, где выборы стали формой политического карнавала⁵, но и обвиняют ее во вмешательстве во внутренние дела Запада, ослаблении либерализма и спонсировании крайних правых⁶, продвижении пророссийских политиков, определяемых, в соответствии с еще ленинской формулой, как «полезные идиоты», прикрывающихся маской православного интернационала⁷, который, по мнению ряда грузинских авторов⁸, Россия использует наравне с поддерж-

1 “მატვეი განაპოლსკი: საქართველოში ბევრია ის, ვინც ქვეყნის დამოუკიდებლობას დაიცავს (There Are Many People In Georgia Who Will Protect The Country's Independence),” Information-Analytical Agency timer.ge, June 22, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.timer.ge/matvei-ganapolski-saqarthveloshi-bevria-is-vinc-qvekhnis-damoukideblobas-daicavs/>.

2 “გიორგი ტიგინაშვილი: – ‘ისტერიული რუსოფილია საქართველოში’ (Hysterical Russophilia in Georgia),” News-Analytical Agency “Iverion,” August 30, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/6755-giorgi-tiginashvili-isteriuli-rusofilia-saqarthveloshi.html>.

3 Саганович 2010.

4 “ელიზბარ ელიზბარაშვილი _ ისტორიის გზის დასასრული ჟან ბოდრიარის ფილოსოფიის პოსტმოდერნულ ‘შავ ზღერელში’ (The End Of The Path of History In The Postmodern ‘Black Hole’ Of Jean Baudrillard Philosophy),” Semiotics, November 12, 2013, accessed January 15, 2021, https://semioticsjournal.wordpress.com/2013/11/12/ელიზბარ-ელიზბარაშვილი-_-ი/.

5 “‘ერთიანი რუსეთის’ Fake-დემოკრატია (Fake Democracy of ‘United Russia’),” Liberal, September 11, 2019, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/46133/ertiani-rusetis-Fakedemokratia>.

6 “‘კაცობა’ და იდენტობის ისტერია (Humanity and Identity Hysteria),” Radio Liberty, May 25, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/29251014.html>.

7 “პუტინის სასარგებლო იდიოტები (Putin's Useful Idiots),” Radio Liberty, September 5, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/სასარგებლო-იდიოტები/29473638.html>.

8 “ავსტრიული სკანდალი – ევროპაში რუსული გავლენის დასასრული? (Austrian Scandal – The End Of Russian Influence In Europe?),” Liberal, May 21, 2019, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/45244/avstriuli-skandali--evropashi-rusuli-gavlenis-dasasruli>.

ваемым ею же интернационалом правых и националистических экстремистов¹ ради реализации своих «империалистических устремлений»². Поэтому в грузинском интеллектуальном дискурсе активно продвигается образ России как страны, несущей ответственность за рост правого экстремизма в Европе.

Формирование и функционирование российских образов в современном воображении грузинских интеллектуалов явно противостоит тому, что определяется как «европейский выбор Грузии»³, и уверенности в «европейском будущем Грузии»⁴. «Родовые травмы», полученные в результате распада СССР, особенно повлияли на восприятие России грузинами. Поэтому «доминирование своеобразного этноцентризма» и «концептуальные изъяны историографии»⁵ влияют на основные векторы развития русских образов в современном грузинском интеллектуальном дискурсе.

Антироссийские настроения среди грузинских интеллектуалов, некоторые из которых и в настоящее время придерживаются мнения, что Россия в своей внешней политике стремится к сохранению в отношении постсоветского пространства «советских оков»⁶, возникли в начале XX в., став одним из последствий советизации Грузии, а события 1990-х гг. только убедили их в той мысли, что Россия является фактором дестабилизации. Поэтому предположения, что Россия, ставшая для некоторых грузинских авторов универсальным *Другим*, «оккупировала» Абхазию и Цхинвальский регион⁷, успели стать общим местом.

Как грузинские интеллектуалы конструируют «свою» Европу

Современное интеллектуальное сообщество в Грузии в определенной степени гетерогенно. Поэтому грузинские интеллектуалы, как и их коллеги в других странах, зависят от политической конъюнктуры⁸. Несмотря на это, существует ряд тем, которые стали фактически индикатором для проверки лояльности интеллектуалов той версии национализма, который возник в постсоветской Грузии. Среди таких тем особое место занимает Европа, воображаемая как универсальный ориентир. Для современного интеллектуального грузинского дискурса характерны следующие бинарные оппозиции: независимость / зависимость, государственность / оккупация Россией, Запад / не-Запад, символом которого вновь выступает Российская Федерация. Так, Л. Гаприндашвили пишет о «двух-

1 "ნაციონალისტური ინტერნაციონალის მორიგი კრაში (Another Crash of Putin's "Nationalist International")," Radio Liberty, July 11, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/პუტინის-ნაციონალისტური-ინტერაციონალის-მორიგი-კრაში/30049984.html>.

2 "რუსეთი, საქართველო და იმპერიალიზმის ლაბირინთები: ინტერვიუ კოლეგებთან (Russia, Georgia and the Labyrinths of Imperialism: Interviews with Colleagues)," Radio Liberty, June 29, 2019, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/30026992.html>.

3 "შედეგა თუ არა საქართველოს ევროპული არჩევანი? (Has Georgia's European Choice Taken Place?)," Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2013/12/04/shedga-tu-ara-sakartvelos-evropuli-archevani>.

4 "საქართველო და მისი მომავალი ევროპაში (Georgia And Its Future In Europe)," Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, March 1, 2012, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2012/03/01/sakartvelo-da-misi-momavali-evropashi>.

5 Усманова 2003.

6 "უკრაინის ეკლესიის ბრძოლა დამოუკიდებლობისთვის (Ukrainian Church Struggle for Independence)," Radio Liberty, September 28, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/უკრაინის-ეკლესიის-ბრძოლა-დამოუკიდებლობისთვის/29515093.html>.

7 "აკაკიბაკრაძე – კაცი, რომელსაც უნდა ენდნენ (Akaki Bakradze – A Man Who Was Being Listened To)," Radio Liberty, March 29, 2018, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/akaki-bakradze/29132706.html>.

8 Колесник 2017.

полюсной Грузии»¹ как стране, где культурная элита постсоветской современности выбирает между Россией как советским прошлым и Европой как основой антисоветского будущего.

Европа, воспринимаемая одновременно как воображаемый конструкт и «наша историческая родина»², фактически стала ориентиром для значительной части грузинских интеллектуалов, которые были склонны описывать историю Грузии в категориях путешествия в Европу³, хотя некоторыми авторами и признается, что грузинскому обществу «еще очень далеко до подлинного европеизма»⁴. В современном политическом воображении грузинского интеллектуального сообщества Европа, с одной стороны, воспринимается как «скорее воображаемая реальность, чем географическая единица. Это воображаемая реальность, к которой наша политическая элита стремилась веками. Европа разнообразна, но чаще всего она связана с порядком, терпением, трудолюбием, настойчивостью, терпимостью и порядочностью. Именно сочетание этих ценностей часто определяется как «европейскость», и, наоборот, утверждается обратное, когда говорят, что мы – не-европейцы»⁵. Поэтому европеизм в современном грузинском интеллектуальном дискурсе сводится к формуле, включающей в себя три элемента: «европейская идентичность», «сущность европейского общества» и «природа европейской культуры»⁶.

Если Европа воспринимается как культурный и политический ориентир, то Россия – как прошлое, из которого следует бежать. Если Европа связывается с ценностями прав человека, то Россия ассоциируется с Востоком и авторитаризмом. России поэтому приписывается формирование и распространение искаженных образов Грузии как туристической «страны хачапури», а грузин – как «ленивых, небрежных и безответственных»⁷. Поэтому дихотомия «Европа – Россия» в грузинском политическом воображении стала общим местом, а сравнения и параллели, проводимые интеллектуалами, формируются под влиянием проевропейских симпатий и настроений, что автоматически актуализирует негативный образ России как универсального *Другого*.

Суммируя и конкретизируя особенности грузинской идентичности как европейской, грузинские интеллектуалы, начиная с М. Мамардашвили, выделяли несколько характеристик, которые определяли основные векторы и траектории развития европейского культурного канона. Для грузинской культуры характерны: историческая связь с европейской культурой; чувство политической ответственности; европейская идентичность не имеет возраста, она всегда

1 "F... you Russia და F... me Russia (F... you Russia and F... me Russia)," Liberal, June 27, 2019 accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/articles/view/45807/Fuck-you-Russia-da-Fuck-me-Russia>.

2 "დიდი გასეირნება ფრანკფურტში (The Great Walk in Frankfurt)," Liberal, November 13, 2018 accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/41017/didi-gaseirneba-frankfurtshi>.

3 " 'მოგზაურობა ევროპაში' – ტექსტისარქეოლოგიისმცდელობა ("Journey To Europe" – An Attempt At Text Archeology)," Arili, December 4, 2016, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/მალხაზ-ხარბედი-მოგზა/>.

4 "ჰოპლა... მალე ევროპაში ვიქნებით! (Hopla... We Will Be In Europe Soon!)," Information-Analytical Agency "Iverion," July 2, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/5130-hopla-male-evropashi-viqnebeth.html>.

5 "ანა დოლიძე: ევროპა ჩვენს ეზოში (Europe In Our Yard)," European.ge., September 1, 2016, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/anna-dolidze-evropa-chvens-ezoshi>.

6 "ლალი ზაქარაძე – მერაბ მამარდაშვილი: ევროპული იდენტობის აღქმა – გზა თვითგამორკვევისკენ (Merab Mamardashvili: Perception of European Identity: The Road to Self-Determination)," Semiotics, January 12, 2011, accessed January 15, 2021, <https://semioticsjournal.wordpress.com/2012/01/09/ლალი-ზაქარაძე-მერაბ-მამა/>.

7 "ანა დოლიძე: ევროპა ჩვენს ეზოში."

находится в процессе рождения; европейская идентичность представляет собой синтез двух элементов – греко-римского мира и христианства, в частности Евангелия; для грузинских интеллектуалов европейская культура – первый и, возможно, окончательный ответ на вопрос о том, «можно ли изменить мир, можно ли освободить человека, лишенного свободы, возможно ли развить, поднять и реализовать совершенный идеал человека»; исторически усилия европейских авторов были направлены на реализацию человека, что стимулировало появление гражданского общества, воспринимаемого как необходимое условие для существования человека в истории; европеизм всегда означал готовность к культурному обновлению¹.

Анализируя европеизм современных грузинских интеллектуалов, следует принять во внимание, что в условиях гетерогенности грузинского интеллектуального сообщества одним из его вспомогательных языков наряду с западными остается и русский, что позволяет им ориентироваться в российском культурном дискурсе. Критикуя особенности и направления современной российской культуры, ряд грузинских авторов указывает на то, что в общественном мнении России активно продвигаются антиевропейские мифы и стереотипы, включая утверждение о том, что Европа является «гнездом разврата», где однополые браки стали обычным явлением. Признавая и эти особенности Европы, грузинские интеллектуалы все же склонны продвигать другую версию европеизма, полагая, что «европейская культура учит нас, как строить и защищать наше собственное государство, как строить гражданское общество, которое не позволяет правительству злоупотреблять коррупцией и служебным положением. Она учит нас тому, как любить свою страну»².

Грузинские интеллектуалы не только указывают на европейский выбор, но и стремятся доказать, что процессы исторического развития Грузии шли в рамках европейской модели. В частности, Г. Тигинашвили-Ивриспирели полагает, что в классической версии европеизм – это культурный код, основанный на «греческой философии, римском праве и христианской вере». Развивая это предположение и интегрируя культурный и исторический образ Грузии в европейские контексты, Г. Тигинашвили-Ивриспирели указывает на несколько факторов: если Европа является родиной философии, то грузинские авторы тоже внесли немалый вклад; если Европа – родина права, то грузинская традиция вполне сопоставима с европейской; если Европа – оплот христианства, то Грузия также вписана в историю церкви; если Европа – родина вина, то грузинские традиции виноделия сравнимы с греческими и римскими; если Европа – колыбель культуры, то грузинская культура была исторически сопричастна тем веяниям, которые влияли на европейские культурные традиции; если Европа – родина архитектуры, то грузинские заслуги в ее развитии сопоставимы с европейскими; если Европа – родина политического представительства и парламентаризма, то и в средневековой Грузии наблюдались аналогичные тенденции; если Европа – родина университетов, то грузинские университеты были не менее значимы,

1 "რატომ ევროპა? (Why Europe?)," Liberal, December 18, 2015, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/19954/ratom-evropa>.

2 "რატომ ევროპა? (Why Europe?)."

чем европейские; если Европа толерантна, то исторически грузины тоже очень терпимы; если Европа – родина морали и семьи, то в Грузии «многоженство и инцест никогда не были узаконены»; если Европа – регион с развитыми традициями боевого и военного искусства, то это предположение применимо и к Грузии; если Европа – родина кинематографа, то грузинское кино – явление европейского плана и уровня¹. Таким образом, современные грузинские интеллектуалы весьма активны в своих попытках интеграции собственной культурной, литературной и исторической идентичности в европейские пространства и контексты через последовательное конструирование собственного опыта как европейского или составной части более широкого, европейского, канона или проекта.

Трансплантация грузинских пространств культуры и идентичности в европейские контексты позволяет некоторым современным грузинским интеллектуалам настаивать на том, что «европейская культура – это наша основа и наше будущее»². При этом вера в Европу как коллективный Запад среди современных грузинских интеллектуалов неоднородна. Г. Эдзгверадзе, например, подчеркивает, что задача вырваться из советского мира представлялась важной для грузинской интеллигенции, но не все постсоветские грузинские интеллектуалы восприняли «Запад с его культурными и технологическими прелестями, гаджетами, небоскребами, [...] обаянием и привлекательностью»³ как основной побудительный мотив. Вера в европеизм унаследована современными грузинскими интеллектуалами от их исторических предшественников – советских грузинских интеллигентов, которые воспринимали Европу / Запад как один из идеалов, уничтоженных советизацией Грузии в начале 1920-х гг. Грузинская интеллектуальная и культурная ситуация в этом контексте примечательна и уникальна тем, что вера в нацию как сообщество граждан и Европу как ориентир стала следствием того, что социализация современных интеллектуалов в хронологическом плане совпала с «этноцентрическими уроками грузинского языка и истории»⁴, полученными ими в советский или ранний постсоветский период.

Однако современный грузинский европеизм в значительной степени отличался от тех проевропейских симпатий, которые в своих текстах выражали интеллектуалы в советский период: европейские симпатии в Грузинской ССР локализовались в сфере культуры, сравнительных историко-литературных исследований и не имели политического измерения, которое несколько ослабило культурные проевропейские симпатии интеллектуалов после распада СССР, когда политики стали активно выражать эти настроения, оставив интеллектуалам сферу культуры, истории и философии. Если перед элитами и интеллектуалами транзитных обществ стояли разные задачи по позиционированию страны и нации в мире⁵,

1 "რას ნიშნავს ნამდვილი ევროპელობა და რა დარჩა მისი იდენტობიდან (What Does True Europeanism Mean and What Is Left Of Its Identity)," News-Analytical Agency "Iverion," October 10, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/8167-ras-nishnavs-namdvoli-evropeloba-da-ra-darcha-misi-identobidan.html>.

2 "საქართველო დანატოვებ საბჭოთა მეტასტაზებთან ბრძოლაში (I Will Leave Georgia In The Fight Against Soviet Metastases)," Liberal, August. 27, 2014, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/5962/saqartvelo-danatoveb-sabchota-metastazebtan-brdzolashi>.

3 "ლურჯა ცხენების ცისფერი ბილიკი (Blue Horse Blue Trail)," Liberal, August 3, 2016, accessed January 15, 2021, <http://liberali.ge/blogs/view/24062/lurja-tskhenebis-tsisferi-biliki>.

4 "საშუალო სტატისტიკური ბიჭის სოციალიზაცია საქართველოში (Socialization of the Average Statistical Boy in Georgia)," Radio Liberty, March 13, 2017, accessed January 15, 2021, <https://www.radiotavisupleba.ge/a/tavisupali-sivrc-nika-kutsniashvili-socializacia-sakartveloshi/28366207.html>.

5 Исхаков 2003.

то перед грузинскими интеллектуалами подобной задачи в независимой Грузии уже не стояло в силу того, что Европа / Запад стали «большими нарративами» в советской грузинской историографии. Они были вынуждены не «открывать», но «вспомнить» себя как европейцев. Если до распада СССР грузинский европеизм был формой национализма и проявлением политической протестности, соче-тавшейся с попытками выразить свое несогласие с доминирующими культурны-ми практиками, то в 2010-е гг. европеизм в интеллектуальном дискурсе Грузии стал преимущественно политическим явлением, подвергшимся значительному воздействию конъюнктуры. Поэтому некоторые историки определяют подобные отношения между интеллектуалами и обществом, к которому они принадлежат, как «гипертрофированную идеологизацию»¹.

«Неевропейские европейцы»: сложности грузинской самолокализации в Европе

Именно европеизм, то есть склонность грузинских интеллектуалов картиро-вать и локализовывать Грузию в Европе принадлежит к числу факторов, с одной стороны, в значительной степени определяющих те векторы и траектории, в со-ответствии с которыми развивается грузинское сообщество интеллектуалов. С другой стороны, этот «путь в Европу» описывается грузинским интеллектуаль-ным сообществом как отягощенный определенными сложностями, связанными с негативной исторической динамикой (восточным влиянием), что и привело к вынужденному временному отрыву Грузии от Европы.

Г. Мехи в связи с этим, например, перечисляет ряд позитивных и негатив-ных факторов, описывающих эту динамику. С одной стороны, он указывает на значительную степень интернационализации грузинской культуры, наличие ди-аспор в Европе, первые книги, изданные в XVII в. на грузинском языке в Европе, а с другой – политику русификации, фактический запрет на использование грузин-ского языка, существенные ограничения на издание грузинской литературы в Российской империи, а также идеологический контроль советского периода, что ограничивало культурный обмен между Грузией и Европой². Поэтому во второй половине 2010-х гг. грузинские интеллектуалы, осознавшие затянувшуюся ситуа-цию *fin de siècle* и «сакрального времени»³ как кризиса стыка столетий, не были склонны идеализировать успехи страны на пути к демократии, признавая, что «постсоветская Грузия» в большей степени представляла собой «эмбриональ-ную / зародышевую демократию»⁴.

В этой интеллектуальной ситуации именно разочарование в политике ста-ло одним из импульсов роста культурного национализма, который стимулиро-вал попытки интеллектуалов локализовать Грузию в европейских контекстах и

1 Саганович 2010.

2 “კლანსგარეშე საკითხავი ლიტერატურა (Extracurricular Reading Literature),” european.ge, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/klansgareshe-sakitxavi-literatura/>.

3 “თემურ კობახიძე – მოგვთა მოგზაურობა საკრალურ დროში (The Journey of the Magi in Sacred Time),” Arili, June 22, 2010, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/თემურ-კობახიძე-მოგვთა-მო/>.

4 “თემურ კობახიძე – მოგვთა მოგზაურობა საკრალურ დროში (Zoon Politikon, Strokes For Eduard Shevardnadze's Portrait),” Arili, June 11, 2017, accessed January 15, 2021, <http://arilimag.ge/ემზარ-ჯგერენაია-zoon-politikon-შტრიხი/>.

пространствах. Поэтому грузинские интеллигенты озабочены проблемами синтеза картвельской идентичности грузин как нации и политических ценностей и принципов европейского интеграционного проекта.

Европейский выбор грузинских интеллектуалов отличается значительными особенностями. Если политики в Центральной Европе прежде всего стремились определить экономические и социальные последствия вступления в ЕС, то грузинские авторы склонны формулировать качественно и содержательно другие вопросы: «Что определяет грузинскую культурную самобытность?» и «Что общество подразумевает под словом “Европа”?»¹, – выдержанные в преимущественно этнической системе координат, то есть социально-экономические результаты и последствия европейского выбора для грузинских авторов менее значимы, чем культурного влияния интеграции на идентичность.

Комментируя ситуацию заинтересованности интеллектуалов в европейском выборе, который в общественном мнении нередко ассоциируется с факторами стабильности и безопасности², Г. Майсурадзе, предложивший в отношении грузин определение «неевропейские европейцы», подчеркивает, что именно благодаря самой разнообразной деятельности интеллектуалов, которые не только формировали положительный образ Грузии, но и активно переводили художественные тексты, продвигая и популяризируя грузинскую культуру на Западе, понимая, что там она практически неизвестна³. Другие авторы также указывают на то, что наряду со значительными проевропейскими симпатиями существуют и проблемы, связанные с объективными отличиями между Грузией и Европой. В частности, Г. Чипашвили полагает, что «хотя грузинская политика, правительство, неправительственный сектор, общественность и считают Грузию неотъемлемой частью Европы, мышление людей явно далеко от Европы и никогда не сможет стать европейским без значительных изменений»⁴.

Формула «неевропейские европейцы» успела стать общим местом в грузинской интеллектуальной традиции, популярным концептом среди авторов левой ориентации. Г. Мирианашвили, например, констатирует, что «только от того, что мы грузины, мы – неевропейцы», актуализируя тем самым сложности интеграции ценностей этничности в концепт «Европа». Кроме этого, сам европейский выбор грузинских интеллектуалов связан с коллективными фобиями, унаследованными от их советских предшественников. Современное грузинское общество, по мнению Г. Мирианашвили, «развивается в статике – без ценностей, солидарности, идентичности, но со страхами, что “Грузию отберут у нас”, “мы потеряем европейскость”»⁵. Б. Берекашвили, в свою очередь, воспринима-

1 “თემურ კობახიძე – მოგვთა მოგზაურობა საკრალურ დროში (How To Cross The Sea To Europe? – State Strategy And Georgian Culture),” Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, November 25, 2009, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2009/11/25/rogor-gadavcurot-zgva-evropisaken-saxelmcpio-strategia-da-kartuli-kultura>.

2 “ევროკავშირის საგარეო და უსაფრთხოების პოლიტიკა (EU Foreign and Security Policy),” european.ge: European choice for Georgia, March 11, 2018, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/evrokavshiris-sagareo-da-usaftrxoebis-politika/>.

3 “ჩვენ, არაევროპელი ევროპელები (We, The Non-European Europeans),” Heinrich Böll Stiftung, Tbilisi Office, November 6, 2018, accessed January 15, 2021, <https://ge.boell.org/ka/2018/11/06/chven-araevropeli-evropelebi>.

4 “ჰამლეტ ჭიპაშვილი: არ ვართ ჩვენ ევროპელობის ღირსი! (We Are Not Worthy Of Europeanness!),” Information-Analytical Agency “Iverion,” February 16, 2017, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/16341-hamlet-tcipashvili-ar-varth-chven-evropelebis-ghirsi.html>.

5 “პროევროპული საზოგადოება ევროპული სოლიდარობისა და იდენტობის გარეშე (Pro-European Society Without European Solidarity And Identity),” european.ge: European choice for Georgia, November 23, 2017, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/proevropuli-sazogadoeba-evropuli-solidarobis-gareshe/>.

ет и определяет грузинский европеизм как симуляционный, или имитационный, критикуя современную грузинскую политику за «подражание Европе в периферийном пространстве»¹.

Размышления З. Кикнадзе также вполне вписываются в концепцию Грузии как «неевропейской Европы». Анализируя особенности и противоречия европейской идеи в грузинской культурной и интеллектуальной традиции, З. Кикнадзе полагает, что «Европа как таковая даже не существовала в период расцвета восточных цивилизаций». Что касается культурной идентичности, то грузинская культура, как полагает З. Кикнадзе, «географически берет свое начало в Азии, но она никогда не была полностью восточной. Наивысшие достижения грузинской культуры базируются на европейских ценностях», а Ш. Руставели воспринимается им как выразитель именно «европейских ценностей». Понимая исторические сложности пути Грузии в Европу, З. Кикнадзе также вынужден констатировать, что «если Грузия – это Европа глазами Азии, то для европейцев она выглядит все же в большей степени как Азия»².

Атипичная европейскость: европейские нарративы современных грузинских интеллектуалов

В целом в современном интеллектуальном дискурсе Грузии доминирует гражданское или политическое прочтение и восприятие европеизма, соотносимого, как правило, с идеалами демократии³ и представленного конкретными или абстрактными идеями о европейском пути и европейских ценностях как ориентирах развития для грузинского государства. Что касается европейской идеи в грузинских национальных контекстах, Л. Латария не менее категорична, полагая, что стремление Грузии в Европу стабильно и политически мотивировано. В подобной системе координат современная европейская политика элит воспринимается в категориях «возвращения в Европу», а сама Европа позиционируется как культурная и политическая модель-образец⁴. Подобные нарративы о природном, естественном, неизбежном и почти примордиальном европеизме как грузинской идентичности, так и Грузии как государства, вероятно, можно воспринимать в качестве попытки легитимации европейской ориентации значительной части интеллектуалов, которым дебаты о грузинах как «неевропейских европейцах» кажутся чем-то излишним и избыточным.

Несмотря на то, что нарратив о грузинах как «неевропейских европейцах» оказался относительно устойчивым, интеллектуалы были активны и последовательны в своих попытках преодолеть этот социальный и культурный комплекс. Так, Н. Шошиашвили полагает, что учебники истории стали важными каналами

1 “ბაჟარ ბერეკაშვილი: ევროპის იმიტაცია პერიფერიულ სივრცეში (Imitation Of Europe In The Peripheral Space),” european.ge: European choice for Georgia, May 29, 2017, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/evropis-imitacia-periferiul-sivrceshi/>.

2 “Europe in Asia or Asia in Europe?” Affinage, May 12, 2019, accessed January 15, 2021, <https://apinazhi.ge/journal/407--.html>.

3 “დემოკრატიის რაობა (The Essence of Democracy. Pros And Cons of Democracy),” News-Analytical Agency “Iverion,” November 30, 2014, accessed January 15, 2021, <http://iverioni.com.ge/9620-demokratiis-raoba.html>.

4 “ზურაბ კიკნაძე – ევროპა აზიაში თუ აზია ევროპაში? (Europeanism – Return To The Native Space),” Web portal “Intermedia,” July 11, 2014, accessed January 15, 2021, <http://intermedia.ge/52450-ევროპეიზმი-დაბრუნება-მშობლიურ-სივრცეში/20/>.

европеизации как грузинской идентичности, так и исторической и культурной памяти. Анализируя учебники по истории начиная с 2000 г., Н. Шошиашвили¹ утверждает, что к концу первого десятилетия XXI в. они стали более европоцентричными. Поэтому в грузинском историческом воображении Европа символизирует идеи, принципы и ценности демократии, в то время как Россия отрицает их. В рамках подобной исторической концепции грузинская история воспринимается как часть европейской.

Атипичная европейскость грузинского проекта подчеркивается и другими интеллектуалами. Например, З. Махарадзе, конечно, признает близость между грузинами и европейцами, но также указывает на принципиальные исторически возникшие различия между ними, которые проявляются в первую очередь в религии. Грузинские интеллектуалы полагают, что, несмотря на некоторые общие особенности, «путь европейской цивилизации и путь грузинской нации были различны». Грузинскими авторами в качестве маркера грузинских и европейских особенностей в отношении к религии признается фактор французской революции, которая положила начало «эре современности». З. Махарадзе полагает, что основными и ключевыми особенностями европейского проекта стали «разрушение старых авторитетов, Бога и традиций, установление верховенства закона и прав человека», что отсутствовало в грузинской истории, где «не было никаких попыток усомниться в тирании... в сознании грузинского народа эпоха Давида и Тамары – золотой век». Поэтому, с точки зрения эксперта, грузинское общество более традиционно и, как результат, архаично² в своем отношении к соблюдению норм права.

Феномен «неевропейской европейской» идентичности связывается рядом авторов с факторами советского культурного, социального и политического наследия. Комментируя особенности развития грузинской идентичности в этом контексте, Н. Шошиашвили полагает, что в XX в. сложилась модель советской цивилизации, в которую относительно органично интегрировалась грузинская культура, которая позиционируется как в большей степени западная, нежели восточная³. В этом контексте в грузинском интеллектуальном дискурсе возникает еще один образ Грузии – потенциальной, или исторически не сложившейся, Европы и части европейского культурного пространства.

Подводя итоги статьи, следует принять во внимание ряд факторов, которые определяют основные векторы и траектории функционирования дихотомии «Европа – Россия» в современном интеллектуальном дискурсе Грузии.

Современный грузинский европеизм продолжает развивать проевропейские идеи советских грузинских интеллектуалов, делая это открыто не только в

1 “ნუკრი შოშიაშვილი: რას ვასწავლით ევროპის შესახებ სკოლებში? (What Do We Teach About Europe In Schools),” european.ge: European choice for Georgia, December 24, 2016, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/nukri-shoshiashvili-rasvaswavit-evropis-shesaxeb-skolebshi/>.

2 “ზურა მახარაძე: სად გადის ზღვარი რელიგიასა და პოლიტიკას შორის? (Where Is The Line Between Religion And Politics?),” european.ge: European choice for Georgia, January 29, 2017, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/zura-maxaradze-sad-gadis-zgvari-religiasa-da-politikas-shoris/>.

3 “ნაციონალიზმი, რომელმაც კულტურული იდენტობის გარეშე დაგვტოვა (Nationalism, Which Left Us Without A Cultural Identity),” european.ge: European choice for Georgia, July 20, 2015, accessed January 15, 2021, <http://european.ge/nukri-shoshiashvili-nacionalizm-ma-romelmac/>.

сфере культуры, но и декларируя европейский выбор в качестве политического. В то время как элиты других постсоветских государств были озабочены тем, как и каким образом представить свои нации в европейских контекстах, то перед грузинскими интеллектуалами не стояло подобной задачи в независимой Грузии: Европа / Запад стали «большими нарративами» уже в советской грузинской историографии, а Россия планомерно воображалась как универсальный *Другой* на протяжении 1990–2000-х гг.

Если до распада СССР грузинский европеизм был формой преимущественно культурного национализма и проявлением политической протестности, сочетавшейся с попытками выразить свое несогласие с доминирующими культурными практиками, то в 2010-е гг. данный тренд в интеллектуальном дискурсе Грузии стал политическим явлением, подвергшись значительному воздействию со стороны идеологической конъюнктуры, подкрепленной социально-экономическими кризисами и военными неудачами 1990–2000-х гг. Несмотря на эти явные неурядицы, Грузия формально смогла институционализировать свои отношения с ЕС в форме ассоциации, что, правда, не приблизило ее к реальному присоединению к этому интеграционному блоку. Отсутствие реальных достижений в европейской интеграции, за исключением безвизового режима, стимулирует развитие интеллектуальной рефлексии грузинских гуманитариев, вынуждая их продвигать образ Грузии как европейской страны, проецируя на ее историю, культуру, литературу и идентичность воображаемые атрибуты не менее условной «европейскости», которая в ближайшей хронологической перспективе будет оставаться одним из центральных нарративов грузинского национализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Айвазян, А. Грузия: внешняя политика малого государства // Современная Европа. – 2020. – № 1. – С. 80–90 [Ayvazyan, A. "Georgia: Foreign Policy of a Small State" [Gruziiya: vneshnyaya politika malogo gosudarstva] *Modern Europe*, no. 1 (2020): 80–90] [In Russian].

Айвазян, А. Политика ЕС в странах Южного Кавказа: пересмотр политики соседства // Современная Европа. – 2016. – № 4. – С. 47–56. [Ayvazyan, A. "EU policy in the South Caucasus: revising the neighborhood policy" [Politika ES v stranakh Yuzhnogo Kavkaza: peresmotr politiki sosedstva] *Modern Europe*, no. 4 (2016): 47–56] [In Russian].

Болгова, И. «Восточное партнерство»: неоднозначные результаты // Современная Европа. – 2016. – № 6. – С. 63–71. [Bolgova, I. "Eastern Partnership": ambiguous results ["Vostochnoe partnerstvo": neodnoznachnyye rezul'taty] *Modern Europe*, no. 6 (2016): 63–71] [In Russian].

Исхаков, С. История народов Поволжья и Урала: проблемы и перспективы «национализации» // Национальные истории в советском и постсоветских государствах / ред. К. Аймермахер, Г. Бордюгов; предисл. Ф. Бомсдорфа. – М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. – С. 273–295. [Iskhakov, S. "History of the peoples of the Volga region and the Urals: problems and prospects of 'nationalization'" ["Istoriya narodov Povolzh'ya i Urals: problemy i perspektivy 'natsionalizatsii'"]. In *National Histories In The Soviet And Post-Soviet States*, edited by K. Aymermacher, and

G. Bordyugov, 273–295. Moscow: Friedrich Naumann. Foundation, 2003] [In Russian].

Кирчанов, М.В. Грузинские интеллектуалы: профиль сообщества // Российский журнал исследований национализма. – 2020. – № 1. – С. 58–102. [Kirchanov, M.V. "Georgian Intellectuals: Community Profile" [Gruzinskiye intellektualy: profil' soobshchestva]. *Russian Journal of Nationalism Studies*, no. 1 (2020): 58–102] [In Russian].

Концов, Н. Исторические понятия в мире без будущего // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 57–93. [Koposov, N. "Historical Concepts In A World Without A Future" [Istoricheskiye ponyatiya v mire bez budushchego] In *How We Write History*, edited by G. Garretta, G. Dufout, L. Pimenova, 57–93. Moscow: ROSSPEN, 2013] [In Russian].

Кром М. Использование понятий в исследованиях по истории донетровской Руси: смена вех и новые ориентиры // Как мы пишем историю / отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. – М.: РОССПЭН, 2013. – С. 94–125. [Krom, M. "The use of concepts in research on the history of pre-Petrine Russia: a change in milestone sand new landmarks" [Ispol'zovaniye ponyatiy v issledovaniyakh po istorii dopetrovskoy Rusi: smena vekh i novyye orientyry]. In *How We Write History*, edited by G. Garretta, G. Dufout, L. Pimenova, 94–125. Moscow: ROSSPEN, 2013] [In Russian].

Кушко, А., Таку, В. «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская

государственность // *Ab Imperio*. – 2003 – № 1. – С. 485–495. [Cusco, A., Taki, V. "Who Are We?" Historiographic Choice: The Romanian Nation Or The Moldovan Statehood" ["Kto my?" Istoriograficheskiy vybor: rumynskaya natsiya ili moldavskaya gosudarstvennost'] *Ab Imperio*, no. 1 (2003): 485–495] [In Russian].

Сихарулидзе, А. Россия как фактор внутренней политики Грузии // Центральная Евразия. – 2019. – № 1. – С. 135–153. [Sikharulidze, A. "Russia as a Factor in Georgia's Domestic Policy." [Rossiya kak faktor vnutrennei politiki Gruzii] *Central Asia*, no. 1 (2019): 135–153] [In Russian].

Усманова, Д. Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // *Ab Imperio*. – 2003. – № 3. – С. 337–360. [Usmanova, D. "Creating the National History of the Tatars: Historiographic and Intellectual Debates at the Turn of the Century" [Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskiye i intellektual'nyye debaty na rubezhe vekov] *Ab Imperio*, no. 3 (2003): 337–360] [In Russian].

Колесник, І. "Український Історик І Влада: Від Примусу До Партнерства" [Ukrainian Historian And Government: From Coercion To Partnership] *Ейдос*, no. 9 (2017): 9–24 [In Ukrainian].

Ластоўскі, А. "Прапрацоўка камуністычнага мінулага ў Славакіі: асноўныя фактары і дынаміка" [Studying the communist past in Slovakia: the main factors and dynamics]. *Палітычная сфера*, no. 24 (2016): 37–55 [In Belarusian].

Сагановіч, Г. "Беларуская гістарыяграфія ў ацэнках яе гісторыкаў" [Belarusian historiography in the assessments of its historians]. *Беларускі Гістарычны Агляд* 17, no. 1–2 (2010): 225–229 [In Belarusian].

Сагановіч, Г. "Таненберг / Грунвальд / Дуброўна 1410: сімвалізацыя бітвы ў Беларусі" [Tannenberg / Grunwald / Dubrovno 1410: symbolization of the battle in Belarus]. *Беларускі Гістарычны Агляд* 17, no. 1–2 (2010): 89–116 [In Belarusian].

დავითაშვილი, ზ. ნაციონალიზმი დეგლობალიზაცია [Nationalism and Globalization]. Tbilisi: Metsniereba, 2003 [In Georgian].

იდენტობა და ნაციონალიზმი [Identity and Nationalism], edited by თ. ქარელი. Tbilisi: Akhali Azri, 2009 [In Georgian].

მალაფაერიძე, თ. მარადიანყოფი: ნარკვევები ქართულ მწერლობასა და ინტელიგენციაზე [Eternal Present: Essays on Georgian Literature and the Intelligence], edited by რ. სირაძე. Tbilisi: Universal, 2005 [In Georgian].

სახელმწიფოებრიობა და უსაფრთხოება: საქართველო "ვარდების რევოლუციის" შემდეგ [Statehood and Security: Georgia after the Rose Revolution], edited by ბ. კოპიტერსის, რ. ლევკოლის. Tbilisi: American Acad. Peace, Democracy and Development. Kavk. In-ti, 2006 [In Georgian].

ქართული და ევროპული იდენტობის საკითხები [Issues of Georgian and European Identity], edited by ჟ. კაკიტელაშვილი. Tbilisi, 2012 [In Georgian].

შუბითიძე, ვ. ევროპეიზაცია და ქართული პოლიტიკური აზროვნება (საქართველოს ევროპული იდენტობა) [Europeanization and Georgian Political Thinking (Georgia's European Identity)]. Tbilisi: Tech. Un-ti, 2013 [In Georgian].

ჩხაიძე, ი. ნაციონალიზმის მოდერნისტული თეორია და ქართული ნაციონალური პროექტი ("თერგდალეულები") [The Modernist Theory of Nationalism and the Georgian National Project ("Tergdaleuli")], edited by ბ. ჩიქოვანი. Tbilisi: Akhali Azri, 2009 [In Georgian].

Chitaladze, A., and T. Grigoryan. "Understanding Europeanization in Georgia and Armenia-Discourses, Perceptions and the Impact on Bilateral Relations." *Analytical Bulletin* 8, (2015): 29–54.

Coakley, John. "Mobilizing Past: Nationalist Images of History." *Nationalism and Ethnic Politics* 10, no. 4 (2004): 531–560.

Delcour, Laure. "Armenia's and Georgia's Contrasted Positioning Vis-à-Vis the EU: Between Vocal Centrality and Strategic Marginality." *Journal of Contemporary European Studies* 27, no. 4 (October 2, 2019): 439–50. doi: 10.1080/14782804.2019.1608815.

Kabachnik, Peter. "The Power of Place, or Powerless Places? Hybrid Attitudes towards Soviet Symbols in Post-Soviet Georgia." *Central Asian Survey* 37, no. 2 (April 3, 2018): 265–85. doi:10.1080/02634937.2018.1442320.

Kirchanov, Maxim. "'Europe' and 'the West' in Georgia's political imagination and nationalist discourse." *Central Asia and Caucasus. Journal of Social and Political Studies* 11, no. 2 (2010): 158–167.

Kovtiak, Elisabeth. "A Bridge to the Past: Public Memory and Nostalgia for the Communist Times in Modern Georgia." *Journal of Nationalism, Memory & Language Politics* 12, no. 1 (July 30, 2018): 31–51. doi:10.2478/jnmlp-2018-0005.

Kyrchanoff, Maxim W. "Caucasian Prisoners, Or How Georgian Intellectuals Invent Traditions And (Re) Produce Meanings." *Journal of Frontier Studies* 5, no. 3 (2020): 72–114.

Martínez, Francisco. "To Whom Does History Belong?" *Anthropological Journal of European Cultures* 26, no. 1 (March 1, 2017): 98–127. doi:10.3167/ajec.2017.260106.

Metreveli, Tornike. "An Undisclosed Story of Roses: Church, State, and Nation in Contemporary Georgia." *Nationalities Papers* 44, no. 5 (September 20, 2016): 694–712. doi:10.1080/00905992.2016.1200021.

Beacháin, Donnacha Ó, and Frederik Coene. "Go West: Georgia's European Identity and Its Role in Domestic Politics and Foreign Policy Objectives." *Nationalities Papers* 42, no. 6 (November 20, 2014): 923–41. doi:10.1080/00905992.2014.953466.

Said, Edward W. *Orientalism*. NY.: Pantheon Books, 1978.

Shatirishvili, Zaza. "National Narratives and New Politics of Memory in Georgia." *Small Wars & Insurgencies* 20, no. 2 (June 2009): 391–99. doi:10.1080/09592310902975513.

Sikharulidze, A. T. "Georgia Beyond 'Radical Europeaness': Undiscovered Directions of Foreign Policy." *Journal of International Analytics* 11, no. 2 (November 7, 2020): 91–108. doi:10.46272/2587-8476-2020-11-2-91-108.

Tsuladze, Lia. "On Europeanisation, National Sentiments and Confused Identities in Georgia." *Communist and Post-Communist Studies* 50, no. 2 (June 1, 2017): 125–33. doi:10.1016/j.postcomstud.2017.05.003.

Сведения об авторе

Максим Валерьевич Кирчанов,
д.ист.н., доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран Факультета
международных отношений,
Воронежский государственный университет,
Российская Федерация, 394018, Воронеж, Университетская площадь, 1.

ORCID: 0000-0003-3819-3103

e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 января 2021. Принята к публикации: 21 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Кирчанов, М.В. Дихотомия «Европа – Россия» как изобретенная традиция современного грузинского национализма // *Международная аналитика.* – 2021. – Том 12 (1). – С. 35–54.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-35-54>

The “Europe – Russia” Dichotomy as an Invented Tradition of Modern Georgian Nationalism

ABSTRACT

In the article, the author analyzes the transformation of the dichotomy “Europe – Russia” in contemporary Georgian intellectual discourse as well as strategies and forms of positive and negative ideologization of the West and Russia. We state that the hypertrophied role of European and Russian images in the Georgian discourse has resulted from the belief of elites in the collective West as an alternative to Russian influence. We analyze the main strategies of forming a positive image of Europe in Georgian intellectual discourse, believing that the development of European motifs and images by several generations of Georgian intellectuals led to the emergence of a unique Georgian Europeanism and the concept of the “Non Typical European” Georgian nation. The development of European images depends on the formation and promotion of the image of Russia as a universal Other. It is assumed that the negative mythologization of Russia resulted from the historical trauma of the loss of statehood, Georgia’s forced history in the Russian Empire and the USSR, as well as the failures in the Russian-Georgian relations in the post-Soviet period. Overall, the author believes that Russian and European narratives have become invented traditions of Georgian identity that influence the strategies of elites in Georgian foreign policy.

KEYWORDS

Georgia, nationalism, intellectuals, identity, “Non Typical Europeanness”, political imagination, West, Europe, Russia

Author

Maksym W. Kyrchanov,

PhD in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries
Economies, Faculty of International Relations,
Voronezh State University,
1, Universitetskaya Square, Voronezh, 394018, Russian Federation.

ORCID: 0000-0003-3819-3103

e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com

Additional information

Received: January 30, 2021. Accepted: April 21, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Kyrchanov, Maksym W. “The ‘Europe – Russia’ Dichotomy as an Invented Tradition of Modern Georgian Nationalism.” *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 35–54.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-35-54>

Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм

Томохико Уяма

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-55-73>

АННОТАЦИЯ

Автор, адаптируя концепцию «эффекта колеи» и тезис Д. Слейтера о консолидации элит вокруг общенациональных угроз, исследует факторы, влиявшие на формирование в странах Центральной Азии различных авторитарных политических систем. Критическую роль в становлении политических систем в этом регионе играли события с середины 1980-х гг. до распада Советского Союза. Что касается структуры исследования, в статье последовательно разбирается, как межнациональные и другие политические конфликты продемонстрировали (не)способность лидеров справляться с кризисными ситуациями. В частности, показывается, что неспособность противостоять политическим вызовам в Киргизии положила начало «плюрализму по умолчанию». Вмешательство союзного центра в кадровый вопрос в республиках, особенно в Узбекистане и Казахстане, нанесло ущерб местным элитам и повысило общее чувство угрозы для политической стабильности, которое в конечном счете сплотило элиты и породило у них ожидания сильного лидера. Там, где новый национальный лидер воспринимал угрозы со стороны своих политических конкурентов (в Узбекистане), установилась особенно жесткая вертикаль власти. Напротив, существование сильной оппозиции мешало быстрому установлению авторитаризма. Так, в Таджикистане раскол элиты привел к гражданской войне, но вследствие большей устойчивости ее правительственного крыла президенту страны удалось впоследствии установить жесткую авторитарную власть. В Туркменистане лидер страны воспользовался отсутствием угроз для установления диктатуры. Таким образом, внешние вызовы способствуют сплочению элит, а риски внутренней конкуренции – сосредоточению власти в руках авторитарного лидера. Напротив, умеренные, но продолжительные угрозы раскалывают элиты и приводят к образованию относительно демократичной, но нестабильной системы государственной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Центральная Азия, Перестройка, конфликты, сплоченность элиты, восприятие угроз, эффект колеи, авторитаризм

Почему авторитарные государства Центральной Азии авторитарны по-разному? В научной литературе остается нерешенной проблема, почему в постсоветских странах, обретших независимость от общего государства, сложились разные политические системы с различной степенью демократического устройства. В 1990-е гг. исследователи говорили о трудности демократизации в многонациональных государствах, где имеются этнические конфликты¹. Но последующая история показала, что Грузия и Республика Молдова, имеющие проблемы сецессионных образований, стали успешнее в деле демократизации, чем многие другие постсоветские страны. Оказалось, что национальный вопрос напрямую не влияет на уровень демократии. Позже исследователи обращались к анализу соотношений уровня демократии и исторических, экономических и социально-культурных факторов, но результаты такого анализа остаются неубедительными². Что касается государств Центральной Азии, то некоторое время назад становление их недемократических режимов объяснялось наличием сильных клановых и местнических связей³, однако значение этих связей часто преувеличивалось.

По прошествии времени после обретения независимости становится более заметным влияние многообразия факторов на политическую систему и практику государств постсоветского пространства. Исследователи изучают такие последствия перехода к квазирыночным вариантам экономики (или «кумовскому капитализму»), как коррумпированные выборы, политическая мобилизация масс элитами, произвольный контроль чиновниками экономических ресурсов. Они также исследуют структуру президентской власти, в том числе динамику развития партий⁴.

В настоящей статье утверждается, что исторические факторы также существенно влияют на политическое устройство современных центральноазиатских государств. Уже сразу после обретения независимости стала заметной разница между подходами к строительству новых политических систем в постсоветских странах. В научной литературе уделяют достаточно большое внимание наследию советского и даже досоветского периодов, в том числе недемократической политической культуре, «патронализму»⁵ и клановости, однако тема влияния ситуации накануне распада Советского Союза на становление политических систем постсоветских государств остается нераскрытой.

В современных работах по политической истории подробно излагаются события, произошедшие в советских республиках в последние годы существования СССР, но их долгосрочное влияние на политику постсоветских государств редко систематически анализируется. Такие исследования были бы особенно актуальными в свете концепции «эффекта колеи» (*path dependence*): ситуация в критический момент (*critical conjuncture*) и принятые тогда решения оказывают определяющее влияние на траекторию дальнейшего развития определенной системы. Процесс распада СССР мы считаем именно таким критическим моментом.

Одним из немногих исследователей, непосредственно изучавших влияние политической ситуации во время распада Союза на переход (или отсутствие та-

1 Linz and Stepan 1996, chaps 2, 19.

2 Fish 1998; Pop-Eleches 2007.

3 Collins 2006; Jones Luong 2002.

4 Sharafutdinova 2010; Radnitz 2010; Markowitz 2013; Isaacs 2011.

5 Hale 2015.

кового) в постсоветских странах к демократии, является М. Макфол. С его точки зрения, в странах, где демократы обладали решающим влиянием, появилась демократия; в то же время в странах, в которых диктаторы сохраняли преимущество, установилась диктатура. Наконец, в странах, где распределение сил между старым режимом и его противниками было относительно равным, возникала затяжная конфронтация¹. М. Макфол, однако, не объясняет причину, почему в одних странах изначально были сильны условные «демократы», а в других – «диктаторы»; также из его исследовательского поля выпадают некоторые важные тенденции: почему мы часто сталкиваемся с эволюцией достаточно многих «демократов» в «диктаторов»? Наконец, мало изучается и многообразие самих постсоветских «диктатур».

Концепция «эффекта колеи» своеобразно применялась к региону Центральной Азии Э. МакГлинчи². Он считает, что в позднеперестроечный период (не) вмешательство Москвы в избрание лидеров республик стало одной из причин, повлиявших на институциональное становление центральноазиатских республик: «инсценированный Москвой приход И. Каримова и Н. Назарбаева к власти позволил им вступить в постсоветский период со сплоченной и исполнительной единой партией», тогда как в Киргизии, где Москва не вмешивалась в выбор нового руководителя, было положено начало политическому «хаосу»³. В его работе, однако, недостаточное внимание уделено вопросу, каким образом вмешательство Москвы сплотило компартии в Узбекистане и Казахстане; автор лишь намекает, что лидеры республик смогли возродить патроналистское правление брежневского периода⁴.

Пример более продуктивного применения концепции «эффекта колеи» можно найти в исследованиях других регионов мира, в частности, в работе Д. Слейтера о Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны. Он отмечает, что в Малайзии и Сингапуре на фоне межэтнических конфликтов произошла классовая борьба за радикальное перераспределение богатства, что привело к консолидации элит против общей угрозы. Это подготовило почву для роста авторитарных режимов, покровительствующих элитам. Наоборот, в Таиланде, Южном Вьетнаме и на Филиппинах классовые конфликты были умеренными или локализованными в сельских местностях, отчего элита не смогла консолидироваться и долго продолжалось внутриэлитное противостояние. А в Бирме и Индонезии борьба с региональными восстаниями усилила влияние армии, которая позднее захватила власть. Автор заключает, что сильное авторитарное государство выстраивается, когда коалиция элит объединяется против угрозы оппозиционного движения в крупных городах или важных регионах и нуждается в защите сильной властью⁵.

В отличие от Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны, в постсоветских странах не было острой классовой борьбы. Армия, как правило, не выступала самостоятельной политической силой благодаря сложившейся в СССР

1 McFaul 2002.

2 McGlinchey 2011.

3 Ibid., 10.

4 Ibid., 71.

5 Slater 2010.

традиции ее подчинения политической власти. Однако, можно предположить, что накануне и после распада СССР восприятие угрозы своей власти руководителями республик и местными элитами было важным фактором, определявшим курсы строительства политических систем новых независимых государств.

В данной статье мы проведем «инвентаризацию» факторов, повлиявших на строительство политических систем стран Центральной Азии – характер кризисов, восприятие угроз и степень сплоченности (раздробленности) местных элит накануне распада СССР. Хронологически мы охватим в основном период Перестройки (1985–1991), но коснемся и событий за два-три года до ее начала: цепи событий, которые косвенно способствовали развитию центробежных сил в Советском Союзе начались уже тогда. Также будут рассмотрены события, ставшие следствием распада СССР, например, гражданская война в Таджикистане. Тематически мы уделим особое внимание кадровым проблемам и межнациональным конфликтам.

Рецентрализация, лигачевские кадры и угроза местным элитам

Исследователи Центральной Азии советского периода справедливо отмечают, что в СССР эпохи Л. Брежнева наблюдалось состояние, называемое «квазинезависимостью» или «предварительным этапом независимости» союзных республик¹: политическим элитам республик была предоставлена некоторая степень автономности, особенно в кадровом вопросе, при условии сохранения лояльности Москве. Но эта автономность не была четко институционализирована, и экономические рычаги власти во многом контролировались союзным центром. После смерти Л. Брежнева в 1982 г. Москва существенно усилила контроль над республиками, активно вмешиваясь в кадровый вопрос. На наш взгляд, именно такая попытка рецентрализации в конечном счете запустила механизм трансформации автономности в независимость.

Первой мишенью для вмешательства центра стал Узбекистан, где прокуратуры, присланные из Москвы, разоблачили приписки при поставках хлопка, взяточничество и другие злоупотребления («хлопковое дело»). После того как первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Рашидов внезапно скончался в октябре 1983 г., его преемником был избран И. Усманходжаев. Кандидатура последнего была навязана Москвой: когда при предварительном обсуждении члены бюро ЦК называли двух других кандидатов, второго секретаря позвали к телефону, а вернувшись, он объявил, что Москва предлагает избрать И. Усманходжаева². Тем самым автономность местных коммунистов была существенно сокращена.

Инициатором разоблачения злоупотреблений власти на местах и рецентрализации контроля над местными элитами был Е. Лигачев, который в 1983 г. стал заведующим отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС (до 1985) и секретарем ЦК КПСС. После прихода к власти М. Горбачева в 1985 г. первые секретари ЦК компартии центральноазиатских республик, работавшие при Л. Брежневе и пользовавшиеся определенной поддержкой местных элит, были

1 Carlisle 1991, 94; Chida 2014, 72.

2 Ризаев 1992, 197.

сняты. Так, в конце 1985 г. в Киргизии А. Масалиев стал первым секретарем вместо Т. Усубалиева, в Туркменистане – С. Ниязов вместо М. Гапурова, а в Таджикистане – К. Махкамов вместо Р. Набиева. А. Масалиев и С. Ниязов имели близкие отношения с Е. Лигачевым¹.

Смещение первых секретарей и других должностных лиц в этих республиках было явно не по душе многим представителям местных элит, но недовольство проявилось не сразу. А в Казахстане беспрецедентное за последние десятилетия назначение вызвало резкую реакцию не только среди элиты, но и среди масс: в декабре 1986 г. после вынужденной отставки Д. Кунаева первым секретарем был избран Г. Колбин. Кандидатуру этого опять же близкого Е. Лигачеву человека, который никогда не работал в Казахстане, выставила Москва, не опросив представителей казахстанской элиты. Это спровоцировало масштабные протесты, в первую очередь в Алма-Ате. Там участники митингов называли имена людей, которые, по их мнению, были достойными кандидатами на должность первого секретаря². Но митинги были разогнаны, после чего началась кампания против «казахского национализма». В ней вынуждены были участвовать представители казахской политической и культурной элиты.

Итак, попытка консолидации вертикали власти после смерти Л. Брежнева, особенно в первые годы правления М. Горбачева, ослабила позиции местных элит в Центральной Азии. Примечательно, что чувство угрозы было вызвано не массовыми движениями, угрожающими режиму, а действиями центральной власти. Сильнее всего были задеты позиции элит в Узбекистане и Казахстане. В связи с «хлопковым делом» в Узбекистане множество должностных лиц было арестовано, уволено или перемещено на другие должности. 40 из 65 секретарей обкомов партии были сняты до января 1985 г., а в 1986 г. только 34 из прежних 177 членов ЦК КП Узбекистана были переизбраны³. Даже И. Усманходжаев был обвинен в коррупции и освобожден от должности первого секретаря ЦК в январе 1988 г. В то же время массовое увольнение руководителей органов власти породило нехватку кадров, и привезенные извне или срочно выдвинутые кадры, естественно, не смогли восполнить образовавшийся пробел. Уже в 1987 г. местные партийные руководители начали критиковать неэффективную кадровую политику. В узбекскую прессу также стали доноситься голоса, что «хлопковое дело» несправедливо называли «узбекским делом», ведь коррупционные схемы охватывали и Москву⁴. Начался процесс консолидации элиты на основе национальных чувств.

Казахской элите, задетой кампанией против «казахского национализма», Москва навязала чужого человека в качестве руководителя республики, однако должностей лишились в основном выходцы из южных областей, считавшиеся приближенными Д. Кунаева, а многие известные руководители из числа казахов сохранили свои позиции⁵. Очевидно, Г. Колбин не мог управлять незнакомой

1 О том, что А. Масалиева продвигал Е. Лигачев, см.: Усубалиев 1996, 86; Collins 2006, 116. С. Ниязов работал непосредственно в подчинении Е. Лигачева в качестве инструктора отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС.

2 Подробнее о декабрьских событиях в Казахстане см.: Желтоқсан-86 2006.

3 Carlisle 1991, 114–115.

4 Critchlow 1991, 144–150.

5 Chida 2004, 41–48.

ему республикой без опоры на местную элиту. Поэтому можно предположить, что угроза из центра стала, скорее всего, консолидирующим фактором сплочения казахской элиты.

Далее мы рассмотрим межнациональные и внутриэлитные конфликты в каждой центральноазиатской республике в позднеперестроечный период, а также влияние таких конфликтов на политику государств в годы независимости.

Узбекистан: межнациональный конфликт, уязвимая исходная позиция И. Каримова и установление жесткой вертикали власти

В 1988 г. в Советском Союзе произошли изменения, оказавшие существенное влияние на отношения между центром и республиками: в руководстве случился раскол между сторонниками радикальной перестройки и консерваторами, к ним в том числе относился и Е. Лигачев. Лидеры республик начали усиленно искать свое место в условиях подобного раскола. Усиление национальных движений и обострение межнациональных отношений в ряде регионов Союза вынудили политических руководителей в центре и республиках занять недвусмысленную позицию по национальному вопросу. В частности, в Центральной Азии до 1989 г. ситуация была относительно спокойной, однако вскоре политические и межнациональные противостояния начали назревать и в этом регионе.

Первый крупный межнациональный конфликт в Центральной Азии произошел в Ферганской области Узбекистана в мае – июне 1989 г. Стычки между турками-месхетинцами и узбеками переросли в крупные столкновения и поджоги, а после вылились в нападение на здание обкома компартии. Р. Нишанов, сменивший И. Усманходжаева на посту первого секретаря ЦК КП Узбекистана в предыдущем году, не проявил инициативы для разрешения конфликта. Его отставка в связи с избранием председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР была предreshена до разгара беспорядков, но было ясно, что его преемником должен стать человек, способный нормализовать ситуацию после ферганских событий.

Есть несколько версий о том, кто и почему выдвинул на этот пост И. Каримова, до этого занимавшего не самую видную должность первого секретаря Кашкардарьинского обкома партии, однако многие исследователи сходятся во мнении, что его фактически выбрали (или, по крайней мере, поддержали при выдвижении) представители элит из главных регионов Узбекистана. Можно предположить, что к этому времени узбекские элиты восстановили некоторую сплоченность и автономность, и Москва должна была учитывать их мнение¹.

Вступив в должность первого секретаря ЦК КП Узбекистана 23 июня 1989 г., И. Каримов должен был заняться не только нормализацией постконфликтной ситуации, но и укреплением своей позиции. Ему угрожало набиравшее популярность оппозиционное движение «Бирлик», которое еще больше усилило свое

1 См. подробнее: Collins 2006, 122–123; Каримов, Ислам. Президент Республики Узбекистан // Lenta.ru. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/lib/14160040/full.htm> (дата обращения: 07.04.2021). По собственным воспоминаниям И. Каримова, когда его пригласили на заседание Политбюро ЦК КПСС для обсуждения его кандидатуры, начались придирки со стороны Е. Лигачева, и И. Каримов ушел с заседания, но все же Москва санкционировала его выдвижение (Левитин 2001, 36–37).

присутствие в стране во время ферганских событий. И. Каримов некоторое время относился к оппозиции толерантно, принимая отдельные ее требования по языковым и историко-культурным вопросам, что позволило ему повысить легитимность в глазах общественности. В то же время И. Каримов и его правительство ограничивали свободу проведения митингов и участие оппозиции в выборах. Поводом к усилению давления на оппозицию служил мотив сохранения относительной стабильности на фоне политических кризисов в Таджикистане, Киргизии, Прибалтике и на Кавказе (1990–1991)¹.

В 1991 г. к угрозе светской оппозиции прибавилась угроза исламистов, набравших силу в Ферганской долине, отчего И. Каримову в декабре того года пришлось присутствовать в Намангане на митинге исламистов вместе с будущим лидером Исламского движения Узбекистана (ИДУ) Т. Юлдашевым и под натиском скандирующей толпы пообещать поднять перед парламентом вопрос об объявлении Узбекистана исламским государством². После распада СССР власти Узбекистана арестовали или вынудили эмигрировать видных деятелей оппозиции и исламского движения.

Помимо исламистов и оппозиционеров, в первые годы правления И. Каримова куда более серьезную угрозу представляли другие члены высшей элиты Узбекистана. В момент вступления в должность первого секретаря он был всего лишь одним из многих партийных руководителей и должен был считаться с другими лидерами, которые могли стать его конкурентами. После того как М. Горбачев стал президентом СССР, И. Каримов оказался первым из лидеров республик, кто ввел должность президента и занял ее по совместительству с постом первого секретаря компартии, таким образом укрепив свою власть. После провозглашения независимости Республики Узбекистан (еще фактически в составе СССР) И. Каримов предпринял еще один шаг для укрепления своей власти: 26 сентября 1991 г. он издал указ об упразднении союзно-республиканского КГБ Узбекской ССР и образовании Службы национальной безопасности Узбекистана с подчинением ее президенту. Этот указ вызвал опасение, что Узбекистан движется в сторону утверждения единоличной диктатуры, и по инициативе группы депутатов (за которой стоял предположительно вице-президент Ш. Мирсаидов) Верховный Совет республики безуспешно продвигал вопрос об отставке президента³. После распада Советского Союза, в январе 1992 г., И. Каримов упразднил пост вице-президента и в дальнейшем окружил себя только лояльными людьми и установил бюрократический контроль над элитой и обществом, выстроив строгую вертикаль власти.

В последующие годы И. Каримов всегда реагировал на угрозы власти с повышенной чувствительностью и не раз шел на агрессивные шаги. С середины 1990-х гг. он начал считать опасной популярность имамов и закрыл большое

1 См. например: Правда Востока. 11 января 1991 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/29685> (дата обращения: 22.04.2021); Правда Востока. 15 января 1991 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://press.natlib.uz/ru/editions/29688> (дата обращения: 22.04.2021).

2 Калигулаев 2005, 26–30. См. также: Легендарная съемка. Тахир Юлдаш и Ислам Каримов в Намангане в 1991 году // YouTube. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=jqf_8zGlrMg (дата обращения: 07.04.2021).

3 Волосевич, А. Четыре срока Ислама Каримова // AsiaTerra. 28 апреля 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.asiaterra.info/obshchestvo/chetyre-sroka-islama-karimova> (дата обращения: 07.04.2021).

количество мечетей. Недовольство верующих мусульман репрессивными мерами привело к пополнению рядов экстремистских организаций, особенно ИДУ, и учащению террористических атак. В конечном счете при помощи выстроенной бюрократической вертикали И. Каримову удалось подавить экстремистскую деятельность в стране. После его смерти в 2016 г. новый президент Ш. Мирзиёев отказался от консервативного курса предшественника и проводит смелые реформы, при этом сохраняя строгую вертикаль власти.

Казахстан: приход к власти Н. Назарбаева как естественного лидера и установление «мягкого» авторитаризма

Н. Назарбаев был избран первым секретарем ЦК КП Казахстана 22 июня 1989 г.¹ На момент отставки Д. Кунаева Н. Назарбаев был уже одним из самых влиятельных политиков в Казахстане² и, естественно, стал лидером казахских политических элит, которые неохотно работали под началом чуждого Г. Колбина. По словам самого Н. Назарбаева, прежний опыт руководства партии (имеется в виду назначение Г. Колбина вопреки мнению казахов) даром не прошел, отчего перед избранием нового первого секретаря «выяснили мнения всех народных депутатов СССР от Казахстана, областных руководителей, выслушали точки зрения представителей интеллигенции республики. Прямо на улицах проводили опрос простых людей»³.

Назарбаевская «оттепель» позволила переосмыслить прежние события в республике: в сентябре 1990 г. Комиссия Президиума Верховного Совета Казахской ССР по окончательной оценке декабрьских событий, созданная по инициативе поэта М. Шаханова, заключила, что «выступления казахской молодежи в декабре 1986 года [...] не были националистическими – это была первая попытка воспользоваться гарантированным Конституцией и декларированным перестройкой правом на свободное выражение гражданской и политической позиции»⁴. Эта новая оценка сблизила руководство республики с общественностью и помогла сплочению не просто казахского, но казахстанского народа. Комиссия выразила надежду на то, что результаты ее работы «послужат преодолению разобщенности и будут способствовать консолидации многонационального народа республики»⁵.

Поведение Н. Назарбаева и других высокопоставленных казахских чиновников во время декабрьских событий было неоднозначным, и в народе иногда считалось, что они тоже несут ответственность за трагическую гибель демонстрантов. Радикальная часть бывших участников событий создала «Желтоксан»

1 По времени избрание Н. Назарбаева совпало с событиями в Новом Узене, где столкнулись группы казахов и выходцы с Северного Кавказа, но эти локальные, хотя серьезные, события существенным образом не повлияли ни на процесс избрания первого секретаря, ни на стиль политического руководства Н. Назарбаева.

2 В 1984 г. Н. Назарбаев стал самым молодым председателем Совета министров союзной республики. По некоторым сведениям, на этот пост его рекомендовал Е. Лигачев (*Темиргалиев, Р.* Назарбаев в июне: ровно 30 лет назад у власти в Казахстане встал Нурсултан Назарбаев [Интервью Сергея Домнина] // *Expert Kazakhstan*. 27 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://expertonline.kz/a16060/> (дата обращения: 07.04.2021)), но через пять лет, Н. Назарбаев в качестве лидера компартии Казахстана занял позицию, сильно отличавшуюся от консервативного курса Е. Лигачева.

3 Назарбаев 1991, 199.

4 Желтоқсан-86 2006, 333.

5 Ibid., 343.

и другие оппозиционные движения, но они остались маргинальными и не составили существенную угрозу властям. Руководителями действительно крупных гражданских движений были близкие к политической элите культурные деятели, такие как поэты О. Сулейменов и М. Шаханов.

Казахстан встретил распад Советского Союза в относительно стабильном положении. Элита была сплоченной и пользовалась поддержкой масс. В первые годы независимости в стране сохранялась свобода слова и оппозиционной деятельности. Депутаты парламента, несмотря на свою лояльность президенту, зачастую критиковали действия правительства. Но власти все-таки решили свести влияние парламента к минимуму: Верховный Совет 12-го созыва под скрытым давлением самораспустился в декабре 1993 г., а Верховный Совет 13-го созыва был объявлен нелегитимным Конституционным судом в марте 1995 г. В течение десяти месяцев отсутствия парламента Н. Назарбаев предпринял ряд кардинальных мер для консолидации власти в своих руках, например, посредством принятия новой конституции. Но, в отличие от И. Каримова, Н. Назарбаев не стремился к полному контролю над политической жизнью в стране, допуская, хотя и в ограниченном формате, плюрализм мнений.

Таджикистан: крах старой власти, гражданская война и установление жесткого авторитаризма

Таджикистан состоит из регионов, которые исторически принадлежали к разным государственным образованияам и культурным ареалам. В советский период образовались элитные группы выходцев из разных регионов, среди которых самой могущественной была группа выходцев с севера (Ленинабадской области). Но после назначения К. Махкамова первым секретарем ЦК КП Таджикистана эта группа раскололась на две: сторонников К. Махкамова и сторонников его предшественника, Р. Набиева. Р. Набиев имел широкие связи с многочисленными представителями таджикской элиты, работавшими в сфере сельского хозяйства, а К. Махкамов по образованию был горным инженером и зависел от второго секретаря ЦК КП Таджикистана П. Лучинского (будущего президента Молдовы) и других руководителей, пришедших из-за пределов республики¹.

События, произошедшие в феврале 1990 г. в Душанбе, стали испытанием для К. Махкамова. Митинг начался с протестов против приезда армянских беженцев из Азербайджана, которым, якобы, должны были предоставить жилье, и пока К. Махкамов отказывался представлять какую-либо информацию и выступить перед протестующими, начались столкновения между молодежью и отрядами МВД. Митинг быстро перерос в протесты против властей. Участники протестов потребовали отставки руководства республики и назначения Б. Каримова, молодого зампреда Совета министров, на одну из высших руководящих должностей. Требование выдвинуть Б. Каримова, выходца из центральной части республики, угрожало политикам с севера. Таким образом, митинг в Душанбе, как и митинг в Алма-Ате в 1986 г., стал местом, где массы требовали решения вопроса

1 Epkenhans 2016, 32–36.

кадрового устройства руководства республики, но в Таджикистане этот вопрос неизбежно носил региональную окраску.

К. Махкамов подал в отставку, но, не получив одобрения на внеочередном пленуме ЦК КП Таджикистана, остался у власти. По некоторым сведениям, Москва тоже колебалась и сначала согласилась с отставкой К. Махкамova¹, но в конце концов силы КГБ СССР подавили протесты. В республике был объявлен режим чрезвычайного положения и проведены выборы в Верховный Совет, на которых коммунисты заняли 223 из 230 мест². На первый взгляд, стабильность была восстановлена, но позиции К. Махкамova сильно пошатнулись. Многие представители политической элиты позже отметили, что действия К. Махкамova создали две предпосылки гражданской войны. Во-первых, подав в отставку и потом изменив решение, политик существенно подорвал доверие населения к власти. Во-вторых, подавлением протестов он продемонстрировал населению, что правящая элита готова пойти на убийства ради сохранения своей власти³.

Противостояние усугубилось не только между властью и оппозицией, но и внутри компартии. В ноябре 1990 г. на первых президентских выборах в Верховном Совете К. Махкамов победил, набрав 131 голос, но Р. Набиев тоже получил немалую поддержку – 89 голосов⁴. Во время путча в Москве в августе 1991 г. К. Махкамов не смог занять однозначной позиции по вопросу непризнания ГКЧП и окончательно потерял доверие населения⁵. Но его отставка не остановила эскалацию кризиса между компартией и оппозицией, и в мае 1992 г. страна окончательно погрузилась в гражданскую войну, которая затянулась на срок более пяти лет.

Гражданская война способствовала созданию внутриполитического ландшафта, не имевшего аналогов в других странах Центральной Азии: оппозиция, ядро которой составили чуждые старой политической элите люди – исламские духовные лидеры и интеллигенция – на некоторое время почти сравнялась в силе с бывшими коммунистами. Такой расклад сил породил чувство реальной угрозы у последних.

В кругу выходцев из коммунистической партии произошли не менее важные изменения: люди с юга, особенно из бывшей Кулябской области (ныне восточной части Хатлонской области), играли ключевую роль в боевых действиях и заняли главенствующую позицию в политике. В результате Э. Рахмонов, который до войны был малоизвестным директором совхоза в Кулябской области, стал председателем Верховного Совета (главой государства на время упразднения должности президента) в ноябре 1992 г. и потом был избран президентом страны на выборах в ноябре 1994 г. Недовольные сменой позиций с кулябцами ленинабдцы поддерживали бывшего премьер-министра страны А. Абдулладжанова,

1 Mullojanov 2016, 253.

2 Erkenhans 2016, 114–133.

3 Интервью автора с представителями таджикской элиты в Душанбе, 2001 г. Также см. интервью с А. Искандаровым в кн.: Дубнов 2019, 126–127.

4 Erkenhans 2016, 134–137.

5 С. Ниязов в Туркменистане и И. Каримов в Узбекистане тоже приняли выжидательную позицию во время путча, но только в Таджикистане, где власть лидера республики была уже шаткой, эта позиция стоила ему должности.

который набрал 40,5% голосов на этих президентских выборах¹. В конечном счете северяне примирились со статусом младшего партнера кулябцев во власти: премьер-министры, как правило, назначаются из их числа. Важно отметить, что в позднесоветское время кулябцы были младшим партнером ленинабадцев и, хотя эти две группы, по сути, поменялись местами во время гражданской войны, преемственность властной элиты сохранялась.

В результате подписанного в июне 1997 г. мирного соглашения власть пошла, на первый взгляд, на большой компромисс, уступив бывшей оппозиции 30% мест в институтах исполнительной власти. Но к этому времени в немалой степени благодаря пропаганде власти в народе сложилось представление о том, что виновником гражданской войны была оппозиция. Поэтому на президентских выборах в ноябре 1999 г. и на парламентских выборах в феврале 2000 г. Э. Рахмонов и его Народно-демократическая партия одержали уверенную победу, а представители бывшей оппозиции постепенно были вытеснены из власти. Но президент и его окружение пошли дальше, и в 2015 г. наконец запретили Партию исламского возрождения Таджикистана, бывшего главного врага в гражданской войне. К этому времени усилилось и давление на других оппозиционеров и инакомыслящих. В итоге Таджикистан, долгое время считавшийся более демократичным, чем Узбекистан, стал куда более репрессивным, чем соседняя страна при Ш. Мирзиёеве.

Киргизия: появление разнородной элиты и повторяющиеся перевороты

По мере радикализации перестроечного курса М. Горбачева первый секретарь ЦК КП Киргизии А. Масалиев все более полагался на Е. Лигачева. Но в республике появились реформистские и беспартийные политические деятели, которые активно работали на Съезде народных депутатов СССР и в Верховном Совете Киргизской ССР. В мае 1990 г. было создано Демократическое движение Кыргызстана (ДДК).

Как и душанбинские события для К. Махкамова, настоящим испытанием для А. Масалиева стали ошские события – столкновения между киргизами и узбеками на юге республики в июне 1990 г. Это были самые масштабные из межнациональных конфликтов в Центральной Азии в период перестройки. Требования участников ошских событий в основном касались решения локальных проблем в Ошской области, но резонанс быстро дошел до столицы Фрунзе (ныне Бишкек) и способствовал дестабилизации политической обстановки во всей республике. Лидерам ДДК, руководившим митингом во Фрунзе и выступившим с требованием отставки А. Масалиева, одновременно удалось успокоить разгневанную толпу, тогда как А. Масалиев ограничился произнесением речи с балкона здания ЦК². По приезду в город Узген, одну из самых горячих точек конфликта, А. Масалиев даже не вышел из бронированного автомобиля к разгневанной толпе узбеков³.

1 Сообщение Центральной избирательной комиссии по выборам Президента Республики Таджикистан // Народная газета. – 1994 – 16 ноября. – С. 1.

2 Huskey 1995, 817–818, 827.

3 Интервью с А. Акаевым в кн.: Дубнов 2019, 243.

На 28-м съезде КПСС, состоявшемся в июле, А. Масалиев переложил ответственность за трагедию на «новые движения и объединения», которые возбуждали национализм и «сепаратистские настроения». Он также подчеркнул «крайнюю необходимость сильного центра» и призвал к открытой наступательной борьбе с политическими оппонентами компартии, продемонстрировав непонимание политических реалий наступившего нового времени¹.

Падение доверия населения к руководству республики из-за неадекватной реакции на ошские события не только активизировало оппозицию, но и усугубило противостояние внутри компартии. На первых президентских выборах, прошедших в Верховном Совете республики в октябре 1990 г., в первых двух турах голосования А. Масалиев получил больше голосов, чем любые другие кандидаты, но не набрал большинства. Эта ситуация произошла из-за того, что председатель Совета министров А. Джумагулов от имени бюро ЦК компартии и всей партийной группы предложил кандидатуру А. Масалиева, но когда другие депутаты предложили кандидатуру самого А. Джумагулова, он не отказался по заранее достигнутой договоренности с демократической группой депутатов и отобрал голоса у руководителя своей партии. Новые туры голосования были проведены с новыми кандидатурами, и в результате победу одержал А. Акаев, президент Академии наук Киргизской ССР². А. Акаев активно критиковал руководство компартии республики, хотя и был членом ЦК КП Киргизии и ЦК КПСС.

А. Масалиев, которому не хватило всего 4 голоса, чтобы стать президентом, остался первым секретарем компартии до апреля 1991 г., и в стране ненадолго образовалось двоевластие. Авторитет компартии со временем еще больше упал и окончательно был потерян в результате ее откровенной поддержки Августовского путча 1991 г. Однако и сам А. Акаев, который до избрания президентом республики не работал в руководстве партии и правительства, не имел прочной опоры в элите. При этом для него, пришедшего к власти на волне демократизации, было исключено применение узбекской (каримовской) модели быстрого вытеснения неугодных элементов.

После распада Советского Союза А. Акаев, надеясь на финансовую помощь развитых западных стран, провел радикальные политические и экономические реформы. В итоге он подорвал структуру старой элиты, но не смог сплотить новую: в результате рыночных реформ в элиту вошли представители бизнеса с различными интересами. С середины 1990-х гг. А. Акаев неоднократно предпринимал шаги к концентрации власти в своих руках, но имитация им авторитаризма и плохая репутация его семьи играли на руку оппозиции и оттолкнули немало соратников президента. В марте 2005 г. представители разнородной элиты, которым удалось мобилизовать сторонников деньгами и связями, свергли А. Акаева («тюльпановая революция»)³. Последующие президенты тоже не смогли укрепить свою власть: К. Бакиев (2005–2010) и С. Жээнбеков (2017–2020) ушли с по-

1 XXVIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 2–13 июля 1990 года: Стенографический отчет. Т. 1. – С. 452–455 // Архив Института теории и истории социализма. [Электронный ресурс]. URL: http://soveticus5.narod.ru/85/xxviii_1.htm (дата обращения 30.04.2021).

2 Эркебаев 1997, 65–72.

3 Radnitz 2010.

литической арены на фоне массовых протестов, а А. Атамбаев (2011–2017) после завершения своего срока подвергся политическим преследованиям со стороны своего же преемника.

Туркменистан: беспрепятственное сосредоточение власти в руках С. Ниязова

Ситуация в Туркменистане выбивается из общего контекста работы: здесь не было ни политической кампании против старой элиты, инициированной союзным центром, ни крупных межнациональных конфликтов, ни влиятельных оппозиционных организаций. Казалось бы, руководство республики не должно было чувствовать угрозу, которая служила бы поводом для сосредоточения власти, но именно в Туркменистане потом установился один из самых авторитарных режимов в мире. Здесь играла важную роль личность С. Ниязова.

Часто отмечается, что С. Ниязов умел нравиться своим начальникам и вышестоящим органам¹. В бытность свою первым секретарем Ашхабадского горкома компартии (1980–1984) он тесно работал со вторым секретарем ЦК КП Туркмении А. Рачковым. В 1984 г. С. Ниязов стал инструктором отдела организационно-партийной работы ЦК КПСС по рекомендации А. Рачкова. Последний предполагал, что по окончании стажировки С. Ниязова направят на пост первого секретаря обкома или председателя облисполкома, и после двух-трех лет областного опыта он стал бы хорошим руководителем республики. Но С. Ниязов понравился в ЦК КПСС сверх ожидания А. Рачкова, и в марте следующего года он был выдвинут на пост председателя Совета министров Туркменской ССР².

Сразу после его вступления в должность предсовмина несколько министров говорили А. Рачкову, что С. Ниязов слишком жестко ведет заседания, порой позволяя себе оскорблять заслуженных людей, обрывая их на полуслове, отклоняя их предложения в категорической форме. Но предпочтение Москвы в пользу молодых руководителей помогло С. Ниязову (1940 г. р.) продолжить быстрое движение по карьерной лестнице, и он стал первым секретарем ЦК КП Туркмении в декабре 1985 г. Его поведение стало еще более властным. По свидетельству А. Рачкова, С. Ниязов проводил совещания часто и сам долго говорил, а когда выступали другие, обрывал их. Он очень не любил, когда кто-то ему возражает или вносит предложения иные, чем у него самого. В результате активность участников совещаний стала слабой, и инициатива подчиненных угасла³.

Хотя в Туркменистане Москва не инициировала такую массовую кадровую чистку, как в Узбекистане и Казахстане, С. Ниязов сам не доверял тем, кто работал с его предшественником. Он сменил или подверг преследованию значительное

1 Horák 2016, 36.

2 Рачков 2018, 234, 238, 295, 321. Многие полагают, что союзное руководство, опираясь на биографию С. Ниязова (воспитание в детском доме, учеба в Ленинграде и женитьба на девушке из русско-еврейской семьи), считало его человеком относительно свободным от влияния племенных связей. Кадыров 2003, 136; Horák 2016, 34.

3 Рачков 2018, 332, 441, 450, 461.

число работников партийных, советских и хозяйственных организаций¹. В 1989 г. возникли оппозиционные движения, например, «Агзыбирлик», и хотя они были умеренными и объективно не представляли политической угрозы, С. Ниязов все равно подвергал их преследованию².

Таким образом, в отсутствие угрозы из Москвы, оппозиции и межнациональных конфликтов, С. Ниязов смог быстро сосредоточить власть в своих руках. Разделенная по племенным признакам туркменская элита не могла ничего противопоставить властному и упрямому лидеру. После распада Советского Союза С. Ниязов, больше не заботясь о своей репутации в Москве, установил культ личности, а после его смерти в 2006 г., его преемник Г. Бердымухамедов установил культ уже своей личности, немного изменив политический курс.

Заключение

В данной статье автор произвел «инвентаризацию» факторов, влияющих не только на установление авторитарного и полуавторитарного управления в странах Центральной Азии, но и на типологию авторитарных режимов в регионе.

Во-первых, большое значение имело *вмешательство союзного центра*. В середине 1980-х гг. Москва вмешивалась в кадровую структуру, особенно в процесс избрания первых секретарей компартий во всех республиках Центральной Азии. Вмешательство особенно угрожало целостности элитных групп двух самых значимых республик – Узбекистана и Казахстана. Однако в конечном счете эта угроза сплотила их, а плохое руководство назначенцев заставило Москву признать избрание их преемников из числа политиков, поддерживаемых местными элитами. Это обстоятельство способствовало установлению И. Каримовым и Н. Назарбаевым стабильного авторитарного режима. В других республиках вмешательство Москвы было умереннее, зато не служило поводом для сплочения элит. Кадры, назначенные Москвой в начальный период перестройки, не смогли стабилизировать после возникший политический кризис: слабость К. Махкамова и А. Масалиева одновременно с ослаблением влияния КПСС привела к затяжным политическим кризисам в Таджикистане и Киргизии. В Туркменистане невмешательство Москвы и разобщенность элит при отсутствии дестабилизирующих факторов помогли С. Ниязову установить диктатуру.

Во-вторых, *конкуренция внутри властной элиты*, хотя и существовала во всех центральноазиатских республиках, особенно повлияла на становление режима И. Каримова: иерархия в узбекской элите была нарушена в связи с «хлопковым делом» и появились равно влиятельные партийные функционеры, в среде которых должен был начать работу И. Каримов. Его острая чувствительность к угрозам со стороны политических конкурентов, оппозиционеров и исламистов привела к установлению режима с жесткой вертикалью власти при поддержке основной части элиты. Н. Назарбаев в Казахстане и С. Ниязов в Туркменистане изначально имели превосходство над другими представителями элит, но стили

1 Рыблов 2004; Кадыров 2003, 137; Рачков 2018, 459, 490, 495.

2 Horák 2016, 39–42.

их лидерства отличались: тогда как Н. Назарбаев руководил довольно активной и инициативной элитой, С. Ниязов подавлял инициативу подчиненных и установил диктатуру. В Таджикистане и Киргизии при отсутствии сплоченной элиты конкуренция и угрозы не стали поводом для усиления власти К. Махкамова, А. Масалиева и их непосредственных преемников, а привели к дестабилизации политической обстановки.

В-третьих, можно с уверенностью сказать, что там, где *оппозиция* была относительно слабой (в Туркменистане, Казахстане и Узбекистане), руководителям республик было значительно легче установить авторитарный режим. Однако даже относительно слабая оппозиция может вызвать жесткую реакцию со стороны правящей элиты, и неоднократное подавление оппозиции способствовало дальнейшему усилению авторитаризма в указанных выше странах. В Таджикистане власть пошла на примирение с оппозицией, чтобы закончить войну, однако, навязчивая мысль об угрозе со стороны оппозиции не оставила правящую элиту, что привело к установлению более репрессивного режима.

Наконец, в-четвертых, не стоит забывать и про *межнациональные и региональные конфликты*. Декабрьские события 1986 г. в Казахстане произошли тогда, когда власть союзного центра была еще сильна, отчего неспособность Г. Колбина совладать с ситуацией сразу не привела к его смещению. Но недовольство им в казахской элите и народе усилило ожидание нового лидера и подготовило почву для упрочения власти Н. Назарбаева. Стабилизация после ферганских событий помогла И. Каримову упрочить свою власть, а неумелое реагирование К. Махкамова и А. Масалиева на душанбинские и ошские события, соответственно, усугубило раскол таджикской и киргизской элит. Таким образом, не сами конфликты, а умение лидеров реагировать на них определило дальнейшее политическое развитие центральноазиатских республик. Хотя при этом в Таджикистане произошла смена позиций между ленинабадцами и кулябцами, старая элита проявила определенную устойчивость, и после гражданской войны Э. Рахмонов смог установить сначала мягкую, потом жесткую авторитарную власть. Подобное установление авторитаризма после войны на основе сплочения существенной части старой элиты наблюдалось и в Азербайджане. В Киргизии реформы А. Акаева, приведшие к демонтажу старой элиты, породили раздробленную новую. А повторяющиеся конфликты с 2005 г. не стали фактором его консолидации, а, наоборот, еще больше укрепили ситуацию «плюрализма по умолчанию»¹. Ситуацию, когда уже разложенную элиту не могут сплотить конфликты и войны, можно наблюдать и в Грузии и Украине. Такое состояние вполне соотносится с примерами, которые изучает Д. Слейтер в Юго-Восточной Азии.

Ниже (Рисунок) схематично представляем влияние различных угроз на становление политических систем стран Центральной Азии.

Рисунок.

**ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**
FACTORS OF POLITICAL SYSTEM FORMATION IN THE CENTRAL ASIAN STATES

Источник: составлено автором.**Комментарий:** подчеркнуты виды угроз для лидера и/или правящей элиты.

Схема позволяет наглядно представить, что угрозы извне или от конкурентов сплачивают элиту и образуют основу сильной авторитарной власти, тогда как продолжающиеся угрозы, способствующие расколу внутри элиты, приводят к массовым конфликтам или образованию относительно демократичной, но нестабильной системы. Как видно, процесс влияния угроз на становление политических систем зависел от множества субъективных факторов, а также предпосылок, сложившихся в более ранние периоды, но этот вопрос выходит за рамки настоящей статьи.

Мы не утверждаем, что структура политических систем стран Центральной Азии была целиком predetermined в период перестройки – процессы трансформации этих систем в годы независимости тоже нельзя игнорировать. Но все же ситуация в период перестройки и сразу после распада СССР заложила основу нынешнего политического устройства стран Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Дубнов, А. Почему распался СССР: вспоминают руководители союзных республик. – М.: Индивидуум, 2019. – 304 с. [Dubnov, A. *Why the USSR Collapsed: Leaders of the Soviet Republics Recall* [Pochemu raspalsya SSSR: vspominayut rukovoditeli soyuznyh respublik]. Moscow: Individuum, 2019] [In Russian].
- Желтоқсан-86. Книга 9: сборник документов. – Алматы: ОФ «Фонд Алтынбека Сарсенбайұлы», 2006. – 360 с. [The Jeltoqsan. Volume 9: Documents [ZHeltoqsan-86. Kniga 9: sbornik dokumentov], edited by B. Abdygaliev. Almaty: OF «Fond Altynbeka Sarsenbajuly», 2006] [In Russian].
- Кадыров, Ш. «Нация» племен: этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане. – М.: [6. и.], 2003. – 363 с. [Kadyrov, Sh. *Tribal "Nation": Ethnic Origins, Transformation, and Prospects for Statehood in Turkmenistan* [«Naciya» plemen: etnicheskie istoki, transformaciya, perspektivy gosudarstvennosti v Turkmenistane]. Moscow, 2003] [In Russian].
- Калигулаев, М. Дорога к смерти больше, чем смерть. – Wolverhampton: Black Quadrat, 2005. – 360 с. [Kaligulaev, M. *The Road to Death is Greater Than Death* [Doroga k smerti bol'she, chem smert']. Wolverhampton: Black Quadrat, 2005] [In Russian].
- Левитин, Л.И. Узбекистан на историческом повороте: Критические заметки сторонника Президента Ислама Каримова. – М.: Варгус, 2001. – 352 с. [Levitin, L.I. *Uzbekistan at a Historical Turn: Critical Notes of a Supporter of President Islam Karimov* [Uzbekistan na istoricheskom povorote: Kriticheskie zametki storonnika Prezidenta Islama Karimova]. Moscow: Vargius, 2001] [In Russian].
- Назарбаев, Н. Без правых и левых. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 254 с. [Nazarbaev, Nursultan. *Without Right and Left* [Bez pravyykh i levyykh]. Moscow: Molodaya Gvargia, 1991] [In Russian].
- Рачков, А.И. Дневник второго секретаря ЦК КП Туркмении. Кн. 2. – М.: Патриот, 2018. – 536 с. [Rachkov, A.I. *Diary of the Second Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Turkmenistan* [Dnevnik vtorogo sekretarya CK KP Turkmenii]. Vol.2. Moscow: Patriot, 2018] [In Russian].
- Ризаев, С. Шараф Рашидов: Штрихи к портрету. – Ташкент: Ёзув-Нур, 1992. – 271 с. [Rizaev, S. *Sharaf Rashidov: A Touch for the Portrait* [SHaraf Rashidov: SHtrihi k portretu]. Tashkent: Evzuchi-Nur, 1992] [In Russian].
- Рыблов, В. Туркменская трагедия. – М.: РГО, 2004. – 238 с. [Rybllov, V. *The Turkmen Tragedy* [Turkmenskaya tragediya]. Moscow: RGO, 2004] [In Russian].
- Усубалиев, Т.У. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. – Бишкек: Шам, 1996. – 423 с. [Usubaliev, T.U. *One Must Know the Past in order not to Make Mistakes in the Future* [Nado znat' proshloe, chtoby ne oshibat'sya v budushchem]. Bishkek: Sham, 1996] [In Russian].
- Эркебаев, А. 1990 год: приход к власти А. Акаева. – Бишкек: Кыргызстан, 1997. – 634 с. [Erkebaev, A. 1990: *Akaev's Rise to Power* [1990 god: prihod k vlasti A. Akaeva]. Bishkek: Kyrgyzstan, 1997] [In Russian].
- Carlisle, Donald S. "Power and Politics in Soviet Uzbekistan: From Stalin to Gorbachev." In *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, edited by William Fierman, 93–130. Boulder: Westview Press, 1991.
- Chida Tetsuro. "Sorenpo chūō-Kazafusutan kankei no hensen (1980–1991): Tō erito jinji dōkō wo sozai to shite" [The Central-Republican Relationship and Party Elites in the Soviet Union: Kazakhstan (1980–1991)]. *Suravu Kenkyū* 51 (2004): 29–61 [In Japanese].
- Chida Tetsuro. "Trust in Cadres' and the Party-Based Control in Central Asia during the Brejnev Era." In *Development in Central Asia and the Caucasus: Migration, Democratisation and Inequality in the Post-Soviet Era*, edited by Sophie Hohmann et al., 47–79. London: I.B.Tauris, 2014.
- Collins, Kathleen. *Clan Politics and Regime Transition in Central Asia*. New York: Cambridge University Press, 2006.
- Critchlow, James. "Prelude to 'Independence': How the Uzbek Party Apparatus Broke Moscow's Grip on Elite Recruitment." In *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, edited by William Fierman, 131–156. Boulder: Westview Press, 1991.
- Epkenhans, Tim. *The Origins of the Civil War in Tajikistan: Nationalism, Islamism and Violent Conflict in Post-Soviet Space*. Lanham: Lexington Books, 2016.
- Fish, Steven M. "Democratization's Requisites: The Postcommunist Experience." *Post-Soviet Affairs* 14, no. 3 (1998): 212–247.
- Hale, Henry E. *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*. New York: Cambridge University Press, 2015.
- Horák, Slavomír. "Turkmenistan at the Last Stage of Perestroika: Determinants of an Authoritarian Path." *Cahiers d'Asie centrale* 26, (2016): 29–49.
- Isaacs, Rico. *Party System Formation in Kazakhstan: Between Formal and Informal Politics*. London: Routledge, 2011.
- Jones Luong, Pauline. *Institutional Change and Political Continuity in Post-Soviet Central Asia: Power, Perceptions, and Pacts*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Markowitz, Lawrence P. *State Erosion: Unlootable Resources and Unruly Elites in Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2013.
- McFaul, Michael. "The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Post-Communist World." *World Politics* 54, no. 2 (2002): 212–244.
- McGlinchey, Eric. *Chaos, Violence, Dynasty: Politics and Islam in Central Asia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2011.
- Mullojanov, Parviz. "February 1990 Riots in Tajikistan: Who Was Behind the Scenes? Review of the Main Existing Versions." *Cahiers d'Asie centrale* 26, (2016): 247–272.
- Pop-Eleches, Grigore. "Historical Legacies and Post-Communist Regime Change." *The Journal of Politics* 69, no. 4 (2007): 908–926.
- Radnitz, Scott. *Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 2010.
- Sharafutdinova, Gulnaz. *Political Consequences of Crony Capitalism inside Russia*. Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, 2010.
- Slater, Dan. *Ordering Power: Contentious Politics and Authoritarian Leviathans in Southeast Asia*. New York: Cambridge University Press, 2010.
- Way, Lucan. *Pluralism by Default: Weak Autocrats and the Rise of Competitive Politics*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2015.

Примечание редакции

В тексте сохранен стиль высказывания автора.

Сведения об авторе

Томохико Уяма,

профессор Центра славянско-евразийских исследований, Университет Хоккайдо, Япония,
Саппоро, Kita 9, Nishi 7, Kita-ku 060-0809.

e-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 28 февраля 2021. Принята к публикации: 29 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Статья выполнена при грантовой поддержке JSPS KAKENHI 18H03619.

Цитирование

Уяма, Т. Влияние перемен периода перестройки на становление политических систем стран Центральной Азии: чувство угрозы и авторитаризм // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 55–73.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-55-73>

Origins of the Differences in Political Systems of the Central Asian States: Threat Perception in the Perestroika Period

Tomohiko Uyama

ABSTRACT

Using the “path-dependence” concept and D. Slater’s thesis on the consolidation of elites around national threats, the author examines the factors influencing the formation of different authoritarian political systems in the Central Asian states. A critical aspect of the formation of political systems in this region was the events from the mid-1980s to the collapse of the Soviet Union. In terms of the structure of the study, the article consistently examines how interethnic and other political conflicts demonstrated the (un)ability of leaders to cope with crises. In particular, it shows that the inability to cope with political challenges in Kyrgyzstan marked the beginning of “pluralism by default.” Moscow’s involvement in the personnel issues in the republics, especially in Uzbekistan and Kazakhstan, undermined local elites and increased the overall sense of threat to political stability, which eventually rallied elites and gave rise to expectations of a strong leader. We also note that a notably fortified power hierarchy was established where the new national leader perceived threats from his political rivals (in Uzbekistan). Conversely, the existence of a strong opposition prevented the rapid establishment of authoritarianism. In Tajikistan, for example, a split of the elite led to a civil war, but due to the greater stability of its governmental wing, the president subsequently managed to establish a hard authoritarian regime. In Turkmenistan, the country’s leader took advantage of the lack of threats to establish a dictatorship. Thus, external challenges contribute to the consolidation of elites, while the risks of internal competition contribute to the concentration of power in the hands of an authoritarian leader. On the contrary, prolonged threats divide elites, lead to mass conflicts or the formation of a relatively democratic but unstable system of state power.

KEYWORDS

Central Asia, perestroika, conflict, elite cohesion, threat perception, path dependence, authoritarianism

Editorial note

The text retains the style of the author’s saying.

Author

Tomohiko Uyama,

Professor, Slavic-Eurasian Research Center, Faculty Member, Studies Central Asian Studies, Russian History, and Comparative Politics, Japan, Sapporo, Kita 9, Nishi 7, Kita-ku 060-0809.

e-mail: uyama@slav.hokudai.ac.jp

Additional information

Received: February 28, 2021. Accepted: April 30, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was declared by the author.

Funding

The research is conducted under the grant JSPS KAKENHI 18H03619.

For citation

Uyama, Tomohiko. “Origins of the Differences in Political Systems of the Central Asian States: Threat Perception in the Perestroika Period.” *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 55–73.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-55-73>

Открытый финал войны за югославское наследство: последствия распада СФРЮ спустя три десятилетия

Дмитрий Валерьевич Ефременко

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-74-95>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются динамика и перспективы разрешения основных конфликтов в регионе Западных Балкан спустя три десятилетия после распада Югославии. Важнейшими факторами, влияющими на конфликтную динамику в регионе, являются этнонационализм, этническая гомогенизация и внешнее вмешательство. Вмешательство Запада позволило остановить военные действия, но в то же время оно фактически закрепило результаты этнической гомогенизации. Сербо-хорватский конфликт близок к своему исчерпанию в силу фактической поддержки Западом операции «Буря» (1995), исхода из Хорватии более 200 тысяч сербов, интеграции Хорватии в НАТО и Европейский союз. Несмотря на негативный груз исторической памяти, и Загреб, и Белград в двусторонних отношениях все в большей степени руководствуются политической прагматикой и взвешенными оценками качественно изменившейся ситуации.

На этом фоне дейтонская модель государственного устройства Боснии и Герцеговины, выстроенная на основе институциональных сделок акторов, представляющих конкурирующие этнокультурные сообщества, демонстрирует свою дисфункциональность. Взаимодействие и сотрудничество этих акторов в основном остается вынужденным, осуществляемым под внешним контролем и давлением. Создание и неполное признание международным сообществом второго албанского государства – Косово* – не привело к урегулированию албанского вопроса в масштабах всего западнобалканского региона. В косовских реалиях слабость институциональных традиций приводит к тому, что привнесение извне формальных институтов активизирует политическое структурирование, но происходит оно таким образом, что неформальные структуры и отношения не вытесняются, а в конечном счете подменяют содержание формальных институтов. В перспективе Косово может сформировать настолько плотную сеть связей с Албанией, что признание их единства окажется вопросом времени и политической целесообразности для отдельных государств и надгосударственных объединений.

В то же время албанское меньшинство в Северной Македонии и Черногории может стать фактором дестабилизации этих государств. Перспектива интеграции различных стран региона в западные союзы не устраняет остающегося конфликтного потенциала. Скорее, западные альянсы идут по пути интериоризации этих конфликтов. Проекция либерально-демократических норм и ценностей на постъюгославское пространство чаще всего получает имитационный отклик со стороны местных элит. В этих условиях признание региональных реалий, в том числе доминирования этнонационалистических установок над ценностями плюралистической и мультиэтнической демократии, в сочетании с международным контролем могло бы сыграть позитивную роль в поисках эффективного урегулирования конфликтов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Западные Балканы, распад Югославии, этнонационализм, межэтнические конфликты, внешнее вмешательство, этническая гомогенизация, ирредентизм

* В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

В многочисленных дискуссиях о причинах распада мультиэтнических государственных образований, управляемых коммунистическими режимами, крайние позиции формируют некое подобие системы координат. Одна из таких позиций гиперболизирует внешнее вмешательство¹, другая – возводит внутренние противоречия и конфликты в ранг судьбоносных, из чего следует вывод о предрешенности краха Советского Союза или социалистической Югославии едва ли не в момент появления этих государств на политической карте мира². Если абстрагироваться от конспирологии и фатализма (эти крайности явно сходятся), то в поле анализа окажется динамическое соотношение внутренних факторов устойчивости и дезинтеграции такого рода государственных образований, влияния внешних системных условий и активных действий заинтересованных игроков. Но не менее важно распространить этот анализ на динамику распада и последующей консолидации новых государств. Поскольку же на постъюгославском пространстве внешнее вмешательство играет исключительно важную роль в трансформационных процессах, исходная дискуссия о причинах распада многонациональных государств переходит в плоскость экспликации наличных результатов нового нациестроительства и геополитических изменений, выявления в них удельного веса автохтонных процессов и внешнего конструирования.

Некоторые дискуссионные проблемы кризисной динамики на Западных Балканах

События конца XX – начала XXI в. на Западных Балканах в литературе нередко характеризуют как войны³ или войну⁴ за югославское наследство. Хотя в данном случае речь идет о метафоре, на наш взгляд, она является достаточно емкой, включающей в себя отсылку к общему истоку конфликтов в регионе, а также к тому, что в эти конфликты глубоко и, очевидно, неустранимо вовлечены внебалканские силы.

Распад империй и крупных многонациональных государственных образований лишь в меньшинстве случаев приводит к разрешению дестабилизировавших их конфликтов. В основном преодолеть конфликты становится возможным, когда на месте материнского государства появляется несколько небольших государств, сравнительно гомогенных в этноконфессиональном плане и не оспаривающих территории друг друга или третьих стран⁵. Гораздо чаще конфликты не завершаются, а эволюционируют с сохранением возможности перехода в «горячую» стадию.

Воздействие внешних государственных акторов может способствовать снижению остроты конфликтов или их разжиганию (особенно если новые государства и/или регион в целом остаются объектом геополитического соперничества), но оно также оказывает влияние на процессы, связанные с консолидацией государственности и трансформацией макрополитической идентичности: «то,

1 Например: Thomas 2003.

2 Guzina 2000.

3 Hoare 2012.

4 Stokes et al. 1996.

5 Kanin 2014.

когда и как та или иная полития вступила в сообщество государств, какое место в нем заняла, какие образцы были предложены или даже навязаны международной системой, все это существенным образом сказывается на государственном строительстве»¹.

Внешнее вмешательство, даже закамуфлированное под миротворчество или арбитраж, может приводить и к неформальному «назначению ролей» для государств и сообществ: «жертвы» / «палача», «выигравшего» / «проигравшего» и т.д. Речь, разумеется, идет о создании образа государств и сообществ мейн-стримом ведущих средств массовой информации и электронными средствами массовой коммуникации, оказывающими мощное влияние на формирование международного общественного мнения. Это находит свое выражение и в практике межгосударственных взаимодействий, когда, например, включение того или иного государства в состав военно-политических союзов и наднациональных объединений обуславливается выполнением не только общих стандартных условий, но и особых условий, таких, например, как полноценное сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии, внедрение институтов и процедур транзитивного правосудия², определенная направленность политики памяти и т.д.

В случае Балканского полуострова можно с уверенностью говорить о том, что предписание ролей было обусловлено своеобразным «эффектом колеи», наличием уже устоявшихся на Западе стереотипов в отношении балканских народов. Как показала М. Тодорова, характерной особенностью западных стереотипов репрезентации этих народов является сосредоточение внимания на роли примордиальных факторов в формировании и даже современном состоянии их идентичности³. Один из наиболее ярких примеров такого видения – известная работа Р. Каплана, в которой производится радикальное «удревнение» конфликтов на Балканах вплоть до эпохи распада Римской империи⁴. Дж. Кеннан, проводя параллели между Балканскими войнами 1912–1913 гг. и кровопролитными конфликтами, сопровождавшими распад СФРЮ, также делал отсылки к глубокой древности, указывая на то, что еще задолго до прихода османов на юго-восточном фланге Европы укоренилась неевропейская цивилизация с особыми обычаями, представлениями о себе и внешнем мире⁵. В тех или иных вариациях подобные представления зачастую приводили к выводам о «незрелости» балканской идентичности, о необходимости внешнего руководства на период завершения модернизации, полного восприятия либеральных ценностей и принципов гражданского общества⁶; кроме того, если внешний арбитраж принимался (добровольно или недобровольно), то у арбитров появлялась возможность объявлять о «прогессе» европеизации (вестернизации) одних этнических групп или политий и об «отставании» других.

1 Ильин et al. 2010, 27.

2 Kritz 1995; Archibugi, Pease 2018.

3 Todorova 1997.

4 Kaplan 1993; обстоятельный критический разбор концептуальных подходов к объяснению феномена распада Югославии и его последствий представлен в: Ramet 2002.

5 George F. Kennan, "The Balkan Crisis: 1913 and 1993," The New York Review of Books, 1993, accessed April 19, 2021, <https://www.nybooks.com/articles/1993/07/15/the-balkan-crisis-1913-and-1993/>.

6 Goldsworthy 1998.

Внешнее вмешательство в случае Западных Балкан привело к тому, что в нескольких постъюгославских странах актуальный этап нациестроительства проходит в условиях длительной и устойчивой фрустрации, когда политические элиты вынуждены демонстрировать *лояльность* (если использовать терминологию А. Хиршмана¹) продиктованным извне правилам, тогда как ряд общественных групп (включая массовые) ориентированы на отстаивание права голоса в дискуссиях о прошлом, настоящем и будущем своей страны либо на демонстрацию готовности к выходу из навязанной элите системы правил и оценок. Несмотря на неформальный характер «предписания» ролей, от них, как правило, очень трудно отказаться. Чаще в них приходится «вживаться», пытаться соответствовать (имитировать) или, напротив, убеждать внешних акторов и свое собственное население в том, что предписанная роль вовсе не соответствует реальным действиям и устремлениям той или иной группы внутри сообщества либо сообщества в целом.

Если попытаться оценить изменения в регионе Западных Балкан на протяжении трех десятилетий после коллапса СФРЮ, то на первом месте, безусловно, окажется торжество этнонационализма, тогда как развитие рыночной экономики и институтов плюралистической демократии выглядит в основном вторичным, в значительной мере обусловленным необходимостью демонстрировать лояльность нормативным установкам Европейского союза и НАТО. Сказанное не означает, что к политико-экономическим и социокультурным изменениям в странах Западных Балкан можно относиться пренебрежительно. Вовсе нет. Регион изменился, и некоторые изменения можно рассматривать едва ли не как возможность выхода из колеи внутрирегионального противоборства, которое чаще всего имеют в виду, говоря о «балканской судьбе» или «балканизации». Однако вопрос состоит в причинах и условиях осуществления тех перемен, которые наиболее сильно изменили лицо региона.

Помимо Запада, влияние на регион оказывают другие крупные государственные акторы: Россия, Китай, Турция, монархии Аравийского полуострова. Для всех этих акторов Балканы в широком смысле (не только постъюгославское пространство) остаются периферией, но при этом такой периферией, в дела которой все они (теперь даже и Китай) серьезно вовлечены. При этом вовлеченность Европейского союза для самого региона имеет критическое значение, а для Брюсселя она становится одновременно и делом чести, и тяжелой ношей, которую невозможно оставить на обочине. Западные Балканы выступают тем регионом, где ЕС едва ли не в первую очередь на деле должен и может подтвердить свою международную субъектность. В то же время в дела региона глубоко вовлечены Соединенные Штаты, причем активность Вашингтона в некоторых существенных аспектах означает конкурентный вызов для Евросоюза, но все же общая результирующая их усилий (в значительной степени через механизмы Евро-Атлантического пакта) может рассматриваться как безусловное доминирование Запада в определении судьбы балканских народов на протяжении последних тридцати лет. Это вовсе не значит, что Запад полностью определяет

1 Hirshman 1970.

весь ход событий – несмотря на все усилия, в той или иной части бывшей Югославии что-то все время идет «не так». Более того, вмешательство Запада обосновывалось необходимостью остановить кровопролитие и этнические чистки, а затем обеспечить демократизацию и экономическую трансформацию региона. Вместе с тем некоторые наиболее значимые и необратимые изменения произошли в результате военных действий, гибели десятков тысяч и вынужденного перемещения миллионов людей, а не вследствие «миротворчества» и трансформационных усилий ЕС и Запада в целом. И Европейский союз, и Соединенные Штаты продолжают декларировать приверженность принципу полиэтнической государственности, однако на деле более высокий уровень стабильности достигнут в той части постъюгославского пространства, где – страшной ценой крови, страданий и унижений – происходила этническая гомогенизация¹. И наоборот, зонами повышенного риска новых вспышек насилия и межобщинной вражды остаются те страны и территории, которым удалось избежать этих процессов или где вмешательство Запада препятствует тому, что можно назвать подведением итогового баланса этнического разобщения.

В настоящей статье будут рассмотрены основные оси конфликтов на Западных Балканах, начиная с сербо-хорватского, который был определяющим для судьбы первой и второй Югославии.

Исчерпание сербо-хорватского антагонизма

Историю соперничества сербов и хорватов, дважды переходившего в кровопролитное противостояние, нельзя назвать продолжительной. Это соперничество выходит на передний план в тот момент, когда оба этноса обнаруживают себя в составе одного государства, уже не являющегося империей, чей центр расположен за пределами Балкан. Но для судьбы первой и второй Югославии именно это соперничество было определяющим. Правда, интересы и соотношение сил нельзя назвать симметричными: сербы претендовали (и небезуспешно) на фактическое лидерство, хорваты решительно отстаивали равноправие, но даже добиваясь значительного расширения своих прав, не оставляли мысли о независимой от Белграда государственности. Однако первый опыт такой государственности в XX в. – Независимое государство Хорватия под руководством А. Павелича – несет на себе каинову печать покровительства Третьего рейха, концлагерей, депортаций и преступлений против человечности. Титовская версия пролетарского интернационализма, символическим выражением которой стал лозунг «Братство и единство», весьма небезупречно функционировала в социалистической Югославии до момента смерти вождя, а спустя всего лишь несколько лет после нее неудовлетворенность политическим режимом и моделью федеративных отношений трансформировалась в запрос на демократизацию, который приобрел в каждой из республик этнонациональное измерение. Разумеется, для комплексного понимания причин катастрофического воздействия этнонационализма на динамику конфликтов в регионе необходим учет инсти-

¹ Sletzinger Martin, "A Glimmer in the Balkans," *The Wilson Quarterly*, Winter 2011, accessed February 2, 2021, <https://www.wilsonquarterly.com/quarterly/winter-2011-the-seven-million/a-glimmer-in-the-balkans/>.

туционального дизайна СФРЮ, особой комбинации в этом дизайне факторов, связанных с конфедеративным характером государственного устройства и возможностями доминирующей республики контролировать и использовать в своих интересах общегославские институциональные ресурсы, включая армию¹. Но именно этнонационализм обеспечил политический триумф тех лидеров, кто, как казалось, был готов наиболее решительно отстаивать интересы соответствующих этносов. Такая траектория лидерства была общей и для основных политических антагонистов посттитовской эпохи – С. Милошевича и Ф. Туджмана.

Проведение первых многопартийных выборов в югославских республиках перевело кризис югославской федерации в режим катастрофы. Если в Сербии безоговорочную победу одержали бывшие коммунисты, выступившие под новым брендом Социалистической партии, то в Хорватии экс-коммунисты были оттеснены от власти возглавляемой Ф. Туджманом новой политической силой с жесткой этнонационалистической программой – Хорватским демократическим содружеством (ХДС). Успех Ф. Туджмана во многом был предопределен стремлением большинства хорватов к максимальному дистанцированию от Сербии и С. Милошевича. Обратной стороной этого радикализма стал курс ХДС на «хорватизацию» структур государственного управления и их «очистку» от присутствия сербов и черногорцев. Помимо сепаратизма, среди хорватов были сильны ирредентистские настроения, и тем самым создавались благоприятные условия для вмешательства в разразившийся в 1992 г. конфликт в Боснии и Герцеговине.

Реакция на политику и риторику деятелей ХДС сербского населения Хорватии была близкой к панике, связанной не только и часто не столько с целенаправленными действиями новой власти по выдавливанию «нежелательного» этноса из определенных секторов управления и социально-экономической активности, но также с дефицитом достоверной информации, слухами и историческими воспоминаниями, восходящими к периоду Второй мировой войны. Сербь в Хорватии, не видя возможности достижения взаимоприемлемого результата в переговорах с Загребом, сделали ставку на односторонние действия, рассчитывая на поддержку руководства Югославской народной армии и Сербии. Этот «сепаратизм внутри сепаратизма», опробованный также и в СССР в качестве инструмента давления на сторонников независимости тех или иных республик, сформировал новую реальность и сделал неизбежным военный сценарий хорватской сецессии.

Несомненно, что роль политических лидеров – Ф. Туджмана и С. Милошевича – была исключительно значимой для динамики всего Югославского кризиса. И тот, и другой стали во главе авторитарных этнонационалистических режимов, оба были ориентированы и на внешнюю экспансию, освященную идеями ирредентизма. При всем нарастающем антагонизме Ф. Туджман и С. Милошевич хорошо понимали друг друга и в случае невозможности достижения решающего перевеса над оппонентом могли найти основу для балансирования взаимных интересов. В этом смысле показательной была их встреча в охотничьих угодьях Караджорджево в Воеводине 25 марта 1991 г., направленная на поиск формулы

1 Bunce 1999.

сохранения югославской федерации. Компромисс не был найден, но, по целому ряду свидетельств, С. Милошевич и Ф. Туджман в ходе беседы один на один обсуждали возможность раздела Боснии и Герцеговины между сербами и хорватами, ориентируясь на границы Хорватской бановины 1939 г. Другие источники наличие такой договоренности и даже самого обсуждения этой темы отрицают. Тем не менее некое подобие призрака согласованного удовлетворения сербских и хорватских притязаний за счет Боснии и Герцеговины возникало всякий раз, когда события в этой республике принимали критический оборот.

Война, которую в Хорватии принято именовать «Отечественной» (*Domovinski rat*), а в Сербии – «войной в Краине» (*rat u Krajinu*), стала вторым после кровопролития 1941–1945 гг. кульминационным пунктом сербо-хорватского противостояния. По масштабу насилия и военных преступлений, совершенных обеими сторонами, она (вместе с начавшейся в 1992 г. войной в Боснии и Герцеговине) оказалась беспрецедентной для Европы со времен Второй мировой войны. В ходе войны обе стороны проводили этнические чистки. Суммарное количество сербских и хорватских беженцев и перемещенных лиц превышает 500 тысяч человек. Подавляющее большинство хорватских беженцев во второй половине 1990-х гг. вернулись в покинутые ими районы ликвидированной Республики Сербская Краина. Из 300 тысяч сербов, покинувших Хорватию, зарегистрированы в качестве вернувшихся 120 тысяч, но из них менее половины остались проживать в Хорватии на постоянной основе. Таким образом, к концу войны Хорватия не только восстановила контроль над своими территориями в административных границах 1991 г., но и достигла высокого уровня этнической гомогенизации. Если, согласно переписи 1991 г., сербы составляли 12,2% населения Хорватии, а 2,2% участников переписи назвали себя югославами, то, по данным последней переписи 2011 г., сербов осталось 4,4%, а югославы практически исчезли как этноним¹.

Операция «Буря», поддержанная Западом и проходившая в увязке с натовской операцией «Обдуманная сила» в Боснии, положила конец надеждам на осуществление великосербского проекта, по крайней мере, в его максималистской версии. Активное вмешательство Запада в конфликты на постъюгославском пространстве в 1990-е гг. имеет смысл рассматривать как показатель того, что постбиполярная международная система начала функционировать, устанавливая новые рамки действий политических акторов и в регионе Западных Балкан, и в Европе в целом. Было ли это вмешательство неизбежным? Как известно, после разрыва И. Броз Тито с И.В. Сталиным Югославия занимала особое положение в системе международных отношений. Она находилась в своеобразной «серой зоне» между двумя блоками, каждый из которых стремился использовать в своих интересах уникальный статус титовской Югославии, лидер которой, в свою очередь, мастерски лавировал между Москвой и Вашингтоном. На протяжении большей части десятилетия после смерти И. Броз Тито (1980) наиболее влиятельные внешние игроки – Запад во главе с США и Советский Союз – были заинтересованы в недопущении распада Югославии или, по крайней мере, в сдержива-

1 Лишь 331 участник переписи 2011 г. указал этот этноним.

нии процессов дезинтеграции и хаотизации. С окончанием холодной войны, то есть на этапе качественного преобразования международной системы, ситуация быстро начала меняться, и Запад стал рассматривать югославскую федерацию не как ценный балансир, а как обузу, излишнюю в новых условиях¹.

Кризис югославской федерации поначалу интерпретировался на Западе как еще одно проявление той же динамики, которая привела к падению Берлинской стены, череде «бархатных революций» в Центральной и Восточной Европе и ослаблению власти КПСС в Советском Союзе. В радужной оптике 1989 г. больше внимания уделялось тому, что правление коммунистов в Югославии подходит к своему финалу, и при этом недооценивался подъем национализма, делавший неизбежным крушение СФРЮ. Фактически же это был другой процесс, в котором антикоммунистические настроения и лозунги играли второстепенную роль.

Annus mirabilis – 1989 оказал наибольшее влияние на Западные Балканы с точки зрения изменения внешних системных условий, ставших значительно более благоприятными для сецессионизма. Хорватские и словенские элиты вели кропотливую работу, призванную мобилизовать на свою поддержку общественное мнение и правительства стран Запада. Наиболее активную поддержку сецессионистским устремлениям Словении и Хорватии на критической стадии распада СФРЮ оказала Германия, сама едва осуществившая повторное воссоединение и только начавшая преодоление последствий раскола страны². Отделение этих двух республик от СФРЮ, а впоследствии – их вступление в НАТО и Европейский союз вновь прочертили линию культурно-цивилизационного раскола региона, которая в основном (за исключением нынешней Воеводины) совпадает с границей бывших империй Габсбургов и османов. Эта линия отделяет территории с доминированием католического населения от территорий, где преобладают мусульмане или православные. Объединенная Германия в каком-то смысле повела себя как восприимчива имперской миссии Габсбургов, поскольку современная Австрия с этой ролью справиться не имеет шансов. В дальнейшем Берлин транслировал эту неформальную миссию и Европейскому союзу, где Германия фактически доминирует. Едва ли будет преувеличением сказать, что Словения и Хорватия получили пропуск в ЕС не столько как осколки Югославии, сколько как части постгабсбургского пространства. Став в авангарде признания международным сообществом независимости Словении и Хорватии, Германия сделала необратимым международно-правовое оформление распада Югославии и форсировала извне процессы консолидации новых политий.

На решающем этапе распада Югославии режим С. Милошевича в максимальной степени использовал ресурсный перевес Сербии и Черногории, ирредентистские устремления сербов в Хорватии и Боснии, а также фактический контроль над большей частью югославских силовых структур. При этом Белград практически не имел шансов заручиться эффективной поддержкой незападных игроков: международная дееспособность России после распада СССР была сведена к минимуму, а Б.Н. Ельцин симпатий к С. Милошевичу не испытывал; Китай

1 Никифоров 2011, 866.

2 Crawford 1996.

был поглощен решением внутренних и внешних проблем после подавления протестов на площади Тяньаньмэнь.

В условиях ужесточающейся международной изоляции преимущество Белграда на постъюгославском пространстве на протяжении нескольких лет вооруженного конфликта было подорвано, а потом решительно опрокинуто вмешательством НАТО. Хорватия достаточно быстро укрепляла свои международные позиции, наращивала численность и оснащенность вооруженных сил, обходя эмбарго на поставки вооружений при попустительстве ключевых стран Запада.

Однако именно вмешательство США привело к радикальному изменению расстановки сил. Едва ли есть основания говорить об априорном антисербском настрое Америки¹, хотя на принятие решений в Вашингтоне оказывали существенное влияние хорватская и албанская диаспоры, чье лобби настаивало на максимальном ужесточении позиций в отношении Белграда. Более существенно то, что сам ход военных действий в Хорватии и Боснии, масштаб насилия, этнических чисток и нарушений прав человека рассматривались как вызов американскому лидерству в постбиполярном мире, способности Вашингтона диктовать правила игры. Наконец, для американской геостратегии было важно закрепить на Западных Балканах, выступая в качестве верховного арбитра и в разной степени оказывая поддержку сразу нескольким региональным игрокам. В рамках этого подхода Вашингтон, как правило, воздерживается от полного удовлетворения требований одного из игроков, устанавливая баланс интересов между ними и вынуждая их его соблюдать. С учетом интересов самих США за пределами Балкан, в частности, на Ближнем и Среднем Востоке, в пул акторов, пользующихся поддержкой Вашингтона, были включены и боснийские мусульмане. К 1994 г. администрация Б. Клинтона сформировала политическую линию, направленную на завершение либо длительную заморозку конфликтов на постъюгославском пространстве на собственных условиях, включавших недопущение создания Великой Сербии, восстановление полного контроля Загреба над территорией Хорватии, блокировку караджорджевского сценария в отношении Боснии и Герцеговины.

Значительное давление в 1993–1994 гг. было оказано Западом на Ф. Туджмана. По сути, предпосылкой успешной подготовки силовой операции Загреба по уничтожению Сербской Краины стало согласие хорватской стороны пойти на союз с бошняками и отказаться (по крайней мере, на длительный период) от воссоединения всех населенных хорватами территорий в одном государстве. Вашингтонское соглашение 1994 г., упразднившее непризнанную Хорватскую республику Герцег-Босна и создавшее мусульмано-хорватскую федерацию (Федерацию Боснии и Герцеговины (БиГ)), которая, в свою очередь, должна была находиться в конфедеративных отношениях с Хорватией, выглядело как альтернатива хорватской ирреденте. Оно создавало впечатление, что Загреб получает возможность контролировать положение в пределах границ Хорватской бановины 1939 г., хотя фактически хорваты в мусульмано-хорватской федера-

1 Впрочем, в начале 1989 г., еще до знаменитой речи С. Милошевича на Газиместане, такой настрой уже присутствовал, о чем свидетельствуют мемуары последнего посла США в Югославии У. Циммермана (Zimmermann 1999).

ции и БиГ в целом получили ограниченную субъектность. Тем не менее военно-политический союз бошняков и хорватов был сформирован под эгидой Вашингтона, а два конфликта – вокруг Сербской Краины и Республики Сербской (РС) – были окончательно взаимоувязаны в преддверии натовской военной операции «Обдуманная сила». Наконец, совместное давление США и стран ЕС (при решающем вкладе Вашингтона) на С. Милошевича дало результаты: сербский лидер подтвердил, что Белград воздержится от прямого военного вмешательства на стороне сербов в Хорватии и Боснии.

Признание невозможности удержать Хорватию в составе государства со столицей в Белграде, а затем – готовность С. Милошевича смириться с результатами операции «Буря», прежде всего с ликвидацией Сербской Краины и массовым исходом сербов с ее территории, создали предпосылки для исчерпания почти векового сербо-хорватского антагонизма. Впоследствии этому способствовали политические изменения в Хорватии после смерти Ф. Туджмана и в Сербии – после свержения С. Милошевича. Процесс вступления Хорватии в Европейский союз, а также ее сотрудничество с Международным трибуналом по бывшей Югославии (МТБЮ) сопровождалось постепенной трансформацией созданного Ф. Туджманом авторитарного режима¹ и свертыванием наиболее шокирующих западное общественное мнение проявлений этнонационализма на уровне государственной политики. Провозглашение правительством З. Джинджича курса на вступление Сербии в ЕС и сотрудничество с МТБЮ в целом предопределили движение Белграда в том же направлении, хотя и с меньшей последовательностью. Несмотря на политико-психологическую инерцию сербо-хорватского противоборства и негативный груз исторической памяти, и Загреб, и Белград в двусторонних отношениях все в большей степени руководствуются политической прагматикой и взвешенными оценками качественно изменившейся ситуации.

В настоящее время сильно поредевшее сербское меньшинство в Хорватии не может рассчитывать ни на что большее, чем на реализацию культурных прав и небольшое представительство в парламенте и правительстве. Сценарий воссоздания Краины снят с повестки дня; членство Хорватии в НАТО обнуляет даже призрачную возможность активного вмешательства Белграда в хорватские дела под предлогом защиты прав сербского населения. По сути, сербо-хорватский *modus vivendi* сформировался в результате военно-политического поражения сербской стороны, победы хорватской и результирующей этнической гомогенизации Хорватии. В масштабе всего региона сербский вопрос и хорватский вопрос еще не разрешены окончательно, но вероятные варианты их решения уже не связаны автоматически с сербо-хорватским противостоянием.

Дейтонский «мираж» и «призрак» Караджорджево

Дейтонский мир 1995 г. не только положил конец кровопролитию и дал старт реализации на пространстве Боснии и Герцеговины чрезвычайно проблематичной модели консоциативного государственного устройства, но фактически за-

1 Bellamy 2013.

фиксировал этническую гомогенизацию. В приведенной ниже Таблице показана динамика этнической гомогенизации в Боснии и Герцеговине с 1991 по 1997 г., то есть с момента распада Югославии и начала серии военных действий и до момента имплементации ключевых положений Дейтонского соглашения, вплоть до последней переписи 2013 г.

Таблица.

**ЭТНИЧЕСКАЯ ГОМОГЕНИЗАЦИЯ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ ПОСЛЕ 1991 г.
ETHNIC HOMOGENIZATION IN BOSNIA AND HERZEGOVINA AFTER 1991.**

	Мусульмано-хорватская федерация			Республика Сербская		
	1991	1996	2013	1991	1996	2013
Мусульмане (бошняки)	52,30	72,61	70,40	28,08	2,19	13,99 (12,69)
Сербы	17,62	2,32	2,41	55,43	96,79	81,51
Хорваты	21,90	22,27	22,44	9,19	1,02	2,41

Источник: “Census of Population, Households and Dwellings in Bosnia and Herzegovina,” UN Stats, 2013, accessed April 19, 2021, <https://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/wphc/BIH/BIH-2016-06-30.pdf>.

Благодаря Дейтону были проведены границы энтитетов¹, которые едва ли станут объектом новых споров между боснийскими сербами и хорватами именно вследствие этнической гомогенизации. Наследие этнических чисток таково, что сербы, покинувшие территорию мусульмано-хорватской федерации, в подавляющем большинстве не считают возможным туда возвращаться. Почти столь же малопривлекательной оказалась Республика Сербская для хорватов. Мусульманские беженцы более охотно возвращаются в Республику Сербскую, но число вернувшихся не превысило 50% от количества мусульман, проживавших на этих территориях в 1991 г. О существенном изменении послевоенного этноконфессионального баланса в энтитетах БиГ речь не идет, зато фундаментальной проблемой является устойчивость всей дейтонской модели государственности Боснии и Герцеговины.

Дейтонская конституция БиГ, для введения в действие которой оказалось достаточно лишь одной «директивы международного сообщества»² без процедур демократической легитимации в сербском и мусульмано-хорватском энтитетах, была вдохновлена идеями консоциативной демократии А. Лейпхарта³, предполагающей организацию управления в территориальной политике путем полномасштабного включения в этот процесс этнокультурных сообществ. Фактически речь идет об обеспечении стабильности и внутренней безопасности такой политики на основе институциональных сделок акторов, представляющих конкурирующие этнокультурные сообщества. Однако принципиальной особенностью ситуации в БиГ, расходящейся с идеальной моделью Лейпхарта, было нежелание элит, представлявших бошняков, сербов и хорватов, идти на сотрудничество друг с другом. Взаимодействие было и остается вынужденным, осуществляемым

1 Согласно Конституции Боснии и Герцеговины, принятой в соответствии с Дейтонским соглашением, это государство состоит из двух частей – энтитетов: Республики Сербской и мусульмано-хорватской федерации (Федерации Боснии и Герцеговины). Особый статус имеет округ Брчко, фактически находящийся под международным контролем.
2 Bildt 1998, 139.
3 Lijphart 2007.

под внешним контролем и давлением. Именно это обстоятельство делает боснийскую версию консоциативной демократии крайне проблематичной. Для обеспечения ее стабильности нет достаточных внутренних ресурсов, и только внешнее управление (сначала со стороны НАТО, затем – Европейского союза) позволяет сохранить относительную устойчивость, правда, в ущерб эффективности и функциональности государственных институтов. То, что работает в этой конструкции более эффективно, функционирует на уровнях энтитетов и кантонов, образующих мусульмано-хорватскую федерацию (в Республике Сербской кантоны отсутствуют, что делает систему управления менее громоздкой). Между двумя энтитетами существует очевидная асимметрия: федеративный характер территориально-политического устройства одного из них и централизация – в другом.

На верхнем уровне государственных институтов БиГ принятие значимых политических решений часто ветируется той или иной общиной, а институт Высокого представителя ЕС, наделенный большим объемом арбитражных, распорядительных и рестриктивных по отношению к энтитетам полномочий, по факту оказывается не столь всемогущим, когда усилия конкретных политических эмиссаров на этой должности, направленные на изменение статус-кво, усиливают риск возобновления межобщинного конфликта. Тем не менее внешнее управление остается главной скрепой, предотвращающей распад политической конструкции, которая не удовлетворяет ни одну из общин, причем с течением времени этот дискомфорт не ослабевает.

Еще более существенно то, что после Дейтона происходит не сближение, а нарастание дивергенции на уровне идентичностей, ценностей и исторических нарративов трех этноконфессиональных групп. Хотя Дейтонский договор значительно сократил контролируемую сербами территорию, в нынешних пределах Республики Сербской (РС) существуют немалые возможности для укрепления сербской идентичности, тогда как общепоснийские ценности воспринимаются как навязываемые извне. Политические элиты РС, отнюдь не во всем единые, стремятся к сохранению в максимальном объеме предоставленных Дейтоном полномочий сербского энтитета. У сербов недовольство Дейтоном связано прежде всего с ограничением прав на самоопределение, а также с их стигматизацией как основных виновников кровопролития 1992–1995 гг., доходящей до того, что даже само существование Республики Сербской истолковывается как прямое следствие массовой резни мусульман в Сребренице¹. Несмотря на то что М. Додик и ряд других политиков РС все более решительно заявляют о готовности к сецессии с последующим воссоединением с Сербией, именно сербская сторона является последовательным защитником «первоначального Дейтона». Скорее всего, практические шаги в направлении сецессии сербы предпримут только в условиях резкого обострения кризиса в межобщинных отношениях.

Дивергенция происходит и внутри мусульмано-хорватской федерации, поскольку основой укрепления идентичности бошняков остается ислам в разных его проявлениях, включая и радикальные течения. У многих представителей

1 Bojicic-Dzelilovic 2011.

хорватской стороны, в свою очередь, усиливается недовольство вынужденной привязкой к мусульманской общине, растет стремление к конституированию третьего, хорватского энтитета Герцег-Босна. Снижение уровня жизни в БиГ, значительно усилившееся во время пандемии COVID-19, еще более подчеркивает диспропорции в экономическом положении боснийских хорватов в сравнении с жителями Хорватии¹, являющейся членом ЕС. Весьма проблематичной оказывается и политическая легитимность хорватского представительства на верхнем уровне органов власти БиГ. Так, Ж. Комшич, член Президиума Боснии и Герцеговины от хорватской общины, несколько раз избирался на эту должность голосами бошняков при незначительной поддержке собственно хорватского населения. Благодаря такого рода электоральной манипуляции², подрывающей принципы консociативной демократии, бошняки фактически получают второй голос в составе тройственного руководства БиГ, тогда как хорватам сложно рассчитывать на не опосредованное влиянием Б. Изетбеговича представительство в Президиуме. Отношения Ж. Комшича с Загребом также являются весьма натянутыми. В целом ситуация в БиГ в сферах гражданских свобод и электоральной демократии стагнирует с 2006 г.³, несмотря на стремление Сараево интегрироваться в состав ЕС.

Если для большинства боснийских хорватов предпочтительной опцией было бы создание третьего энтитета, то есть ревизия Вашингтонского и Дейтонского соглашений, то большинство бошняков ориентированы на централистский проект, или ревизию Дейтона с обратным знаком. Для младшего Изетбеговича и других представителей политической элиты бошняков идеалом является упразднение энтитетов и фактическое обретение мусульманской общины в масштабах БиГ преимуществ, подобных тем, что они имеют в рамках мусульмано-хорватской федерации. Однако у бошняков нет собственных ресурсов, достаточных для достижения этой цели. Достичь ее можно только при наличии мощной и долгосрочной поддержки извне, которая, даже если она будет оказываться, не гарантирует мирного пересмотра дейтонской модели по централистскому сценарию.

Уже идущее рассмотрение заявки на вступление БиГ в Европейский союз и возможный запуск процесса присоединения этой страны к НАТО гипотетически способны привести к унитаристской ревизии Дейтона. Однако интеграция в ЕС и присоединение к НАТО в боснийском случае могут иметь принципиально разные последствия для каждой из этнических общин. Ведомый Германией Европейский союз предпочитает избежать дезинтеграции БиГ, во-первых, как крайне опасного прецедента для всей Европы и, во-вторых, как перспективы появления на развалинах БиГ небольшого мусульманского государства, открытого влиянию Турции, монархий Персидского залива и радикальных исламистских течений. Соглашение о стабилизации и ассоциации между ЕС и БиГ, подписанное в 2008 г., но вступившее в силу только в 2015 г., условия Брюсселя, сопровождавшие принятие к рассмотрению в 2016 г. заявки Сараево на присоединение

1 Следует учитывать, что значительная часть боснийских хорватов имеют также гражданство Хорватии.

2 Berglund 2013, 501.

3 Кудряшова, Мелешкина 2021.

к ЕС, и новая стратегия Еврокомиссии в отношении Западных Балкан (2018)¹ устанавливают высокую планку требований к качеству и устойчивости политических институтов, к преодолению межобщинного разобщения и реальным сдвигам в политической сфере – от этнонационализма к гражданским ценностям. И хотя перспектива присоединения БиГ к ЕС пользуется поддержкой во всех общинах, попытки использовать требования Брюсселя для размывания полномочий энтитетов, не говоря уже об их упразднении и переходе к централизации, наталкиваются на решительное сопротивление Республики Сербской. Усилия нынешнего Высокого представителя ЕС В. Инцко, пытающегося использовать свои широкие полномочия для изменения позиции сербской стороны, дают скорее обратный эффект. Эта ситуация не нова, ее даже можно назвать «дилеммой Высокого представителя»: имея большие возможности давления на сербов и другие общины БиГ, Высокий представитель, как правило², не решается задействовать их в максимальном объеме, опасаясь спровоцировать новую вспышку межобщинного насилия и быть обвиненным в целенаправленном разрушении всей дейтонской конструкции. Не решается по крайней мере до тех пор, пока не получит недвусмысленный мандат на такие действия. Но ЕС в его нынешнем состоянии не готов принять риск дестабилизации Боснии только ради резкого ослабления позиций сербов и, соответственно, такой мандат не предоставит. Пока Европейский союз предпочитает меньшее из зол – констатировать недостаточный прогресс Боснии и Герцеговины в выполнении условий предоставления членства в объединении³. Фактически прием БиГ в ЕС отложен в долгий ящик и неформально будет так или иначе увязан с присоединением к ЕС Сербии, которое, в свою очередь зависит от урегулирования отношений Белграда и Приштины.

Ситуация с приемом Боснии и Герцеговины в НАТО, на первый взгляд, значительно отличается от малообещающей перспективы вступления в ЕС. И США, и другие члены Североатлантического альянса придерживаются курса на максимальное поглощение территорий бывшей Югославии. Однако основным препятствием для присоединения БиГ к НАТО также являются межобщинные разногласия. С точки зрения сербов, вступление в НАТО может привести к крайне неблагоприятному для них изменению соотношения сил, поскольку БиГ окажется внутри контура безопасности, за пределами которого останется Сербия. Только прием самой Сербии в НАТО мог бы ослабить опасения, хотя и не полностью, поскольку автономия членов Альянса в вопросах безопасности и взаимоотношений друг с другом в любом случае ограничиваются не только формальными союзническими обязательствами, но прежде всего американским доминированием.

В сущности, Дейтон сегодня никого не устраивает ни внутри Боснии и Герцеговины, ни за ее пределами. Но разногласия относительно путей трансформации государственного устройства БиГ настолько велики, что поддержание искусственной конструкции Дейтона большинством акторов пока рассматрива-

1 "A Credible Enlargement Perspective for and Enhanced EU Engagement with the Western Balkans," Strasbourg, February 6, 2021, accessed March 3, 2021, https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-credible-enlargement-perspective-western-balkans_en.pdf.

2 Наиболее ярким исключением был П. Эшдаун, занимавший пост Высокого представителя в 2002–2006 гг.

3 "Bosnia and Herzegovina 2020 Report," Brussels, October 6, 2020, accessed March 7, 2021, https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/bosnia_and_herzegovina_report_2020.pdf.

ется как меньшее из зол. В то же время вероятно и длительное затягивание нынешнего полупаралитического состояния боснийской государственности, после чего часть основных внешних и внутренних акторов вновь начнет рассматривать альтернативные стратегии при условии, что их реализация позволит избежать серьезных всплесков насилия. Создание третьего (хорватского) энтитета под жестким внешним контролем может стать промежуточным итогом подобного разворота ситуации. Но это будет означать, что дейтонский «мираж» начнет «рассеиваться», тогда как очертания предполагаемой караджорджевской сделки – становиться все более осязаемыми.

Албанский вопрос

Вмешательство Запада привело к появлению в регионе Западных Балкан второго албанского государства – Косово, которое пока остается частично признанным. Уже одно это создает многочисленные проблемы для регионального равновесия и безопасности. В совокупности же с проблемами взаимодействия албанского этнического меньшинства с другими этническими группами в Северной Македонии, Черногории, на юге Сербии (без Косово) и севере Греции албанский вопрос становится серьезнейшим фактором неопределенности, локализованной уже и на территории Североатлантического альянса. Вступление в ЕС любой новой страны Западных Балкан (за исключением Боснии и Герцеговины) будет означать интериоризацию албанского вопроса Евросоюзом.

Выступая спонсором независимости Косово, Запад усугубляет проблемы и в том плане, что по его инициативе и под его контролем в Косово происходит трансплантация институтов, ранее на этой почве практически неизвестных. Ситуация для Запада на всем постъюгославском пространстве выглядит очень двусмысленной: сначала под его давлением расширяются возможности ревизии границ и «выхода» акторов, затем эти возможности практически закрываются, а внутренние акторы западнобалканских политий, удерживаемые извне от новых попыток «выхода», пытаются обрести «голос» в пределах границ, объявленных нерушимыми. В теории борьба различных акторов за право «голоса» должна ускорить процессы структурирования политического пространства и функциональной специализации власти¹. В западнобалканских и, в частности, косовских реалиях слабость или отсутствие институциональных традиций приводит к тому, что привнесение извне формальных институтов действительно активизирует политическое структурирование, но происходит оно таким образом, что неформальные структуры и отношения, привычные для соответствующего социума, не вытесняются, а мимикрируют и в конечном счете подменяют содержание формальных институтов. В Косово, где партийно-политические структуры развиваются в значительной степени на клановой основе, это особенно ярко выражено². Так что функционирование на фоне внедрения в Косово институтов плюралистической демократии традиционного албанского права, регулирующего

1 Bartolini 2005, 29.

2 Montanaro 2009.

патрон-клиентские отношения и защищающего особую роль родовой общины¹, не должно казаться чем-то из ряда вон выходящим.

Сербское и другие этнические меньшинства фактически занимают в Косово маргинальное положение, но там, где есть возможность опереться на внешнюю поддержку (в северных районах), они формируют альтернативные структуры и институты. Этническая гомогенизация весьма интенсивно проходила в Косово еще во времена социалистической Югославии; в 1990-е гг. и особенно после военного вмешательства стран НАТО исход неалбанского населения резко ускорился². В итоге численность албанцев превышает 9/10 общего количества населения. Их доминирование в Косово неоспоримо; предоставление этническим меньшинствам юридических гарантий и парламентского представительства не создают рисков изменения *status-quo*, а наличие небольших сербских анклавов на юге Косово скорее может трактоваться как подтверждение готовности Приштины сохранить остатки этнического разнообразия. Однако вопреки Брюссельским соглашениям 2013 г. между Сербией и Косово, Ассоциация сербских муниципалитетов до сих пор не функционирует и, очевидно, в любом случае не будет иметь исполнительных полномочий. Северная Митровица и прилегающие к ней районы Косово с преобладанием сербского населения, а также значительная доля албанского населения в сербских общинах Прешево и Буяновац остаются потенциальными аренами межэтнического противостояния и эскалации конфликта между Сербией и Косово. В конечном счете контроль со стороны Запада является основным фактором, препятствующим такой эскалации.

Обеспечив силовую поддержку так называемого «правозащитного самоопределения» Косово³, НАТО нанесло последний, решающий удар по режиму С. Милошевича и проекту «Великой Сербии». Следует ли из этого, что вместо великосербского проекта США, НАТО и Запад в целом сделали выбор в пользу проекта «Великой Албании»? Подобные оценки присутствуют в научной литературе, по крайней мере, в рамках проработки различных сценариев развития событий на Балканах⁴. Несомненно, что, получив военную поддержку НАТО в 1999 г. в Косово и политико-дипломатическую – в 2001 г. в Северной Македонии (результатом западного посредничества стало Охридское соглашение), албанцы вплоть до сегодняшнего дня отличаются максимальной на Балканах комплиментарностью в отношении Североатлантического альянса. Однако они имеют собственную повестку, которая лишь до определенной степени сопрягается с повестками США и ЕС. Так, для Соединенных Штатов поддержка косовских албанцев позволила закрепить безоговорочное доминирование НАТО в регионе и создать в Косово важнейший опорный пункт – базу Кэмп-Бондстил. Вместе с тем это не означает, что главная цель Вашингтона состояла или состоит в обеспечении успеха албанского ирредентизма. Создание в том или ином виде Великой Албании или заключение унии только между Албанией и Косово создаст экзистенциальную угрозу нескольким членам НАТО, вызовет острый кризис внутри Альянса, ито-

1 Tarifa 2008.

2 Романенко 2012.

3 Weller 2008, 86.

4 Пономарева 2018.

гом которого может стать его дальнейшее разрыхление (пока основной вклад в этот процесс вносит эрдогановская Турция со своими собственными геополитическими амбициями). США, скорее, устраивает статус-кво, когда финальные цели албанского ирредентизма довольно близки, но не достигнуты, а сами США выступают основным вооруженным гарантом стабильности в условиях, когда вероятность внезапной дестабилизации в регионе по-прежнему сохраняется или даже возрастает. Европейский союз в случае албанского ирредентизма оказывается в еще более уязвимом положении. Большинство стран ЕС пошли на признание независимости Косово, но к тому, что эта независимость станет лишь промежуточной остановкой на пути к объединению с Албанией, они не готовы и в обозримой перспективе будут стремиться помешать возникновению этого прецедента политическими средствами. Как и в боснийском случае, для Брюсселя крайне нежелательна перспектива признания перекройки границ по итогам насильственной этнической гомогенизации. Албанский ирредентизм, наряду с криминальной активностью и проходящими через населенные албанцами части Балкан каналами распространения исламского радикализма, способен опрокинуть всю стратегию ЕС в отношении региона.

Между тем такая позиция Запада, который ранее уже сделал важнейшие шаги навстречу албанским интересам, может подтолкнуть албанских акторов (не только политические элиты, но также клановые структуры и криминальные группировки) к серии новых шагов, трансформирующих региональную политическую реальность. Именно это происходило после завершения натовской военной интервенции в Косово и в итоге завершилось односторонним провозглашением независимости в 2008 г. В условиях усиливающейся неопределенности в отношении перспектив полной интеграции в ЕС той части Западных Балкан, которая в прошлом контролировалась Османской империей, албанские игроки могут попытаться вновь активно использовать ранее приносившую успех тактику. Если часть нынешних политических элит Албании и Косово, глубоко вовлеченных во взаимодействие с Брюсселем и Вашингтоном, вынуждены занимать относительно сдержанную позицию, то на низовом уровне поддержка идей Великой Албании является вполне определенной, и этот фактор оказывает сильное влияние на электоральные процессы и политическое поведение. Разумеется, здесь следует принимать во внимание и протестные настроения¹, когда радикальные идеи ирредентизма отражают глубокую неудовлетворенность избирателей фактическим положением дел в малых албанских государствах.

Как для США, так и для ЕС приоритетом является такой формат урегулирования отношений между Косово и Сербией, который будет означать полное признание международной субъектности Приштины и по возможности не приведет к крушению режима в Белграде, согласившегося на такое признание. С одной стороны, такое признание – лишь констатация существующих и, очевидно, необратимых реалий. Гипотетический обмен между Белградом и Приштиной территориями с преобладанием сербского и албанского населения мог бы устранить и новые очаги потенциальной дестабилизации. С другой стороны, историко-

1 Endresen 2016, 212.

символическое значение Косово и Метохии для сербов пока перевешивает все практические выгоды признания политической реальности.

В период президентства Д. Трампа в американском подходе к косовской проблеме и к отношениям с Сербией обозначились определенные сдвиги. Если прежде Сербия рассматривалась как сторона, потерпевшая и военное, и морально-политическое поражение, которой надлежит смириться с его последствиями, то при Д. Трампе явно усилилось понимание важности включения Белграда в пул региональных акторов, интересы которых США готовы до определенной степени поддерживать. В материалах влиятельных американских аналитических центров, посвященных Западным Балканам, появились призывы к «историческому» сближению с Сербией и к восстановлению репутации США как честного партнера¹. Несомненно, что основная мотивация Вашингтона была связана со стремлением установить контроль НАТО над всеми странами региона, а также ослабить позиции России и Китая в Сербии. В то же время при Д. Трампе усилился мотив конкуренции с Европейским союзом.

Подписанное в сентябре 2020 г. в Вашингтоне соглашение о нормализации отношений между Сербией и Косово предполагает ряд шагов навстречу интересам Белграда, прежде всего в экономической сфере. При этом и Сербия, и Косово «встраиваются» в американскую стратегию не только на Западных Балканах, но и на Ближнем Востоке и в отношениях с Китаем. В то же время это соглашение, как предполагается, должно сформировать условия для еще более значимых сдвигов в отношениях между Белградом и Приштиной. Однако здесь фактором неопределенности становится степень последовательности американского подхода, который при Дж. Байдене может вновь претерпеть изменения. На данный момент² требование к Сербии признать косовскую независимость заявлено в качестве приоритета политики 46-го Президента США в Западнобалканском регионе. Соответственно, перспективы нового соглашения между Сербией и Косово остаются туманными.

А. Вучич вынужден в своей политике постоянно искать баланс между почти сакральным отношением большинства сербов к Косово и Метохии как очагу национальной государственности и культуры и весьма неблагоприятными политическими реалиями. Восстановление фактического контроля Белграда над большей частью территории Косово (за исключением вероятного «размена» Северной Митровицы и нескольких прилегающих к ней косовских районов на территории в Прешево с преобладанием албанского населения) невозможно; в перспективе Косово с большой степенью вероятности сформирует настолько плотную сеть связей с Албанией, что признание их единства окажется вопросом времени и политической целесообразности для отдельных государств и надгосударственных объединений. В сущности, стабильность Сербии во многом будет определяться тем, в какой степени албанский вопрос будет считаться вопросом внутреннего контроля и в какой – вопросом международных связей. Усилия А. Вучича, направленные на нахождение *modus vivendi* с косовскими албанцами и

1 D. Marusic, S. Bedenbaugh, and D. Wilson, "Balkans Forward: A New US Strategy for the Region," Atlantic Council: Official Website, November 2017, accessed March 7, 2021, http://www.atlanticcouncil.org/images/Balkans_Forward_web_1128.pdf.

2 Февраль 2021 г.

Албанией, на прагматизацию взаимодействия с ними, даже будучи вынужденными, оправданы в том международном контексте, в котором находится Сербия.

По всей видимости, США (во всяком случае, при Д. Трампе) начали делать шаги навстречу Белграду, стремясь к общей и контролируемой ими перебалансировке сил в регионе, необходимость которой возрастает с учетом перспектив завершения великоалбанского проекта. Показательно, что испытанные инструменты воздействия на западнобалканские элиты (МТБЮ и его функциональный преемник – гаагское подразделение Международного уголовного механизма для уголовных трибуналов) начали значительно активнее применяться в отношении влиятельных политиков-косоваров. Кроме того, возможности контроля извне над политическими процессами в албаноязычном пространстве Западных Балкан связаны с использованием межклановых противоречий, степенью решительности в борьбе с криминальной активностью, наличием социокультурных, экономических и институциональных различий между разными частями этого пространства. Тем не менее ни США, ни ЕС не могут быть до конца уверены, что полноценно контролируют ситуацию в албаноязычном пространстве.

Наибольшей непредсказуемостью отличается ситуация в Северной Македонии, а при нарастании общей политической дестабилизации в Черногории вполне вероятно усиление напряженности в прилегающих к Албании районах этой страны. Далеко не однозначной является ситуация и в тех районах Греции, где проживает большое количество албанцев. Практически везде албанское меньшинство отличается высокой степенью сплоченности и недостаточной интегрированностью в социальные структуры соответствующих стран¹.

Быстрое расширение НАТО за счет малых западнобалканских стран – Албании, Черногории и Северной Македонии – означало, во-первых, интериоризацию Североатлантическим альянсом тлеющих конфликтов, связанных с положением албанского этнического меньшинства на постъюгославском пространстве. Во-вторых, в отличие от случаев Словении и Хорватии, когда членство в НАТО предваряло решающую стадию евроинтеграции, в актуальных условиях вступления в Альянс может выполнять компенсационную функцию, когда окончательное присоединение других государств Западных Балкан к Европейскому союзу откладывается на многие годы.

Вступление в НАТО Северной Македонии едва ли бы состоялось без активной поддержки албанского населения и албанских элит. Теперь, однако, любую дестабилизацию отношений между двумя основными этническими группами Северной Македонии можно рассматривать как удар по репутации Альянса, который, по идее, должен обеспечить внутреннюю стабильность и безопасность своих новобранцев. Если вместо этого события будут развиваться в направлении косовского сценария и фактического появления государства в государстве, то НАТО должна блокировать активность местных албанцев либо расписаться в своем бессилии предотвратить скатывание Северной Македонии к состоянию *failed state*. Абсорбируя вместе с западнобалканскими государствами их противо-

1 Упи 2007.

речия, НАТО, конечно, не рискует сильно ослабить союзническое единство (во всяком случае, не по этой причине), но зато будет вынуждена отвлекать дополнительные ресурсы на поддержание региональной стабильности. Имея репутацию поставщика безопасности, НАТО в случае Западных Балкан может столкнуться с довольно редкой необходимостью подтвердить эту репутацию на деле.

Заключение

Сценарии будущего Западных Балкан, на которые ориентируются Европейский союз и США, не ведут к устранению причин основных конфликтов на постъюгославском пространстве и, очевидно, в существенных моментах расходятся с теми образами желаемого будущего, которые соответствуют устремлениям значительной части населения стран региона. Последствия этнической гомогенизации и этнонационализма – суровая реальность, формирующая практическую политику на постъюгославском пространстве и вокруг него. В долгосрочной перспективе в регионе могут воплотиться в жизнь в том или ином виде два или три ирредентистских проекта. Напротив, шансы на то, что сербы, хорваты, албанцы полностью откажутся от этих устремлений, все вместе оказавшись в общих пределах Европейского союза, представляются не очень высокими. Даже если политические элиты ЕС решатся на полную и безусловную интеграцию всех территорий Западных Балкан, нет никаких гарантий того, что уже внутри ЕС, воспользовавшись преимуществами нового статуса, региональные акторы навсегда удовлетворятся нарративами о гармоничном сосуществовании внутри мультиэтнического и мультикультурного пространства. Если усилия внешних игроков по блокировке нового подъема сербского, хорватского или албанского ирредентизма окажутся тщетными, то такое развитие событий может рассматриваться как финализация военных конфликтов 1990-х гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ильин, М.В., Мелешкина, Е.Ю., Мельвиль, А.Ю. Формирование новых государств: внешние и внутренние факторы консолидации // Полис. – 2010. – № 3. – С. 26–39. [Il'yn, Mikhail V., Elena Yu. Meleshkina, and Andrey Yu. Mel'vil'. "Formation of New States: External and Internal Factors of Consolidation." [Formirovanie novykh gosudarstv: vneshnie i vnutrennie faktory konsolidatsii] *Polis*, no. 3 (2010): 26–39] [In Russian].
- Косово: прошлое, настоящее, будущее / Ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев. – СПб.: Алетейя, 2012. – 243 с. [Kosovo: Past, Present, Future [Kosovo: proshloe, nastoyashee, budushee], edited by S.A. Romanenko, B.A. Schmelev. Saint-Petersburg: Aleteia, 2012] [In Russian].
- Кудряшова, И.В., Мелешкина, Е.Ю. Разделение власти и формирование национального сообщества: осмысление боснийского опыта // Актуальные проблемы Европы. – 2021. – № 2. – С. 54–76. [Kudryashova, Irina V., and Elena Yu. Meleshkina. "Power Sharing and Formation a National Community: Reflecting the Bosnian Experience." [Razdelenie vlasti i formirovanie natsionalnogo soobshchestva: osmyslenie bosniyskogo opyta] *Aktualnye problemy Evropy*, no. 2 (2021): 54–76] [In Russian].
- Никифоров, К.В. Геополитический аспект югославского кризиса // Югославия в XX в. Очерки политической истории. – М.: Индрик, 2011. – С. 865–870. [Nikiforov, Konstantin V. "Geopolitical Aspect of Yugoslavian Crisis" [Geopoliticheskiy aspekt jugoslavskogo krizisa]. In *Yugoslavia in 20th Century: Essays on Political History, 865–870*. Moscow: Indrik, 2011] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: Сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 2. – С. 99–124. [Ponomareva, Elena G. "Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans" [Albanskij faktor destabilizatsii Zapadnykh Balkan] *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (2018): 99–124].
- Archibugi, Daniele, and Alice Pease. *Crime and Global Justice: The Dynamics of International Punishment*. Cambridge: Polity Press, 2018.
- Bartolini, Stefano. *Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
- Berglund, Sten, ed. *The Handbook of Political Change in Eastern Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2013.
- Bellamy, Alex J. *The Formation of Croatian National Identity. A Centuries-Old Dream?* Manchester: Manchester University Press, 2013.

- Bildt, Carl. *Peace Journey: The Struggle for Peace in Bosnia*. London: Weidenfeld and Nicolson, 1998.
- Bojicic-Dzelilovic, Vesna. "The Politics, Practice and Paradox of 'Ethnic Security' in Bosnia-Herzegovina." *Stability: International Journal of Security and Development* 4, no. 1 (2015): 1–18.
- Bunce, Valerie. *Subversive Institutions: The Design and the Collapse of Socialism and the State*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Crawford, Beverly. "Explaining Defection from International Cooperation: Germany's Unilateral Recognition of Croatia." *World Politics* 48, no. 4 (July 1996): 482–521.
- Endresen, Cecilie. "Status Report Albania 100 Years: Symbolic Nation-Building Completed?" In *Strategies of Symbolic Nation-Building in South Eastern Europe*, edited by P. Kolstø, 201–226. Farnham and Burlington: Ashgate, 2014.
- Goldsworthy, Vesna. *Inventing Ruritania. The Imperialism of the Imagination*. New Haven: Yale University Press, 1998.
- Guzina, Dejan. "The Self-Destruction of Yugoslavia." *Canadian Review of Studies in Nationalism* 27, no. 1/2 (2000): 21–32.
- Hirschman, Albert O. *Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States*. Cambridge: Harvard University Press, 1970.
- Hoare, Marco A. "The War of Yugoslav Succession." In *Central and Southeast European Politics since 1989*, edited by S. Ramet, 111–136. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Kanin, David. "Partition, Frustration, and Identity in the Former Yugoslavia." *Journal of Modern Hellenism* 30, (2014): 110–140.
- Kaplan, Robert D. *Balkan Ghosts: A Journey through History*. New York: St. Martin's Press, 1993.
- Kritz, Neil, ed. *Transitional Justice: How Emerging Democracies Reckon with Former Regimes*, Vols. I–III. Washington, D.C.: U.S. Institute of Peace Press, 1995.
- Lijphart, Arend. *Thinking about Democracy: Power Sharing and Majority Rule in Theory and Practice*. New York: Routledge, 2007.
- Montanaro, Lucia. *The Kosovo Statebuilding Conundrum: Addressing Fragility in a Contested State*. FRIDE working paper no. 91. Madrid: Fundación para las Relaciones Internacionales y el Diálogo Exterior (FRIDE), 2009. https://www.files.ethz.ch/isn/131017/WP91_Lucia_Montanaro_Kosovo_Statebuilding_Conundrum_3dic.pdf.
- Ramet, Sabrina P. *Balkan Babel: The Disintegration of Yugoslavia from the Death of Tito to the Fall of Milošević*. 4th ed. Boulder: Westview Press, 2002.
- Stokes, Gale, John Lampe, Dennison Rusinow, and Julie Mostov. "Instant History: Understanding the Wars of Yugoslav Succession." *Slavic Review* 55, no. 1 (Spring 1996): 136–160.
- Tarifa, Fatos. *Vengeance is Mine: Justice Albanian Style*. Chapel Hill, NC: Globic Press, 2008.
- Todorova, Maria. *Imagining the Balkans*. Oxford: Oxford University Press, 1997.
- Weller, Marc. *Negotiating the Final Status of Kosovo*. Chaillot Paper No. 114. Paris: European Union Institute for Security Studies, 2008. <https://www.iss.europa.eu/content/negotiating-final-status-kosovo>.
- Ypi, Lea L. "The Albanian Renaissance in Political Thought: Between the Enlightenment and Romanticism." *East European Politics and Societies* 21, no. 4 (2007): 661–680.
- Zimmermann, Warren. *Origins of a Catastrophe: Yugoslavia and Its Destroyers. America's Last Ambassador Tells What Happened and Why*. New York: Times Books, 1999.

Сведения об авторе

Дмитрий Валерьевич Ефременко,

д.пол.н., заместитель директора Института научной информации

по общественным наукам РАН,

117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21.

e-mail: efdv2015@mail.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 18 марта 2021. Принята к публикации: 19 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований (проект № 19-011-00662).

Цитирование

Ефременко, Д.В. Открытый финал войны за югославское наследство: последствия распада СФРЮ спустя три десятилетия // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 74–95.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-74-95>

The Open End of the War of Yugoslav Legacy: the Consequences of the Dissolution of the SFRY Three Decades Later

ABSTRACT

The article examines the dynamics and prospects of resolving the main conflicts in the Western Balkans three decades after the collapse of Yugoslavia. The most important factors influencing the conflict dynamics in the region are ethnonationalism, ethnic homogenization and external interference. Western intervention made it possible to stop hostilities, but at the same time it actually consolidated the results of ethnic homogenization. The Serbo-Croatian conflict is close to its exhaustion due to the actual support of the West for Operation "Storm" (1995), the exodus of more than 200 thousand Serbs from Croatia, the integration of Croatia into NATO and the European Union. Despite the negative burden of historical memory, both Zagreb and Belgrade in bilateral relations are increasingly guided by political pragmatism and balanced assessments of the qualitatively changed situation. Against this background, the Dayton model of state structure in Bosnia and Herzegovina, built on the basis of institutional transactions of actors representing competing ethnocultural communities, demonstrates its dysfunctionality. The interaction and cooperation of these actors remain largely limited, carried out under external control and pressure. Regarding the structure of the article, the author, first, discusses some general issues contributing to the enduring conflict in the Western Balkans; second, the article examines the prospects of antagonism between the Serbs and Croats; third, I analyze the impact of the Dayton Accords on the post-Yugoslav space. I conclude that scenarios for the future of the Western Balkans, to which the European Union and the United States are oriented, do not lead to the elimination of the causes of major conflicts in the post-Yugoslav space and obviously diverge in essential points from the images of the desired future that correspond to the aspirations of a significant part of the population in the region.

KEYWORDS

Western Balkans, disintegration of Yugoslavia, ethno-nationalism, interethnic conflicts, external interference, ethnic homogenization, irredentism

Author

Dmitry V. Yefremenko,

Doctor of Political Science, Deputy Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. Nakhimovsky prospect, 51/21, 117418.

e-mail: efdv2015@mail.ru

Additional information

Received: March 18, 2021. Accepted: April 19, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interests was reported by the author.

Funding

The study was supported by the Russian Foundation for Fundamental Research (Project No. 19-011-00662).

For citation

Yefremenko, Dmitry V. "The Open End of the War of Yugoslav Legacy: the Consequences of the Dissolution of the SFRY Three Decades Later." *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 74–95.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-74-95>

Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР)

Иван Юрьевич Зуенко

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111>

АННОТАЦИЯ

Статья приурочена к двум годовщинам, которые приходятся на 2021 г.: 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР. По мнению автора, эти две даты связаны: изучение причин и последствий событий 30-летней давности в СССР (не только распад страны, но и неудача августовского путча, роспуск КПСС и др.) стало одним из факторов, определяющих политику китайской Компартии в последующие годы, что позволило партии триумфально подойти к своему столетию. Данная работа написана с привлечением широкого круга китайской литературы по теме интерпретации событий 1991 г. в СССР. Ее особенностью является привязка к историческому контексту рубежа 1980–1990-х гг., позволяющая понять, почему в представлениях китайской элиты, передавшихся научному сообществу, доминировал консервативный взгляд на события в СССР. Показано, что дальнейшее изучение советского опыта, которое велось под эгидой партии и государства, привело к созданию значительного массива исторических, социологических, культурологических исследований. В результате анализа ряда наиболее показательных работ установлено, что для китайской литературы характерен разброс оценок по некоторым аспектам событий 1991 г. (прежде всего касательно неизбежности / случайности сценария, при котором реформы привели к развалу государства) и консенсус по другим (например, оценки краха КПСС и СССР как «катастрофы», роли личности М.С. Горбачева, представление о субъективных причинах распада Советского Союза). При этом, согласно выводам автора, анализ советского опыта способствовал принятию таких решений китайского руководства, как дальнейшее укрепление партократического режима, проведение резонансных антикоррупционных кампаний, установление жесткого административно-полицейского режима на национальных окраинах, контрпропаганда и борьба с иностранным информационным влиянием. Апелляция к негативному опыту КПСС-СССР активно используется руководством КПК в пропаганде как аргумент в пользу неприемлемости политических реформ, связанных с ослаблением роли партии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Китай, Советский Союз, Перестройка, китайские реформы, советология

События 1991 г. в СССР, включающие в себя не только распад государства в декабре, но и расторжение Варшавского договора в июле, попытку консервативного государственного переворота в августе, роспуск Коммунистической партии Советского Союза в ноябре и целую череду национальных конфликтов, начиная с январских событий в Литве, Латвии и Грузии, являются настоящей вехой в развитии международных отношений.

Реакция на эти события разнится в зависимости от отношения к СССР как субъекту международной политики. На всем постсоветском пространстве до сих пор продолжается оживленная дискуссия: от восприятия распада СССР как «крупнейшей геополитической катастрофы века»¹ до позитивного прочтения событий 1991 г. в уже суверенных республиках в целом. Страны Запада, и прежде всего США, которые с полным основанием могут считать ликвидацию СССР своей победой в холодной войне, как правило, воспринимают эти события в позитивном ключе – как неизбежный элемент движения стран и народов на пути к глобализованному неолиберальному устройству мира. Однако в ряде стран советский кризис воспринимается совсем по-другому. К их числу относятся как страны, которые с исчезновением Советского Союза лишились существенной экономической помощи (например, Куба и КНДР), так и Китай, который экономически и политически был абсолютно независим от СССР и оценивал перестройку и последовавший крах КПСС-СССР с учетом собственных реформ и задач по сохранению власти Коммунистической партии (КПК).

Действительно, Советский Союз на протяжении всего периода существования китайской Компартии (основана в Шанхае в 1921 г.) являлся ориентиром для китайского руководства и значимым фактором принятия тех или иных внутриполитических решений. Сама КПК была создана по образу и подобию КПСС (на тот момент – РКП(б)), причем ее учреждение произошло при прямом участии эмиссаров Коминтерна. Военно-техническая и финансовая помощь СССР имела определяющее значение во время гражданской войны с Гоминьданом (1946–1949) и в течение первого десятилетия после захвата КПК власти в стране и основания Китайской Народной Республики (1949). Многие лидеры КПК в свое время обучались в СССР и говорили по-русски. К 1991 г. в руководстве Китая к их числу относились оба высших руководителя: и генеральный секретарь ЦК КПК Цзян Цзэминь (в 1955 г. стажировался на заводе «ЗИЛ»), и премьер Госсовета КНР Ли Пэн (в 1948–1955 гг. обучался в Московском энергетическом институте). События в СССР не могли не восприниматься в КНР в целом и в китайской элите в частности достаточно «близко к сердцу».

В качестве же постановки задачи наиболее важно не то, как официальный Пекин и отдельные китайские лидеры реагировали на события 1991 г. в СССР (эта тема будет затронута лишь вскользь), а то, как события 1991 г. стали для Китая самостоятельным фактором внутренней политики. Для решения этой задачи мы неизбежно затронем такие темы, как исторический контекст 1989–1992 гг. в КНР и интерпретация советского кризиса в работах китайских исследователей и про-

1 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. // kremlin.ru. 25 апреля 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>. (дата обращения: 20.04.2021).

пагандистов. Последовательное раскрытие указанных тем определяет логику структуры статьи, которая состоит из пяти разделов, посвященных: 1) методам и имеющимся материалам, 2) историческому контексту, 3) непосредственной реакции КНР на события 1991 г., 4) интерпретации этих событий, 5) дальнейшему использованию полученных выводов во внутренней политике и пропаганде.

Методы исследования и анализ имеющихся материалов

Перед каждым исследованием по новейшей истории Китая стоит непростая дилемма: возможен ли вообще ответственный анализ исторических событий в этой стране в условиях де-факто полной недоступности архивных материалов? Формально по истечении тридцатилетнего срока секретности архивных дел в КНР любой историк может работать в китайских архивах. Но в действительности это не так¹. Кроме того, документы по чувствительным темам, связанным с процессами в китайской элите (а отношение к событиям в СССР, безусловно, относится к числу таких тем), подпадают под требования по увеличению срока секретности архивных дел, а те компиляции архивных материалов, которые все же вводятся в научный оборот усилиями аффилированных с государством научных организаций, плотно цензурируются и содержат множество специальных или ненамеренных исправлений².

Означает ли это, что зарубежный специалист должен вообще отказаться от анализа событий недавнего прошлого в Китае? Представляется, что все же нет, поскольку, во-первых, в этом случае мы имели бы дело только с той отрезузированной в угоду политической целесообразности версией событий, которую предлагает китайская наука, а во-вторых, в условиях отсутствия первичных источников можно опереться на массив вторичных источников (в нашем случае – прежде всего мемуаров³, сборников речей⁴, периодики⁵) и литературу, написанную современниками событий. К такой литературе применительно к теме исследования в первую очередь относятся работы американского синоведа Дж. Фьюсмита и советского и российского дипломата Е. Бажанова⁶.

В целом для анализа китайской интерпретации событий 1991 г. необходимы как раз не источники, а литература: статьи и монографии китайских авторов 1990–2010-х гг. И тут возникает проблема прямо противоположного свойства. Если доступные первичные источники по этой теме единичны, то количество работ китайских ученых, опубликованных на эту тему за тридцать лет с момента распада СССР, напротив, велико. Как отмечается в обзорной статье Сюй Хайянь по историографии сравнительных исследований перестройки и китайских реформ, «интерес в КНР <к теме перестройки и распада СССР> нисколько не ослабевает; появляется большое количество новых достойных работ, которые заполняют

1 Иванов 2020, 53.

2 Ibid.

3 Zhao 2009.

4 Цзян 2001.

5 Цифровой архив газеты «Жэньминь жибао» (1946–2003 гг.). [Электронный ресурс]. URL: www.laoziliao.net/rmrb. (дата обращения: 20.04.2021).

6 Fewsmith 2008; Bazhanov 2002.

научные пробелы в изучении позднего СССР; комплексно используются методы социологии, политологии и психологии; все большее внимание уделяется отслеживанию и углубленному анализу источников, включая опросы общественного мнения в России, мемуары современников, оценки экспертов, архивные и статистические материалы¹». Историография только в указанной статье насчитывает 22 китайские работы, посвященные распаду СССР. Списки литературы в отдельных специализированных монографиях охватывают до ста различных трудов по советскому кризису и событиям 1991 г. Поэтому для анализа использованы лишь наиболее авторитетные и показательные работы, а именно: таких ученых, как Лу Наньцюань, Хуан Вэйдин, Цзо Фэнжун, У Эньюань, Ван Чанцзюнь, Цзян Чанбинь², а также компилятивные сборники, опубликованные Китайской академией общественных наук в 1994 и 1998 г.³

Учитывая, что столь актуальная тема недостаточно системно раскрыта в отечественной науке (даже по сравнению с аналогичной западной историографией⁴), среди авторов, которые специально обращались к ней, можно отметить С.А. Иванова, А.Т. Габуева, В.А. Никифорову, Р.А. Медведева⁵. Наиболее объемная работа, посвященная реакции КНР на советский кризис, принадлежит перу Ю.М. Галеновича⁶ (1932–2020). Однако считать, что она «закрывает» для русскоязычного читателя указанную тему, не представляется возможным. Во-первых, Ю.М. Галеновичем разобрана только одна китайская работа – «Распад СССР: воспоминания и рефлексия спустя 20 лет»⁷ (фактически 260-страничный очерк представляет собой подстрочник и комментарии к переведенному китайскому тексту⁸). Во-вторых, труд Ю.М. Галеновича содержит настолько бескомпромиссную критику существующего в Китае политического режима, что это делает его скорее публицистическим, чем научным.

Данная работа, безусловно, также не претендует на полноту охвата темы. Скорее она видится как приглашение к дискуссии о роли советского фактора в определении того вектора развития, который к началу 2020-х гг. привел Китай к статусу одного из признанных мировых лидеров.

Исторический контекст

Анализ того, как на Китай повлияли события в позднем СССР, невозможен без упоминания «тяньаньмэньского кризиса» 1989 г., являвшегося кульминацией протестных настроений в обществе, вызванных противоречиями эконо-

1 Сюй 2015, 49.

2 Zuo 2003; 2008; 2011; 2014; Wu 2002; 2007; Wang 2012; Jiang 2007.

3 *Historic Analysis of the USSR Evolution* 1994; *New Researches of the USSR Collapse* 1998.

4 Waldron 2009; 2010; Meisels 2012; Bernstein 2013; Palmer 2016.

5 Иванов 2016; Габуев 2012; Никифорова 2011; Медведев 2011.

6 Галенович 2011.

7 *Collapse of the USSR: Memories and Reflexion after 20 Years* 2011.

8 Любопытно, что разбор этой же китайской работы является основой и некоторых других статей, причем как русскоязычных, так и англоязычных: например, Шевченко, В. Трагедия перестройки с точки зрения китайских ученых // Свободная мысль. [Электронный ресурс]. URL: <http://svom.info/entry/757-tragediya-perestrojki-s-tochki-zreniya-kitajskih-uchenykh> (дата обращения: 20.04.2021); Curry Huang, "Paranoia from Soviet Union Collapse Haunts China's Communist Party, 22 years on," *South China Morning Post*, accessed March 20, 2021, <https://www.scmp.com/news/china/article/1359350/paranoia-soviet-union-collapse-haunts-chinas-communist-party-22-years>. Столь пристальное внимание к труду Ли Шэньмина можно объяснить тем обстоятельством, что автор являлся вице-президентом Китайской академии общественных наук, генералом НОАК, соответственно, работа воспринимается как максимально приближенная к позиции китайской элиты.

мических реформ и фракционной борьбой в верхушке КПК, нараставших все 1980-е гг.

Примечательно, что в развитии этого кризиса советский фактор также сыграл неожиданно важную роль. Известно об огромном интересе со стороны студенческих активистов к советской перестройке и личности М.С. Горбачева. Проведение советско-китайского саммита 15–18 мая 1989 г. стало фактором радикализации протеста. Решение студентов организовать на площади сидячую голодовку в преддверии церемонии встречи советского лидера (для того, чтобы привлечь внимание властей и вынудить их пойти на диалог) оказалось слишком большим раздражителем для властей. Помимо прочего, оно означало «потерю лица» перед советскими коллегами. К тому же китайские лидеры считали, что в СССР такого беспорядка быть не может¹. Да и для советской делегации ситуация в КНР оказалась полной неожиданностью. А.В. Лукин пишет, что «Горбачев ожидал увидеть Китай, пожинающий плоды успешных реформ, всеобщее процветание и энтузиазм, а приехал в страну, где бушевали страсти, увидел горечь и разочарование простых людей»². Схожи были впечатления и других членов делегации: «Это революция, – утверждает Е.М. Примаков. [...] Не случится ли так, что мы нормализуем отношения с политическими мертвецами?»³, – записал в дневник Т.Г. Степанов-Мамаладзе, помощник министра иностранных дел Э.А. Шеварнадзе. В мае 1989 г. ни в Китае, ни в СССР никто не смог бы поверить, что спустя два с половиной года Китай, где бушевали народные протесты, будет консолидирован и мобилизован, а СССР прекратит свое существование⁴.

Сразу после отъезда М.С. Горбачева высшее руководство страны приняло решение о введении военного положения, а генсек ЦК КПК Чжао Цзыян, выступавший за уступки студентам и расширение реформ, был отстранен от власти. Разгон демонстрантов, состоявшийся лишь спустя две недели (в ночь с 3 на 4 июня 1989), был делом времени.

Преодоление «тяньаньмэньского кризиса», несмотря на гуманитарную трагедию, связанную с огромным числом жертв, и имиджевые потери, ощущаемые и по сей день, тем не менее знаменовало изменение самого характера политической борьбы и политического процесса в Китае. Воспоминания Б. Скоукрофта показывают, что последующие события в социалистическом лагере в течение 1989 г. (так называемые «революции 1989 года» и прежде всего кровавое свержение румынского лидера Н. Чаушеску) лишь убедили пекинское руководство в верности своего решения по подавлению протестов⁵. Как отмечает М.В. Карпов, «Тяньаньмэнь стала прививкой от политической активности масс», превратилась в неоспоримый «аргумент для участников грядущих политических схваток»⁶. После тяньаньмэньских событий все сценарии развития страны, предполагающие в перспективе повторение трагедии 1989 г., блокировались как неприемлемые.

1 Zhao 2009, 61–63. Народные выступления на национальных окраинах подавлялись в СССР достаточно жестко. К маю 1989 г. уже были подавлены протесты в Алма-Ате, Минске, Тбилиси 1986–89 гг.

2 Лукин 2007, 275.

3 Цит. по: Иванов 2016, 49.

4 Zubok 2017, 18.

5 Bush, Scowcroft 1999, 178–179.

6 Карпов 1997, 153.

Соответственно, были предприняты жесткие меры для того, чтобы протестная активность населения не принимала политического характера, усилены цензура в СМИ, работа силовых и правоохранительных ведомств, снят с повестки вопрос о департократизации политической системы. Китайская элита, на протяжении двух десятилетий раздираемая противоречиями, была вынуждена консолидироваться. Разногласия в коллективном руководстве КПК никуда не исчезли, однако с тех пор они решались исключительно в кулуарах, изредка попадая на страницы периодики, но не более того.

В течение 1989–1991 гг. в руководстве КНР продолжилась борьба между сторонниками консервативного отката к плановой экономике и приверженцами осторожного «убыстрения» реформ, на стороне которых на этот раз выступил Дэн Сяопин. Наблюдение за падением режимов в теперь уже бывшем соцлагере объективно играло в пользу консерваторов, выдвинувших тезис о недопустимости «мирного перерождения компартии», ставший одним из центральных в партийной идеологии.

Между тем Советский Союз двигался по противоположной траектории. При чем, как полагает В. Зубок, «Горбачев сделал из тяньаньмэньских событий свои выводы, посчитав, что лишь дальнейшая либерализация поможет избежать насилия»¹. Соответствующей была и реакция общественности, что проявилось уже в ходе митингов в преддверии, а также на самом I-м Съезде народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989)². Две страны, которые последние годы двигались в своего рода «параллельном слаломе», разошлись по разным «трекам».

Реакция в КНР на события 1991 г. в СССР

Еще в середине года о грядущем крахе СССР в Китае не думали. В мае состоялся ответный визит в Москву генерального секретаря ЦК КПК Цзян Цзэминя. Поездка, в ходе которой было подписано совместное коммюнике, позиционировалась китайскими СМИ как новая страница в отношениях двух социалистических стран³.

При этом ситуация в Москве, вероятно, могла бы напоминать членам китайской делегации «пекинскую весну 1989-го». Аналогии были понятны и советской стороне. Многие будущие участники и сторонники ГКЧП (вице-президент Г.И. Янаев, руководитель аппарата президента СССР В.И. Болдин, руководители Московского горкома КПСС) активно встречались с китайцами и критиковали М.С. Горбачева, называли лидеров реформаторской оппозиции «врагами и агентами ЦРУ», поздравляли китайских гостей с победой над «врагами социализма»⁴. Как считает Е. Бажанов, «консерваторы в окружении Горбачева использовали “китайскую карту”, чтобы убедить президента остановить перестройку и навести порядок в советском доме»⁵.

1 Zubok 2017, 20.

2 Лукин 2007, 280–282.

3 “结束对莫斯科富有成果的访问 (Successful Visit to Moscow Completed),” People's Daily, May 18, 1991, accessed February 2, 2021, <http://www.laoziliao.net/rmrb/1991-05-18-1#895760>

4 Лукин 2007, 288.

5 Bazhanov 2002, 316.

Поэтому члены ГКЧП, устраивая путч 18–21 августа, во многом вдохновлялись именно Китаем. Неслучайно, став исполняющим обязанности президента, Г.И. Янаев сразу же согласился принять посла КНР и провел с ним беседу об укреплении дружеских связей¹. По данным Дж. Фьюсмита, «на встрече посол поздравил членов ГКЧП с приходом к власти»², что свидетельствовало о восприятии Пекином «путчистского сценария» как адекватного и закономерного пути развития СССР.

Официальная реакция Пекина была подчеркнута корректна и сводилась к заявлениям о невмешательстве в дела других стран³. Однако неофициально китайские лидеры позволяли себе больше. Так, один из руководителей КПК Ван Чжэнь, находившийся в это время в инспекционной поездке в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, призвал «коммунистов оставаться верными марксизму-ленинизму и драться за коммунизм до смерти», обращаясь одновременно и к КПК, и к членам ГКЧП⁴.

Свержение ГКЧП вызвало негативную реакцию в китайской элите. Дэн Сяопин опасался, что на волне демократизации КПСС окажется под запретом и КПК как единственная крупная коммунистическая партия в мире окажется в изоляции⁵. 30 августа, обращаясь к редакторам СМИ и сотрудникам идеологических отделов партии, главный редактор «Жэньминь жибао» Гао Ди проанализировал ситуацию в СССР, в ходе чего раскритиковал беззубость ГКЧП и обвинил М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина в предательстве и работе на благо Запада⁶. На внеочередном заседании Политбюро ЦК КПК было решено продолжать внешнеполитический курс, исключая вмешательство во внутренние дела соседей, однако во внутренней политике крен в сторону консерватизма стремительно нарастал.

Так, в сентябре 1991 г. Центральной комиссией советников КПК была подготовлена записка, в которой анализировалось возможное ослабление КПК и риски «мирного перерождения» по примеру КПСС. В качестве реакции на эту записку в Центральной партийной школе была образована группа по противодействию «мирному перерождению». Своим оппонентам консерваторы навешивали оскорбительные ярлыки – «китайский Горбачев» и «китайский Ельцин» (такowymi в разные периоды времени были Чжу Жунцзи, Ли Жуйхуань и Цяо Ши⁷). Для собственного населения и сторонних наблюдателей подчеркивалось, что ситуация в КНР отличается от ситуации в СССР⁸, поэтому аналогии с советским кризисом применительно к Китаю несостоятельны, при этом партия по-прежнему нацелена прежде всего на развитие производительных сил и строительство социализма с китайской спецификой⁹.

1 Bazhanov 2002, 318.

2 Fewsmith 2008, 58.

3 Никифорова 2011.

4 Цит. по: Fewsmith 2008, 58.

5 Ibid.

6 Цит. по: Габуев 2012, 38.

7 Кстати, Ху Яобан и Чжао Цзяян, которых аналогичным образом клеймят отечественные публицисты, сравнений с Горбачевым или Ельциным в самом Китае избежали.

8 Цянь Цичэнь в интервью австрийской газете «Пресс» сказал: «Оба государства (КНР и СССР) и их социалистическая система слишком отличаются друг от друга». Цит. по: Никифорова 2011.

9 “社会主义的根本任务是发展社会生产力， 二 论建设有中国特色的社会主义 (The Basic Task for Socialism is Development of Production Forces, and the Secondary Task is Development of Socialism with Chinese Specifics),” People's Daily, August 15, 1991, accessed February 2, 2021, <http://www.laoziliao.net/rmrb/1991-08-15-5#882628>.

После провала августовского путча в Пекине понимали, что руководящее положение КПСС уже не вернуть. Запрет деятельности КПСС и ее республиканской организации – КП РСФСР – Указом Президента РСФСР № 169 от 6 ноября 1991 г. был воспринят как закономерное продолжение цепи событий. При этом если в области двусторонних межгосударственных отношений китайские лидеры были вынуждены быть корректными, то, говоря о ликвидации «братской партии», они могли не стесняться в выражениях. Премьер Госсовета Ли Пэн заявил, что «коренные реформы в Советском Союзе привели к великому хаосу и развалу», «все эти перемены не служат интересам достижения всеобщего мира и стабильности», «ситуация в СССР непредсказуема»¹.

«Беловежские соглашения» были восприняты в КНР с озабоченностью. Цзян Цзэминь характеризовал новую международную ситуацию следующим образом: «Сегодня мир находится на переломном этапе исторического развития. Покончено с всемирной биполярностью, происходит новое расслоение и перегруппировка мировых сил, процесс развивается в направлении многополюсной мировой структуры. <...> В то же время необходимо учитывать, что ситуация в целом в настоящее время по-прежнему неспокойна. Углубляются различные противоречия, во многих странах и регионах обнажились конфликты на национальной почве, территориальные споры и региональные распри»².

При этом КНР проявила готовность развивать отношения со всеми бывшими республиками. В конце декабря в Москву выехала высокопоставленная китайская делегация во главе с министром внешних экономических связей и внешней торговли КНР Ли Ланьцином. 31 декабря заместители глав внешнеполитических ведомств двух стран подписали Протокол о двусторонних отношениях. Так, в последний день года началась новая веха российско-китайских отношений. Однако события 1991 г. из «поля зрения» не исчезли, и как минимум на протяжении 1990-х гг. в Китае им уделялось даже больше внимания, чем в новой России.

Интерпретация в КНР событий 1991 г. в СССР

Зная первоначальную реакцию китайской элиты на события в СССР, легко представить, в каком ключе развивался их анализ, особенно на начальном этапе, когда, по меткому выражению Д. Шамбо, «аналитики, занимающиеся проблемами перестройки в СССР пребывали в состоянии шока»³. Изучение советского кризиса не прерывалось все эти тридцать лет, в результате чего:

- фиксируется постепенный переход от поверхностного детерминизма в стиле речи Гао Ди от 30 августа 1991 г. к систематическому изучению тематики распада СССР, появлению менее конъюнктурных и идеологизированных оценок;

- фиксируется значительный плюрализм мнений. Как отмечает Сюй Хайянь, «в исследовательском сообществе КНР до сих пор не сформировалось единого мнения <по вопросу перестройки и распада СССР>, в связи с чем нередко можно встретить противоположные и взаимоисключающие точки зрения. Такая ситуа-

1 Цит. по: Никифорова 2011, 202.

2 Цзян 2001, 62.

3 Shambaugh 2008, 55.

ция сложилась в силу богатой, но сложной эмпирической базы, незначительной отдалённости от изучаемого исторического периода, различий во взглядах учёных и других факторов»¹.

При этом отмечается прикладной характер большинства исследований, ориентированных на два важных вопроса: почему рухнули КПСС и СССР и что нужно делать лидерам КПК, чтобы избежать аналогичного итога?

Несмотря на упомянутый выше плюрализм мнений, в одном сходятся как большинство китайских ученых, так и пропагандистов: «Советские реформы закончились катастрофой»². При этом китайские авторы, характеризуя геополитический коллапс 1991 г. негативно, рационально исходят из интересов собственной страны: «Распад СССР ознаменовал конец биполярной системы, крупнейшим бенефициаром оказались США, а для социалистической идеологии утрата Советского Союза стала огромной потерей»³.

Определенный консенсус существует в отношении личности М.С. Горбачева, которого китайцы чаще всего называют главным (хотя и не единственным) виновником краха СССР и КПСС⁴. Выделим лишь одну особенность китайского анализа, нехарактерную для отечественного взгляда: апелляцию к нежеланию М.С. Горбачева копировать «китайскую модель». Китайцы обижено констатируют, что «Горбачев мог бы воспользоваться полезным опытом <постепенных реформ в КНР>, но, проводя перестройку, *намеренно* (выделено автором. – И.З.) игнорировал Китай. Советский лидер высоко оценивал китайские реформы и их отца Дэн Сяопина, однако считал, что его страна развита лучше, больше готова к рынку и демократии, поэтому не стремился использовать опыт КНР»⁵. (Отметим, что подобная точка зрения базируется на идеализированном представлении о системности и планомерности китайских реформ в течение 1980-х гг., что при детальном анализе оказывается далеко от действительности⁶.)

Остальные же аспекты, как правило, являются предметом дискуссии. Так, китайские авторы задаются вопросом: был ли советский кризис неизбежен, или же его можно считать случайным? Согласно выводам Сюй Хайянь, «тезисы об универсальности и неизбежности распада СССР <характерные для китайских авторов> проистекают из понимания общей истории человечества, в которой все империи претерпевали периоды расцвета и упадка; сторонники же мнения о специфичности и случайности краха Советского Союза основывают свою позицию на том, что коллапс СССР, в отличие от многих других примеров, не сопровождался значимыми историческими явлениями, серьезными военными поражениями, голодом и природными катаклизмами»⁷. Разнятся и оценки первичности в причинно-следственных связях: был ли кризис правящей партии порожден общим социально-экономическим кризисом СССР, или же деградация КПСС, от-

1 Сюй 2015, 48.

2 Ibid., 51.

3 Wang 2012, 261.

4 Zuo 2008, 43.

5 Jiang 2007, 53.

6 См., например: Coase, Wang 2012.

7 Сюй 2015, 50.

казавшейся от верности марксизму, «вылилась в трансформацию всей социалистической системы и в конечном итоге привела к коллапсу государства»?¹

Существуют разные точки зрения и по вопросу, были ли реформы, запущенные в середине 1980-х гг., непосредственной причиной коллапса СССР. Китайцы сходятся в том, что реформы и вызванные ими кардинальные перемены были неизбежными, однако «крах режима вызвали субъективные факторы (роль личности Горбачева, ряд ошибок высшего руководства и т.д.)»². Большинство китайских ученых склонно считать, что у распада СССР имелись альтернативы и он не был неотвратимым, – «в советском обществе существовали не только центробежные силы, но и факторы, способные их нейтрализовать»³, к тому же «другие страны с советской моделью государства, включая Китай, Вьетнам, Северную Корею и Кубу, не повторили трагический опыт СССР»⁴.

Классифицируя установленные китайскими учеными факторы советского кризиса, можно выделить международные, политические, экономические и социокультурные причины.

1. Международные. В ранних работах именно эти причины краха СССР выводились на первый план. Для более поздних работ, во-первых, характерно снижение значения международного фактора, во-вторых, больший упор делается не на внешнее давление, а на собственные просчеты советского руководства – прежде всего гегемонизм. Как писала Цзо Фэнжун, «амбициозные задачи на внешней арене отвлекали ресурсы от внутреннего развития страны, а вмешательство в дела союзников (Венгрия, Чехословакия, вторжение в Афганистан) фактически сводили на “нет” все усилия советской дипломатии по развитию альянса дружественных стран»⁵. Отход от затратной конфронтационной линии в отношениях с Западом был оправдан, однако запоздал и в условиях подъема американской экономической и политической системы 1980-х гг. лишь способствовал росту зарубежного влияния в СССР.

2. Политические причины. Постепенно вышли на первое место среди причин, приведших к краху СССР и КПСС⁶. Одной из основных ошибок называется ослабление партии посредством разделения партийной и государственной бюрократии. Другая важнейшая причина – коррупция. Значительное внимание в китайских работах посвящено проблеме сепаратизма на национальных окраинах⁷.

3. Экономические факторы. Китайские ученые критикуют чрезмерную централизацию в экономике, восходящую к так называемой «сталинской модели» (иногда называя ее даже «главной причиной краха»⁸), крен в сторону ВПК, сталелитейной и машиностроительной промышленности в ущерб производству товаров народного потребления. Как и в Китае, основой протестного потенциала

1 Wu 2007, 38.

2 Сюй 2015, 53.

3 Wu 2002, 72.

4 Сюй 2015, 54.

5 Zuо 2003, 10–15.

6 Распад СССР в глазах китайского народа // Жэньминь жибао. 28 декабря 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7690859.html> (дата обращения: 02.02.2021).

7 Palmer 2016.

8 *New Researches of the USSR Collapse* 1998.

в СССР было неприятие коррупции и nepoтизма во власти, однако экономический кризис, ощущаемый к 1991 г. уже в полной мере, не позволил использовать перед обществом апелляции к улучшению уровня жизни: в 1991 г. уровень достатка в СССР был ощутимо хуже, чем до начала перестройки (в отличие от Китая во время «тяньаньмэньского кризиса» и до начала реформ).

4. Социокультурные факторы. По мнению китайцев, воздействие «мягкой силы» Запада в условиях трансформации советской системы, сопровождавшейся рядом побочных эффектов (фактор, хорошо известный и самим китайцам по реформам 1980-х гг.), вызвало «кризис веры» в идущую от руководства идеологию. На национальных окраинах образовавшийся вакуум идеологии люди пытались заполнить новыми идеями, связанными с сепаратизмом, этническим и религиозным возрождением, итогом чего стало убеждение в необходимости разрыва с союзным государством и, как следствие, «парад суверенитетов» рубежа 1980–1990-х гг.

«Советский урок» как фактор внутренней политики КНР

Понимание причин советского кризиса, установленных китайскими аналитиками, важно для нас в контексте того, что начиная с 2000-х гг., апелляция к «советскому уроку» становится важным элементом сначала внутрипартийной, а потом и общегосударственной пропаганды¹.

Так, в 2003 г. курс лекций, посвященных падению великих держав прошлого, включая СССР, был прочитан в Центральной партийной школе. В 2006 г. сделанный по материалам этого курса фильм «Крах КПСС и развал СССР: воспоминания очевидцев» был показан по Центральному телевидению КНР. В том же 2006 г. Институт марксизма Китайской академии общественных наук выпустил свой собственный фильм под названием «Думай об опасности во время мира: исторические уроки падения КПСС», который также активно использовался в идеологической работе в центральных и региональных парторганах.

В 2011 г., когда подстрочник фильма «Крах КПСС и развал СССР: воспоминания очевидцев» и исторический комментарий к нему был выпущен отдельной книгой, настроения в партии стали еще более тревожны. Разгул коррупции, усилившееся западное информационное влияние и кризис лояльности населения к партии навевали ассоциации с поздним СССР. Вероятно, поэтому выводы Ли Шэньмина, главного редактора книги о «советском уроке», обращенные к высшему руководству партии, звучат столь прямолинейно и сводятся к укреплению партийного контроля над всеми сторонами жизни общества². Данные настроения были активно поддержаны Си Цзиньпином, который возглавил КПК в 2012 г.

Новый виток изучения ошибок КПСС оказался связан с деятельностью Си Цзиньпина по преодолению того системного кризиса, в котором оказалась КПК в начале 2010-х гг. На тот момент Китай, как и поздний СССР, испытывал следующие проблемы:

1 Зуенко 2015.

2 Галенович 2011, 180.

- широкая коррупция среди партийцев и чиновников;
- неэффективность госпредприятий и провал попыток их реструктурировать;
- идеологический кризис, недостаток доверия со стороны населения к государственной и партийной пропаганде;
- сепаратистские настроения на национальных окраинах;
- подверженность иностранному информационному влиянию.

Без каких-либо претензий на вывод о том, что нынешняя политика КПК вдохновлена исключительно изучением советского опыта, отметим, что в преддверии 100-летия Коммунистической партии Китая Пекин действительно усилил работу по всем вышеуказанным направлениям:

- начиная с 2012 г. проведена масштабная антикоррупционная кампания, позволившая снять общественное напряжение по поводу коррупции;
- меры по дальнейшей реорганизации госсектора и оптимизации аппарата управления озвучены в 2013 г. в рамках курса на «всестороннее углубление реформ»;
- с приходом Си Цзиньпина принят курс на усиление роли партии во всех сферах жизни общества, доходящий до создания партийных ячеек в коммерческих фирмах, многократно возросла интенсивность партийной пропаганды;
- в Тибете и Синьцзяне предприняты жесткие меры по стабилизации обстановки и недопущению проявлений так называемых «трех сил зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм)¹;
- усилена работа в области интернет-цензуры², патриотического воспитания.

О внимании Си Цзиньпина к «советскому уроку» свидетельствует известная цитата, приписываемая ему: «Почему Советский Союз утратил единство? Почему КПСС развалилась? Главная причина состоит в том, что их идеалы и убеждения пошатнулись. В итоге хватило всего лишь тихого объявления Горбачевым о роспуске КПСС, и великая партия пала»³. Однако, анализируя текущую политику китайского лидера, легко заметить, что к массиву выводов, проистекающих из изучения советского опыта, он подошел крайне избирательно. Вероятно, корень всех бед КПСС и СССР Си Цзиньпин увидел в идеологическом разложении и неповиновении партийному руководству, в то время как часть выводов, которые сделало китайское руководство в 1990–2000-х гг., им была проигнорирована.

Во внешней политике Китай близок к тому, чтобы, как и Советский Союз, вступить на путь холодной войны с коллективным Западом. Экономика теряет гибкость, а идеологизация и тотальная цензура ведут к потере доверия к СМИ. Во внутренней политике вся полнота власти концентрируется в руках Си Цзиньпина. Еще в 2012 г. А.Т. Габуев писал, что «изучение негативного советского опы-

1 Вопрос оправданности подобных мер является предметом дискуссии, однако с точки зрения установления жесткого контроля Центра над национальными окраинами задачу (при всей ее спорности) можно считать решенной. См., например: Зуенко, И.Ю. Перегибы Шёлкового пути: как Китай решает синьцзянский вопрос // Московский центр Карнеги. 18 апреля 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/76013> (дата обращения: 02.02.2021).

2 Вплоть до того, что существуют разные версии одного и того же популярного китайского приложения для внутреннего (Доуинь) и внешнего потребления (Tik-Tok), причем международная версия заблокирована в КНР и недоступна даже при использовании анонимайзера (VPN). Для того чтобы воспользоваться международной версией приложения, необходимо сменить на телефоне сим-карту, использовать только беспроводной Интернет и продвинутый анонимайзер (VPN).

3 Цит. по: Carry Huang, "Paranoia from Soviet Union collapse haunts China's Communist Party, 22 years on," South China Morning Post, November 18, 2013, accessed April 20, 2021, <https://www.scmp.com/news/china/article/1359350/paranoia-soviet-union-collapse-haunts-chinas-communist-party-22-years>.

та способствовало интеграции в китайскую политическую практику таких элементов, как предельный возраст для руководителей партии и страны, а также предельный срок работы на руководящих должностях (два срока по пять лет)»¹. На тот момент казалось очевидным, что «Коммунистическая партия Китая делает ставку на коллективное руководство и применяет механизм регулярной передачи верховной власти»². Сейчас же, за год до XX-го съезда Коммунистической партии Китая, на котором, согласно прежним установкам, должен был бы осуществиться очередной трансфер власти, эти тезисы уже не являются актуальными.

Так, из Конституции КНР убран пункт, запрещающий главе государства занимать свой пост более двух сроков. Пример Ван Цишаня, которому в нарушение негласного правила «67 лет – да, 68 лет – нет» разрешили остаться на руководящей должности, показывает, что и сам Си Цзиньпин, которому в год съезда исполнится 68 лет, не собирается уходить на пенсию. Тем более что явные кандидаты на роль преемника отсутствуют, и именно в правление Си Цзиньпина была нарушена многолетняя практика, когда будущий сменщик верховного лидера за пять лет до переизбрания получал пост заместителя председателя КНР (сейчас им является 72-летний Ван Цишань), чтобы как можно лучше подготовиться к собственному правлению³. Таким образом, в перспективе это ведет к геронтократизации политического режима в КНР, что похоже не на исправление ошибок СССР, а на их повторение.

Реакция и последующая интерпретация в Китае советского кризиса, завершившегося в 1991 г. крахом КПСС и СССР, оказались в прямой зависимости от исторического контекста, связанного с консервативным креном после подавления выступлений на площади Тяньаньмэнь и наблюдением за крушением социалистических режимов по всему миру. Руководство КПК связывало надежды на преодоление кризиса в СССР с августовским путчем, однако после его подавления в Китае уже понимали, что дни КПСС в качестве правящей партии сочтены. Тем не менее распад Союза, до последнего не считался наиболее вероятным сценарием, и до сих пор в КНР убеждены, что СССР как единое государство можно было спасти, а его ликвидация была вызвана субъективными факторами.

Крах СССР был воспринят в Китае как «геополитическая катастрофа» (причем задолго до аналогичных слов В.В. Путина), что объясняется исключительно прагматично: исчезновение Советского Союза усилило позиции США и нанесло удар по имиджу социалистической идеологии. Последовавший анализ как самих событий 1991 г., так и их предпосылок, привел к выводам, что реформы в СССР были необходимы и оправданы, а связанные с ними кардинальные перемены неизбежны. Однако реформы запоздали, проводились спешно и в условиях мощного информационного и идеологического давления Запада, в результате чего они не могли уже воспрепятствовать дальнейшему разложению внутри партии, краху плановой системы, основанной на доминировании госсектора, ро-

1 Габуев 2012, 40.

2 Ibid.

3 Подробнее см.: Зуенко 2019.

сту недоверия со стороны общества и сепаратистским настроениям на окраинах. При этом ключевое значение имеет ошибочная, по мнению китайцев, политика М.С. Горбачева по ослаблению партии и ее роли в управлении страной, его нежелание учитывать китайский опыт реформ.

К настоящему моменту в китайском дискурсе закрепилось представление о крахе КПСС и развале СССР (в основном именно в таком порядке) как об «уроке для КПК». Анализ «советского урока» способствовал таким шагам китайского руководства, как дальнейшее укрепление партократического режима, проведение резонансных антикоррупционных кампаний, установление жесткого административно-полицейского режима на национальных окраинах, контрпропаганда и борьба с иностранным информационным влиянием. Апелляция к негативному опыту КПСС и СССР активно используется руководством КПК в пропаганде как аргумент в пользу неприемлемости политических реформ, связанных с ослаблением роли партии. Даже с учетом представления о неоднозначности этих мер, следует признать, что с точки зрения достижения поставленных задач они эффективны. Накануне 100-летнего юбилея КПК партийная власть устойчива, успехи КНР в экономике, социальной политике, развитии науки и технологий бесспорны. И КПК, и КНР, восприняв «урок старшего брата» (пусть и не в полной мере), пережили его не только хронологически, но и по числу «прожитых лет».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Габуев, А.Т. Гибель старшего брата // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 5. – С. 37–49. [Gabuev, Aleksandr T. "The Death of Elder Brother." [Gibel' starshogo brata] *Russia in the Global Affairs*, no. 5 (2012): 37–49] [In Russian].
- Галенович, Ю.М. Китайские поминки по КПСС и СССР. – М.: Восточная книга, 2011. – 264 с. [Galénovich, Yuri M. *Chinese Funeral Reception for CPSU and USSR*. [Kitajskiye pominki po KPSS i SSSR] Moscow: Vostochnaya kniga, 2011] [In Russian].
- Зуенко, И.Ю. До и после Тяньаньмэня: как события в СССР влияли на Китай // Московский центр Карнеги. 17 июня 2019. <https://carnegie.ru/commentary/79318> [Zuenko, Ivan Yu. "Before and After Tiananmen: How Events in the USSR Influenced China." [Do i posle Tiananmenya: kak sobytiya v SSSR vliyali na Kitaj] *Carnegie Moscow Center*, 2019] [In Russian].
- Зуенко, И.Ю. Последний урок старшего брата: проблема политической реформы в Китае и перестройка в СССР // Россия и АТР. – 2015. – № 4. – С. 58–71. [Zuenko, Ivan Yu. "Last Lesson of Elder Brother: Political Reform in China and Soviet Perestroika." [Poslednij urok starshogo brata: problema politicheskoy reformy v Kitaje i perestroika v SSSR] *Russia and the Pacific*, no. 4 (2015): 58–71] [In Russian].
- Иванов, С.А. Победителей не судят: источники о генезисе и начальном этапе китайских реформ // Труды ИИАЭ ДВО РАН. – 2020. – № 4. – С. 51–70. [Ivanov, Sergei A. The Winner is Always Right: Sources on Genesis and Initial Stage of Chinese Reforms [Pobeditelej ne sudyat: istochniki o genezise i nachal'nom etape kitajskikh reform] *Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS*, no. 4 (2020): 51–70] [In Russian].
- Иванов, С.А. Почему коммунистический режим в Китае пережил 1989 г.? // Россия и АТР. – 2016. – № 3. – С. 49–65. [Ivanov, Sergei A. "Why Communist Regime in China Survived 1989." [Pochemu kommunisticheskij rezhim v Kitaje perezhil 1989 g.] *Russia and the Pacific*, no. 3 (2016): 49–65] [In Russian].
- Карпов, М.В. Экономические реформы и политическая борьба в КНР (1984–1989). – М.: ИСАА МГУ, 1997. – 199 с. [Karpov, Mikhail V. *Economic Reforms and Political Struggle in China (1984–1989)*. [Ekonomicheskiye reform i politicheskaja bor'ba v KNR (1984–1989)] Moscow: Moscow State University, 1997] [In Russian].
- Лукин, А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. – М.: Восток-Запад, 2007. – 608 с. [Lukin, Alexandr V. *The Bear is Watching the Dragon: Image of China in Russia in XVII–XXI centuries*. [Medved nablyudayet za drakonom. Obraz Kitaja v Rossii v XVII–XXI vekakh] Moscow: Vostok-Zapad, 2007] [In Russian].
- Медведев, Р.А. Китай и распад СССР // Проблемы Дальнего Востока. – 2011. – № 1. – С. 166–174. [Medvedev, Roy A. "China and the Collapse of the USSR." [Kitaj i raspad SSSR] *The Problems of the Far East*, no. 1 (2011): 166–174] [In Russian].
- Никифорова, В.А. Реакция КНР на распад СССР // Общество и государство в Китае: XLI научная конференция. – 2011. – С. 200–204. [Nikiforova, Valentina A. "Chinese Reaction to the Collapse of the USSR." [Reaktsiya KNR na raspad SSSR] In *Society and State in China: XLI scientific conference materials*, 2011, 200–204] [In Russian].
- Сюй, Хайянь. Тридцатилетие перестройки в СССР: оценки китайских учёных // Россия и АТР. – 2015. – № 4. – С. 48–57. [Xu, Haiyang. "30th Anniversary of Soviet Perestroika: Estimates of Chinese Scholars." [Tritsatisletije perestroiki v SSSR: otsenki kitajskikh uchenykh] *Russia and the Pacific*, no. 4 (2015): 48–57] [In Russian].
- Цзянь, Цзэминь. Реформа, развитие, стабильность. Статьи и выступления. – М.: Палей-Мишин. – 2001. – 676 с. [Jiang, Zemin. *Reform, Development, Stability. Papers and Speeches*. [Reforma, razvitiye, stabilnost. Statji i vystupleniya] Moscow: Paley-Mishin, 2001] [In Russian].
- Базханов, Евгений. "Метаморфозы of the Kremlin's China Policy." In *Actual Problems of International Relations*, vol. 2. Moscow: Nauchnaya kniga, 2002.

- Bernstein, Thomas. "Resilience and Collapse in China and the Soviet Union." In *Why Communism Did Not Collapse: Understanding Authoritarian Regime Resilience in Asia and Europe*, edited by M. Dimitrov, 40–64. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
- Bush, George, and Brent Scowcroft. *A World Transformed*. New York: Alfred A. Knopf, 1999.
- Coase, Ronald, and Wang Ning. *How China Became Capitalist*. London: Palgrave Macmillan, 2012.
- Fewsmith, Joseph. *China since Tiananmen: From Deng Xiaoping to Hu Jintao*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
- Meisels, Greer A. "What China Learned from the Soviet Union's Fall." *The Diplomat*, July 27, 2012. <https://thediplomat.com/2012/07/what-china-learned-from-the-soviet-unions-fall/>.
- Palmer, James. "What China Didn't Learn from the Collapse of the Soviet Union." *Foreign Policy*, December 24, 2016. <https://foreignpolicy.com/2016/12/24/what-china-didnt-learn-from-the-collapse-of-the-soviet-union/>.
- Shambaugh, David. *China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. Berkeley, University of California Press; Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2008.
- Waldron, Arthur. "Chinese Analyses of Soviet Failure: The Dictatorship of the Proletariat." *The Jamestown Foundation China Brief*, no. 10 (15) (2010). <https://jamestown.org/program/chinese-analyses-of-soviet-failure-the-dictatorship-of-the-proletariat/>.
- Waldron, Arthur. "Chinese Analyses of Soviet Failure: The Party." *The Jamestown Foundation China Brief*, no. 9 (23) (2009). <https://jamestown.org/program/chinese-analyses-of-soviet-failure-the-party>.
- Zhao, Ziyang. *Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang*, edited and translated by Bao Pu, Renee Chang, and Adi Ignatius. New York: Simon & Schuster, 2009.
- Zubok, Vladislav "The Soviet Union and China in the 1980s: Reconciliation and Divorce." *Cold War History*, no. 17 (2017): 121–141. <https://doi.org/10.1080/14682745.2017.1315923>.
- 姜长斌. 二十年后看戈尔巴乔夫的改革 [Jiang, Changbin. "Review of Gorbachev Reforms after 20 years." *Lilun shiye*, no. 9 (2007): 52–56] [In Chinese].
- 陆南泉, 黄苇町, 沈志华. 谁抛弃了前苏联? [Lu, Nanquan, Huang Weiding, and Sheng Zhihua. "Who Destroyed the Soviet Union?" *Aisixiang*, 2012. <http://www.aisixiang.com/data/48844-2.html>] [In Chinese].
- 苏联解体: 二十年后的回忆与反向 [Collapse of the USSR: Memories and Reflexion after 20 years. edited by Li Shenming. Beijing: Shehui kexueyuan chubanshe, 2011] [In Chinese].
- 苏联剧变新探 [New Researches of the USSR Collapse. Beijing: Shijie zhishi chubanshe, 1998] [In Chinese].
- 苏联演变的历史思考 [Historic Analysis of the USSR Evolution. Beijing: Sheke wenxian chubanshe, 1994] [In Chinese].
- 王长江. 苏共: 一个大党衰落的启示 [Wang, Changjiang. *Lessons of Degradation of CPSU*. Zhengzhou: Henan renmin chubanshe, 2012] [In Chinese].
- 吴恩远. 关于苏联解体的教训一些流行观点的检讨 [Wu, Enyuan. "Critical Analysis of Popular Representations about 'Lessons of the USSR Collapse.'" *Makesizhuiyi yanjiu*, no. 23 (2002): 70–76] [In Chinese].
- 吴恩远. 正确评价苏联模式 [Wu Enyuan. "Correct Understanding of the Soviet Model." *Lilun qianyan*, no. 19 (2007): 8–9] [In Chinese].
- 左凤荣. 从对外战略的角度看苏联剧变的原因 [Zuo, Fengrong. "Reasons of the USSR Collapse from the Point of View of Foreign Policy Strategy." *Eluosi yanjiu*, no. 2 (2003): 10–15] [In Chinese].
- 左凤荣. 对戈尔巴乔夫改革中政治与道德的思考 [Zuo, Fengrong. "Analysis of Morale and Politics During Gorbachev Reforms." *Guoshi canyue ziliao*, no. 4 (2008): 42–46] [In Chinese].
- 左凤荣. 苏联史上最复杂的篇章, 苏联史第九卷: 戈尔巴乔夫改革时期的特色 [Zuo, Fengrong. "The Most Difficult Page of Soviet History. The USSR History, Volume 9: Specifics of Gorbachev Reforms." *Tansuo yu zhengming*, no. 5 (2014): 85–87] [In Chinese].
- 左凤荣. 苏联为什么没有选择中国模式 [Zuo, Fengrong. "Why the USSR didn't Choose Chinese Model." *Lingdaowensui*, no. 2 (2011): 28–30] [In Chinese].

Сведения об авторе

Иван Юрьевич Зуенко,

научный сотрудник отдела китайских исследований Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока,

Дальневосточное отделение РАН,

Российская Федерация, 690001, Владивосток, Пушкинская ул., 89.

ORCID: 0000-0002-9853-9703

e-mail: zuenko@ihaefe.ru, ivanzuwei@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию 13 февраля 2021. Принята к публикации 30 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Зуенко, И.Ю. Китай и события 1991 г. в Советском Союзе (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР) // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 96–111. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111>

Chinese Reaction and Interpretation of 1991 Events in the Soviet Union

ABSTRACT

The article is timed to coincide with two anniversaries: centenary of the Communist Party of China, and thirty years since the dissolution of the Soviet Union. According to the author's idea, these two anniversaries correlate: analysis of the reasons and consequences of the USSR dissolution became one of the factors of current policy of Chinese communists. The article brings light to this coherence. A wide range of Chinese sources and literature regarding 1991 events in the USSR was used for the article. Another feature is the attention to historical context of the late 1980s – early 1990s, analysis of which helps to understand domination of conservative view to the USSR dissolution. The article shows how the Chinese state and party interest in the Soviet experience led to creation of a large bulk of works regarding historical, sociological and culturological aspects of the USSR dissolution. The analysis of the most impactful of these works shows a wide range of views regarding certain aspects (first of all, the role of reforms in the final dissolution of the state) and consensus regarding other aspects (negative role of Mikhail Gorbachev, labelling the dissolution of the USSR and the Communist Party as a 'catastrophe'). Further analysis of the Soviet experience led to such measures by the Chinese leadership like strengthening of partocracy regime, conducting of media-covered anti-smuggling campaigns, establishing of harsh administrative and security control in areas with ethnic minorities, active counterpropaganda and struggling with foreign information influence. Appellation to the negative experience of the USSR and the Communist Party of the Soviet Union is using by the Chinese leadership in its propaganda as an argument for unacceptability of any political reforms regarding weakening of the party role.

KEYWORDS

China, Soviet Union, Perestroika, Chinese Reforms, Sovietology

Author

Ivan Y. Zuenko,

Research Fellow at Department of Chinese Studies of the Institute of History, Archaeology and Ethnology,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690001, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-9853-9703

e-mail: zuenko@ihaefe.ru, ivanzuwei@gmail.com

Additional information

Received: February 13, 2021. Accepted: April 31, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Zuenko, Ivan Y. "Chinese Reaction and Interpretation of 1991 Events in the Soviet Union."
Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 96 –111.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-96-111>

Международный фактор во внутриполитических трансформациях в «албанском мире» Косово*

Екатерина Геннадьевна Энтина

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-112-131>

АННОТАЦИЯ

Косовский сюжет исследуется в научной и экспертной литературе преимущественно с точки зрения его международно-политической составляющей. При этом в условиях общности социально-политических процессов, происходящих в Европе в последние пять-семь лет, изучение его внутриполитической составляющей, а именно партийно-политического транзита под влиянием внешних условий и с учетом задач международного сообщества по стабилизации региона, не менее значимо. В статье с опорой на классификации партийных систем Дж. Сартори и теории партийных перемен Р. Хармела и К. Джанды ставится вопрос о том, какую роль Европейский союз сыграл в институциональной трансформации партийно-политического «албанского мира» Косово; какие возможности и пределы были достигнуты в результате; почему опора на разные стратегии институционального строительства в условиях, когда одновременно реализовывалась и задача государственного строительства, не дала ощутимого результата. Объясняется, почему сложная конфигурация международной миссии в Косово на практике привела не к росту ее легитимности и появлению системных институтов управления, а напротив, потере авторитета. В статье подробно анализируется и описывается процесс партийно-политических трансформаций в «албанском мире» Косово, даются основные вехи в развитии партийной системы с участием крупных партий – наследников эпохи острой фазы косовского конфликта. Высказываются предположения, каким образом они могут трансформироваться в дальнейшем. Выявляются слагаемые успеха популистского движения «Самоопределение», а также устойчивость этого успеха в условиях изменяющейся геометрии международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Косово, партийно-политические трансформации, популизм, Европейский союз, сербо-албанские отношения

* В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

Практически тридцать лет косовская проблема является одним из центральных сюжетов как для специалистов в области теории международных отношений, так и для регионоведов, историков-международников. Нерешенным остается окончательный статус края. Довольно смутным российской экспертной и научной общественности представляется и то, что происходит в его внутреннем развитии. Исключением могут служить работы П.А. Искендерова¹, а также комплексная работа Е.Г. Пономаревой² по развитию государственности на постъюгославском пространстве.

Подобная ситуация сложилась неслучайно. В мировой историографии по косовскому сюжету основное внимание в силу традиционных, очень ярких и многогранных этнических противоречий на Балканах, а также прецедентного характера данной проблемы уделяется сербо-албанскому диалогу, «великоалбанской идее», вопросам безопасности и терроризма³, проблемам кризисного регулирования косовского вопроса⁴, в том числе в результате роста исламского фактора в регионе⁵. Состоятельность «косовской государственности» главным образом рассматривается в контексте конкуренции международных субъектов⁶, перспектив европейской интеграции⁷, изредка – социально-экономических проблем молодого и крайне бедного по европейским меркам албанского населения. При этом остаются за скобками исследования по Косово состоятельность политики международных акторов, внутреннее политическое развитие, особенно албанской (да и сербской), общины края и специфика сложившейся партийно-политической сцены, которые напрямую влияют на успешность и сербо-албанского диалога, и социально-экономического развития края. Впрочем, некоторые из работ ограничиваются общими, хотя и справедливыми, стереотипами о незрелости, внешней зависимости и идейной однородности партийно-политических игроков в «албанском мире» Косово.

Вместе с тем отечественные и зарубежные исследователи сходятся во мнении о том, что «одинаковое отношение политических партий албанцев к статусу Косово создало представление о них у внешних наблюдателей как близких и не заслуживающих отдельного внимания, что, в свою очередь, породило “единый образ” албанцев-косоваров»⁸. Конфликты на постъюгославском пространстве начала 1990-х гг., которые внешне имели и религиозный подтекст (на деле второстепенный), заложили в публичном пространстве неточную логику дифференциации албанцев и их политической жизни главным образом по страновому принципу. Однако в научных кругах хорошо известно, что в основе внутриаалбанских различий лежит не столько территориальная принадлежность, сколько этноклановый фактор, что делает анализ внутривнутриполитических тенденций в Косово, с одной стороны, более запутанным и сложным, а с другой – востребованным.

1 Искендеров 2015.

2 Пономарева 2010.

3 Пономарева 2018; Пономарева 2019.

4 Тренин, Степанова 1999; Кандель 2009; Bieber 2011; Bieber 2003.

5 Bieber 2004.

6 Bieber 2019; Энтина 2016.

7 Кандель 2020а; Кандель 2020b; Кандель 2018; Bieber 2015.

8 Улуния, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово // Полит.ру. 9 ноября 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://polit.ru/article/2009/11/09/kosovo/> (дата обращения: 19.02.2020).

Дополнительную остроту вопросу о том, как в действительности изменяется «албанский мир» Косово, придает то обстоятельство, что в более широком измерении Албания и Сербия (как «центры» двух наиболее крупных субрегиональных этносов) становятся транспортным, инфраструктурным и транзитным узлом в Юго-Восточной Европе. Кроме того, их правящие политические элиты начали свое восхождение к власти еще в 1990-е гг. Эти элиты объединяет не только исторический «багаж», вынуждающий применять определенную политическую риторику, но и своя логика внутреннего взаимодействия, «работы» с внешними акторами, бизнесом и существующим еще со времен социалистической системы теневым экономическим сектором. Это в неменьшей степени влияет на складывание партийно-политической сцены и особенности ее трансформации в Косово как территории, по сути, представляющей «зеркало» всех перечисленных выше наложений.

Теоретические основы исследования

Косово представляет собой классический пример квазигосударства: очевидно, что по отношению к Приштине определяющей проблемой оказывается вопрос о международно-правовом статусе Косово. Центральной внутренней проблемой является эффективность «государственной» власти: отсутствие фактического контроля над сербской частью, которое продолжалось практически до середины 2010-х гг., неготовность сформировать сообщество сербских общин, предполагавшееся в рамках Соглашения о нормализации отношений между Белградом и Приштиной 2013 г., а также перманентное кризисное состояние в политической жизни «албанского мира» Косово.

В статье используются два теоретических подхода к осмыслению партийных трансформаций: классификация партийных систем Дж. Сартори и теории партийных перемен Р. Хармела и К. Джанды. Дж. Сартори выделяет несколько типов партийных систем: однопартийная система с партией-гегемоном, система с преобладающей партией, двухпартийная система, система ограниченного плюрализма, система поляризованного плюрализма, атомизированная партийная система¹. В Косово произошел переход от системы ограниченного плюрализма с тремя основными партиями к атомизированной системе с множеством мелких партий, а потом – к кристаллизации партий нового типа, преимущественно на популистской основе.

Для объяснения причин партийной трансформации используется теория Р. Хармела и К. Джанды, утверждающая, что изменения в партийной системе и в партиях в целом являются следствием трех видов событий: смены руководства, смены доминирующей фракции и внешних стимулов². В данной статье именно третий вид переменных – внешние стимулы, исходящие от иностранных субъектов, – являлись причиной партийных изменений. Кроме того, внешние стимулы были первопричиной изменения двух других переменных: из-за действий внешних стимулов менялось руководство партий, на лидирующие позиции выходили новые фракции-кланы.

1 Sartori, Mair 2005.

2 Harmel, Janda 1994.

Наконец, крайне важно отметить, что все косовские партии принадлежат к так называемым «партиям-максимизаторам» – партиям, чья первичная цель заключается в приобретении и распределении максимального количества ресурсов (материальных, политических и иных) среди ее участников. Именно поэтому остальные виды первичных целей – максимизация голосов, политического представительства, максимизация вектора проводимых политических решений – отходят на второй план.

В статье утверждается, что в силу особенностей косовских партий (партии-максимизаторы демократии / ресурсов) переход внешних игроков от модели прямого управления в Косово к модели непрямого управления через возвращение лояльных политических лидеров и структур обусловил переход от системы ограниченного плюрализма к атомизированной партийной системе, а потом – к ее крену в популизм.

Внутриполитическая трансформация

В 1980–90-е гг. среди политических элит Косово существовали три конфликтующих между собой подхода к решению проблемы края. Первый – условно милитаристский, которого придерживалось созданное в 1982 г. Народное движение Косово, затем переросшее в ОАК (Освободительная армия Косово). Второй – условно реформистский. Его разделял Союз реформаторских сил Югославии А. Марковича, одного из наиболее последовательных сторонников «югославизма», который верил, что косовскую проблему можно решить через большее вовлечение косовских албанцев в политическую жизнь тогда еще единой Югославии. Среди косовских албанцев близко к этим позициям находились Ш. Малики и В. Сурройи. Третий подход – условно индифферентный, не предполагавший ни насилия, ни участия в политической жизни Югославии, но обретение Косово статуса еще одной республики. Как справедливо указывает А. Улунян, Демократическая лига Косово (ДЛК), которая была создана полулегально, представляла собой значительную прослойку албанской интеллигенции во главе с И. Руговой, надолго стала единственной политической силой, способной к объединению албанцев в масштабах всего края. «Образовавшиеся в начале 90-х годов несколько других партий [...] не смогли выступить серьезными конкурентами ДЛК. В то же время сам факт их появления свидетельствовал о начавшемся процессе политического размежевания в албанской общине края. На этом этапе общественно-политического развития албанцев-косоваров идеология создания собственного национально-административного образования, равного по статусу другим союзным республикам Югославии, была доминирующей»¹.

Был ли этот переход следствием так называемых репрессий со стороны Белграда или результатом растущего албанского национализма – вопрос фундаментальный. Очевидно, что на обострении косовской проблемы сказались противоречивые трактовки права нации на самоопределение и подходы к выстраиванию демократических институтов, заданные не без участия мирового сообщества².

1 Улунян, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово.

2 Mrdalj 2020.

Если согласиться с мнением западных аналитиков о том, что рост албанского национализма был обусловлен «притеснениями со стороны Белграда», и абстрагироваться от того, что общий лозунг «Косово – республика», доминирующий в среде косовских албанцев с конца 1970-х гг., объединял и приштинскую номенклатуру, и внепартийную интеллигенцию и эффективно транслировался в массы, то все равно без ответа остается вопрос о том, почему, если основной проблемой албанцев был режим С. Милошевича в Белграде, они отказались от участия в выборах, которые могли определить исход режима? При этом представители США и ЕС, которые открыто настаивали на демократическом вовлечении и диалоге во всех остальных случаях на пространстве бывшей Югославии, да и за его пределами, в отношении Приштины не проявляли особых усилий к тому, чтобы вовлечь албанцев в политическую жизнь Югославии. Возможно, таким образом они пытались в большей степени добиться уступок от С. Милошевича по Боснии и Герцеговине и Хорватии.

Более убедительно выглядит довод о том, что отказ от участия в республиканских институтах и диалоге на федеральном уровне был сознательной стратегией албанцев. Более того, активизация сепаратистского движения в крае в 1980-е гг. по многим параметрам спровоцировала само восхождение политической фигуры С. Милошевича. Отстранение и пассивное сопротивление первой половины 1990-х гг., по всей видимости, казалось И. Ругове удачной тактикой, которая оставляла албанцам возможность в итоге добиться независимости или хотя бы республиканского статуса, который впоследствии все равно открывал путь к независимости. Однако довольно быстро ДЛК, пытаясь делегитимизировать «сербский режим» в Косово через бойкот и вместе с тем отказываясь от более резкой позиции, начала выглядеть амбивалентно в глазах набиравших силу молодых лидеров ОАК. То, что косовский вопрос не включили в Дейтонские соглашения, позволило им начать открытую борьбу за независимость. Вплоть до второй половины 1999 г. внутривнутриполитическая повестка в Косово была узурпирована ею.

Однако с установлением временной администрации в Косово, в соответствии с резолюцией СБ ООН 1244, косовские албанцы оказались в причудливой ситуации: как неоднократно указывал В. Сурройи, известный журналист и политический деятель Косово, «они должны были осуществить транзит от коммунизма к демократии, от насилия к ненасилию, от апартеида к власти большинства – при этом сделать это в одно время в одном месте»¹. Этот транзит до некоторой степени был осуществлен международными структурами в Косово, но основная проблема заключалась в том, что в этом практически не участвовали албанцы. Впоследствии этот феномен получил название «доброжелательной автократии».

В июле 2000 г. миротворческая миссия де-факто навязала Приштине пропорциональную избирательную систему представительства с голосованием по закрытым спискам. Она мало отвечала интересам наиболее сильных на тот момент партий – ДЛК и ДПК. Демократическая партия Косово (ДПК) выступала за мажоритарный принцип, поскольку предполагала, что получит большинство голосов как партия победителей в «освободительной войне». ДЛК же стремилась

1 Beha 2019, 675.

добиться некой гибридной формы, сочетающей мажоритарный и пропорциональный принципы. Фактически решение, принятое МООНК, блокировало вероятность складывания некоалиционных правительств. С одной стороны, подобный подход обеспечивал возможность небольшим партиям и партиям меньшинств гарантированно иметь свое представительство в парламенте, исключал сосредоточение всего властного ресурса в руках одной партии. Но важнее, что он стимулировал участие в выборах для граждан, тем самым легитимируя временные институты косовского самоуправления, а до некоторой степени – и присутствие МООНК¹. С другой стороны, этот подход спровоцировал постоянную смену правительств и проведение внеочередных выборов в силу шаткости, этноклановости формирующихся блоков и их зависимости от вопроса о статусе края. Данная неустойчивость, во многом спровоцированная институциональными решениями миссии, оказалась основным фактором внутривластной жизни Косово на протяжении всех последних двадцати лет. Она фактически обеспечила усиление и герметизацию нескольких закрытых партийных структур во главе с влиятельными и авторитетными лидерами постконфликтной эпохи, оставив место для потенциальной оппозиции только в поле политического популизма.

Столкнувшись с постоянным игнорированием со стороны местных политических элит задач по строительству общих институтов, МООНК стала использовать различные практики принуждения к диалогу, которые, впрочем, очень плохо отвечали реальному положению дел в крае. Так, сербы начали формирование «параллельных» структур управления. Демократическая лига Косово создала ряд институтов, назвав их «институтами Республики Косово» и признавая их исключительную легитимность. Демократическая партия Косово, позиционировавшая себя наследниками успеха «освободительной войны», выстроила институты временного правительства. МООНК пыталась наладить диалоговые механизмы между сербами и албанцами и внутри «албанского мира», каждый раз давая понять, что ее поддержку получают только умеренные и конструктивные политические силы, однако никакого результата это не давало. Ряд западных ученых (например, Ф. Бибер) справедливо объясняют отсутствие результата МООНК в Косово тем, что, в отличие от Боснии и Герцеговины, здесь речь шла не только о выстраивании внутренних институтов и взаимодействия, но – и в первую очередь – об определении статуса данной территории². Его нерешенность приводила к тому, что призывы к умеренной политической борьбе и диалогу оказывались не более чем лозунгами.

Выборы в парламент, прошедшие осенью 2001 г., продемонстрировали, что главными политическими оппонентами в албанском политическом мире Косово оказались гражданская политическая партия Демократическая лига Косово и использовавшая военно-политический престиж и образ «сражавшихся партизан» ее основателей Демократическая партия Косово. Более того, произошел раскол в рядах тех, кто из полевых командиров ОАК становился политиком. Так, в частности, ДПК под руководством Х. Тачи и Альянс за будущее Косово, во

1 Beha 2017, 41.

2 Keil, Bieber 2009.

главе которого стал Р. Харадинай, выступали как самостоятельные политические силы¹.

В соответствии с договоренностями от февраля 2002 г. ДЛК, ДПК и Альянс за будущее Косово создали большую коалицию, в которой ДПК получила портфель премьер-министра, ДЛК – президента Косово, а Альянс за будущее Косово и коалиция «Возвращение» блокировались в правительстве. Такая большая коалиция создавалась в расчете на запуск «консенсуальной демократии» и на то, что в результате удастся снизить уровень противостояния между ДЛК и ДПК. Кроме того, понимая, что все партии так или иначе выстроены на основе этнических и клановых союзов в рамках четких территориальных границ «избирательной базы», приведение их к сложному коалиционному формату выглядело в логике МООНК инструментом расширения собственной легитимности и поддержания статус-кво². Однако большая коалиция столкнулась с предсказуемой проблемой отсутствия внутренней сплоченности и сильного и влиятельного руководства. Премьер-министр Б. Реджепи не являлся реальным лидером ДПК и был вынужден де-факто согласовывать каждое свое действие с Х. Тачи. Правительственная же коалиция очень быстро распалась из-за внутренних распрей. Это логически усилило влияние МООНК, но не работало на укрепление ее легитимности.

23 октября 2004 г. в Косово были проведены вторые всеобщие выборы. Их отличали три основные черты. Во-первых, появление нескольких новых гражданских инициатив и независимых кандидатов. Во-вторых, фактический бойкот сербами участия в выборах в результате мартовских погромов 2004 г. и низкая явка самих косоваров (в районе 45%). В-третьих, попадание ДПК в ряды оппозиции. Наиболее интересным эпизодом стало появление независимых кандидатов из числа гуманитарной интеллигенции – В. Сурройя (лист «ОРА») и Э. Тахири (Демократическая альтернатива для Косово). Лист «ОРА» в итоге набрал 7 мест в парламенте и стал третьей силой. Тогда казалось, что этот приход во власть политиков, не связанных «военным прошлым», задаст новый тренд в развитии партийно-политической системы Косово. Однако этого не произошло. Тем не менее постепенное размежевание ДЛК как более умеренной партии, по мнению А. Улуныя, символизировало «существование параллельной власти в лице албанских нелегальных и полуподпольных институтов и сербских, являвшихся инструментами белградского режима. ДЛК, постепенно прекращая свою функцию общенационального политического объединения и трансформируясь в политическую партию, фактически подготовила условия для размежевания албанской общины Косова»³.

Однако, в этом отношении практически ничего не изменилось и в ходе выборов 2007 г., а также первых всеобщих выборов после провозглашения независимости – в 2010 г. Выборы 17 ноября 2007 г. были впервые выиграны ДПК, возглавляемой Х. Тачи. В результате вновь была образована коалиция ДПК – ДЛК, активно поддерживаемая западным международным сообществом. Поддержка этой традиционной коалиции объяснялась назревающим выходом на догово-

1 Улуныя, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово.

2 Beha 2017, 63.

3 Улуныя, А.А. Особенности общественно-политического развития «албанского мира» Косово.

ренности Белграда и Приштины и активно дискутировавшимся планом М. Ахтисаари. Выборы в Косово по времени практически совпали с парламентскими выборами в Сербии, а независимость края в одностороннем порядке была провозглашена на следующий день после подведения их итогов в Белграде.

В этот период свое активное восхождение под лозунгами «Нет переговорам! Самоопределение!» начинает тогда условно антисистемная партия «Самоопределение», которая была образована как гражданское и преимущественно уличное движение еще в 1997 г., а активное восхождение начала на фоне тупика в переговорах между Белградом и Приштиной в 2005 г. С этого момента электорат партии устойчиво рос. Это объяснялось следующими структурными факторами. Во-первых, отсутствием реального идеологического размежевания в структуре основных приштинских партий. Несмотря на то что по программным документам ДПК и ДЛК позиционируют себя как правоцентристские партии, примерно тот же угол всегда занимал Альянс за будущее Косово, а «Самоопределение» в условиях формальной деидеологизации все же больше стремится к европейским социал-демократам, реальное размежевание проходит по линии этнического и кланового разделения и, как следствие, личной лояльности. В этих условиях «Самоопределению» как внеклановой партии, представителю широких масс населения, не только не допущенного к коррупционным практикам косовской элиты, но являющегося основной их жертвой, было не так сложно «отнять» определенный электорат от всех ведущих политических партий и постепенно наращивать его. Во-вторых, наличие постоянных коалиций (в основном мелких), а также возникновение новых партий в ходе каждых выборов давало дополнительное пространство для кооперативного маневра и мелких поглощений. В-третьих, фактическая невозможность сформировать некоалиционное правительство в принципе создала у населения четкое ощущение, что все партии одинаковые. Эта ситуация обеспечила для «Самоопределения» выгодную возможность позиционировать себя как «внешнего», не принадлежащего к правящим элитам, игрока и капитализировать свой багаж на этой основе¹, сочетая национализм с риторикой социальной справедливости и борьбы с коррупцией.

Выборы 2010 г. были первыми всеобщими выборами, организованными после провозглашения независимости преимущественно «приштинскими» институтами, то есть формально относительно самостоятельно. Победу на них одержала ДПК, сформировавшая очередную широкую коалицию, во главе которой премьер-министром стал Х. Тачи. При этом пост президента по коалиционному соглашению занял Б. Паццоли. Но его избрание было немедленно оспорено как нарушающее некоторые положения Конституционного закона Косово, что суд спустя несколько месяцев признал. В результате итоги первых практически самостоятельно проведенных выборов оказались в руках международного сообщества: в апреле 2011 г. Х. Тачи, Б. Паццоли и И. Мустафа как представители основных политических партий подписали соглашение, в соответствии с которым президентом становилась А. Яхьяга. Подписание этого соглашения проходило при прямом посредничестве посла США в Косово К. Делла и на услови-

ях скорейшего проведения избирательной реформы¹ (которая в полной мере, впрочем, так и не состоялась). Таким образом, попытка выйти на самостоятельное, а не «управляемое» извне формирование коалиции и ее основной повестки оказалась неудачной.

В 2014 г. проводились следующие очередные досрочные выборы: это было связано с выходом из ДПК двух ее влиятельных лидеров – Ф. Лимая и Я. Красничи, сформировавших Новую инициативу для Косово, что снизило устойчивость парламента до минимума. ДПК по итогам выборов не смогла сформировать парламентское большинство. Ей в противовес попытался выступить конгломерат оппозиционных партий (Альянс за будущее Косово, «Самоопределение», ДЛК и Новая инициатива для Косово), что в силу крайней его разнородности вновь привело к формированию абсолютно недееспособного парламента². Он тоже не просуществовал и половины срока, дожив до середины 2017 г. Та же судьба постигла и следующий, а также избранный 6 октября 2019 г., когда премьер-министром впервые стал лидер «Самоопределения» А. Курти.

Такая резкая даже для косовских реалий деградация политической жизни и стабильности закономерно объяснялась с точки зрения США и ЕС. Постоянная поддержка хотя бы одной из тех сил, которые цементировали относительное национальное единство «албанского мира» Косово, обеспечивала для государств, признавших независимость Косово, «лазейку» для активизации институционального строительства за счет поддержания общей стабильности в «албанском мире» (стратегия «мягкого транзита», а не расшатывания). После опубликования в декабре 2010 г. доклада Специального докладчика Комиссии по соблюдению прав человека Парламентской ассамблеи Совета Европы Д. Марти о военных преступлениях, совершенных лидерами ОАК, и последовавшего за ним решения о необходимости учреждения суда по военным преступлениям в Косово, стало ясно, что последний становится одним из инструментов, посредством которого можно формировать партийную систему Косово. Это, кстати, существенно корректирует то, как учреждение данного органа было воспринято мировым сообществом: его основная задача – не столько установление объективной картины того, что происходило до, в ходе и по окончании косовского конфликта в крае, а попытка за счет дополнительных, формально объективных и правовых инструментов отформатировать партийную сцену в «албанском мире» Косово. Однако осуществлять это необходимо с осторожностью; в противном случае возникает реальный риск распада и радикализация албанцев как таковая. Переговоры о создании суда шли в течение пяти лет. Суд был создан в 2016 г. фактически в результате ультиматума, предъявленного Вашингтоном и Брюсселем Приштине: либо албанцы соглашались на его создание и работу в рамках косовской судебной системы, но в Гааге при финансировании и кадровом наполнении со стороны ЕС, либо его создадут без участия Приштины в рамках ООН при поддержке России и Китая³. Начиная с 2017 г. падение всех коалиционных правительств так

1 Beha 2017, 119–120.

2 Kabashi-Ramaj 2017, 8.

3 Саморуков, М. Гаага для премьера Косова. Почему Запад разлюбил косовских лидеров // Московский центр Карнеги. 23 июля 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79546> (дата обращения: 03.03.2021).

или иначе было связано как раз с фактором работы суда, но в итоге постепенно начало приводить к замещению локальных политических кадров.

Выборы, которые состоялись в Косово 6 октября 2019 г., были практически сразу признаны «поворотными» в политической жизни «албанского мира»¹. Коалиционное правительство было сформировано двумя партиями («Самоопределение» и ДЛК), в рядах которых де-факто отсутствовали ветераны ОАК, что позволило рассматривать ситуацию как транзитную для партийно-политической сцены Приштины. При этом необходимо понимать, что победа А. Курти была связана не столько с успешными мерами международного сообщества по трансформации внутренней сцены в Косово, сколько с рядом вполне четких факторов. Во-первых, тупиком в диалоге Приштины и Белграда, который очевидно не приносит никаких дивидендов албанскому населению в отношении европейской интеграции. Во-вторых, последовательной вовлеченностью «Самоопределения» в работу с молодым поколением и в целом ставкой на него: в условиях высочайшего уровня безработицы и бесперспективности, а также усталости от этно-кланового распределения внутрипартийных ресурсов откровенно популистская программа А. Курти неизбежно в какой-то момент должна была обеспечить масштабность голосования. Наконец, на фоне отсутствия идеологического размежевания между основными партиями активная позиция «Самоопределения», его поддержка имеющими большой авторитет среди албанцев американцами-демократами и британским истеблишментом также сыграли свою роль. Однако данное правительство в результате внутренних распрей о путях борьбы с коронавирусной пандемией, будучи сформированным в январе 2020 г., продержалось только до марта. Хотя определяющей роли это сыграть уже не могло: на очередных досрочных выборах 14 февраля 2021 г. «Самоопределение» вновь одержало уверенную победу, максимально приблизившись к минимуму парламентского большинства.

Внешний аспект формирования косовских властных институтов

После занятия территории края войсками НАТО и принятия резолюции СБ ООН 1244 верховная власть в Косово была передана МООНК (УНМИК). Именно эта структура внешнего управления была уполномочена принимать все основные решения. В силу этого преобладающее влияние внешнего фактора на формирование косовской политической сцены было запрограммировано самим форматом внешнего управления данной территорией. Логику взаимодействия между всеми, кто оказывал международное содействие миротворческой миссии ООН в Косово, сложно назвать ясной. После 11 июня 1999 г. в Косово была создана система внешнего управления, при которой верховная политическая власть осуществляла МООНК, а за военную безопасность отвечала НАТО в лице контингента КФОР. Под общей эгидой МООНК действовала целая экосистема международных организаций, отвечавших за частные вопросы: ОБСЕ (выбор-

1 Distler 2020.

ный процесс), МВФ, Всемирный банк, отраслевые агентства ООН, национальные гуманитарные агентства, международные НПО и т.п. Первоначально сходная модель была отработана в рамках дейтонской Боснии и Герцеговины (БиГ)¹.

Существенно то, что США и ЕС по-разному оценивали, к чему в итоге должна привести деятельность миротворческой миссии: для обоих субъектов было важно поддержание мира и стабильности, но для ЕС, в силу логики проекта европейской интеграции, принципиальное значение имело строительство надежных и долгосрочных институтов². Эта разница особо заметна при анализе содержания Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, принятого несколькими десятками стран, включая США, в 1999 г., и Процесса стабилизации и ассоциации ЕС для стран Западных Балкан, разработанного также в 1999 г., но запущенного на саммите в Салониках в 2000 г. Если первый нацелен на постконфликтное восстановление, то второй – на перспективу интеграции региона в Европейский союз.

Вследствие этого именно ЕС стоит рассматривать в качестве основного внешнего фактора, влиявшего на формирование институциональной, а через нее – политической структуры на пространстве Косово. Основные принципы, положенные в основу стратегии расширения ЕС в Юго-Восточной Европе, хорошо известны: это принципы «обусловленности» и «социализации», которые были разработаны еще для интеграции стран Центральной и Восточной Европы. В случае с пространством бывшей Югославии – по отношению к БиГ, краю Косово и Метохии – к этим двум принципам добавился также принцип «прямого правового принуждения», ставший основным инструментом в руках Высокого представителя ЕС.

Подход «кнута и пряника», по общему убеждению, дал положительный эффект в отношении интеграции стран ЦВЕ, а затем был де-факто калькирован на пространство бывшей Югославии и Албанию, хотя практических оснований для этого было немного. Дело в том, что на Балканах ЕС столкнулся с принципиально новыми для себя задачами: это постконфликтное урегулирование в пространстве с не решенными окончательно этно-территориальными вопросами и неоднозначно определенными итогами гражданских войн; строительство гражданско-правовых институтов в условиях полураспада государства и неполного государственного суверенитета; формирование государственных образований, не имевших прежде подобного опыта³. В той или иной степени эти задачи касались всего постъюгославского пространства, но только в случае с Косово все три остаются нерешенными. Здесь модель «обусловленности» совместных действий и «социализации» / «европеизации» политических элит создала дополнительные проблемы. Сама по себе логика этнического конфликта препятствовала какой-либо эффективной «обусловленности», поскольку требования со стороны ЕС неизбежно упирались в вопросы национальной идентичности и в условиях нерешенного финального статуса Косово несли за собой высокие политические риски для местных элит (как албанских, так и сербских).

Кроме того, стратегия ЕС на всем постъюгославском пространстве – и Косово здесь не стало исключением – была направлена на выстраивание диалога с

1 Энгельгардт 2008.

2 Tadić, Elbasani 2018, 190.

3 Энтина 2020, 183.

правлящими политическими элитами и практически не касалась (и не касается до сих пор) вопросов национального примирения, нахождения консенсуса и т.п. Это привело к складыванию слабой политической системы в Сербии, не создало нормальных переговорных рамок в Боснии и Герцеговине, сильно ослабило процесс европейской интеграции Черногории. Наконец, логика «обусловленности» не предполагала и не предполагает контроля над усвоением норм права, а только фиксирует факт их адаптации к национальному законодательству. В случае с постъюгославским пространством это привело к тому, что ЕС фактически подошел к ситуации, в которой у него отсутствует механизм эффективного контроля за реальной имплементацией тех реформ, которые он требует от местных политических элит. С учетом внутренних условий в Косово это – одна из причин практически полной неэффективности политики ЕС по строительству здесь государственных институтов¹.

Попытки ЕС сформировать устойчивые институты в Косово можно вслед за Е. Баракани разделить на три этапа, добавив и условный «четвертый» (см. Таблицу).

Таблица.

**РОЛЬ ЕС В ФОРМИРОВАНИИ УСТОЙЧИВЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ
В КОСОВО (1999–2020)
EU ACTIVITY IN FORMING SUSTAINABLE PUBLIC INSTITUTIONS
IN KOSOVO (1999–2020)**

Этап	Условное название	Основные инструменты	Общее восприятие ЕС как внешнеполитического фактора	Превалирующий подход к строительству институтов
1	Внутренняя администрация (1999–2008)	– Дипломатическая активность (1999) – Экономическая помощь (1999) – Процесс стабилизации и ассоциации (1999) – Политика «обусловленности» (2004) – Европейская перспектива (2005)	От восприятия в качестве второстепенного и зависимого от США субъекта (1999) к самостоятельному внешнеполитическому игроку, претендующему на роль «монополиста» в регионе (2004)	Строительство институтов через применение принципов «обусловленности», «социализации» и «прямого правового принуждения»
2	Мониторинговая миссия (2008–2012)	– Нейтральный статус ЕС в отношении провозглашения независимости – Спецпредставитель ЕС в Косово (2008) – Правовая миссия ЕС (2008) – Интенсификация диалога (2011)	Внутренние противоречия в ЕС в отношении одностороннего провозглашения независимости Приштиной де-факто замораживают процесс возможного присоединения Косово к ЕС	Попытка формирования институтов через запуск внутреннего диалога и принуждение к нему

1 Baracani 2020, 366.

Этап	Условное название	Основные инструменты	Общее восприятие ЕС как внешнеполитического фактора	Превалирующий подход к строительству институтов
3	Вторая миссия (2012–2018)	– Соглашение о нормализации отношений между Белградом и Приштиной (2013) – Соглашение о стабилизации и ассоциации с Приштиной (2015) Новая стратегия для Западных Балкан (2018)	Восприятие ЕС как слабеющего и раздраемого внутренними противоречиями международного актора, вследствие этого – резкое снижение авторитета ЕС как основной переговорной площадки Белграда и Приштины (2015– н.в.)	Приоритизация диалога Белграда и Приштины о нормализации отношений
4	Посредничество в нормализации отношений Белграда и Приштины (2019– н.в.)	– Изменение мониторинговых критериев (2019) – Неоднократные попытки возобновить диалог между Белградом и Приштиной (2018–2020) – Поддержка инициативы «малого Шенгена» в Юго-Восточной Европе (2020)	Восприятие ЕС как субъекта, неспособного к урегулированию вопросов подобного уровня вне лидирующей роли США, переход к «инфраструктурным» инициативам ЕС в регионе как наиболее успешным и перспективным. Начало деполитизации восприятия ЕС	Выход на возможность взаимного признания в результате давления со стороны США, а также попытка сформировать лояльную и более управляемую политическую сцену в «албанском мире» Косово через поддержку ситуации постоянных внеочередных выборов

Источник: составлено автором.

Когда в 1999 г. в Косово была развернута миротворческая миссия, «патронажные сети стремительно превратились в иерархически организованные партии, собираемые вокруг “супер-патронов” – сильных лидеров, которые как распоряжались потоком ресурсов, так и осуществляли принятие всех решений»¹. Понятно, что наиболее важной задачей, стоявшей перед ними, было удержание максимального количества лояльно настроенных косоваров через их прямое или косвенное подключение к поступающим ресурсам: приватизационные сделки, контракты, рабочие места, неформальные связи и пр. В этом отношении ситуация в «албанском мире» Косово мало чем отличалась от того, что происходило в регионе в целом. Сформировавшись в основном задолго до размещения МООНК, эти неформальные институты и связи были просто перенесены – настолько, насколько это было возможно – на проводимый под покровительством МООНК и в чем-то вызывающий эксперимент по созданию институтов, более характерных для зрелых политических систем.

В рамках МООНК представители ЕС на первом этапе были нацелены на экономическое восстановление региона и стали, по сути, основным донором экономической помощи. В развитие экономического сюжета был запущен Процесс стабилизации и ассоциации, который предполагал возможность будущего членства в ЕС для всех стран бывшей Югославии. Вместе с тем перспективы Косово в рамках данной инициативы ясно обозначены не были по причине нерешенности вопроса статуса края. Однако несмотря на это, запуск инициативы дал ЕС возможность начать реализацию стратегии «обусловленности», в том числе и

1 Tadić, Elbasani 2018, 189.

в отношении Косово. В 2004 г., после мартовских погромов сербского населения края, международное сообщество поставило вопрос об определении финального статуса Косово в разряд приоритетных и трансформировало формулу «стандарты прежде, чем статус» фактически в переговоры о статусе края. Примечательно, что этот шаг послужил и для Европейского союза катализатором в отношении конкретизации позиции по Косово, и в 2005 г. ЕС объявил о возможной перспективе членства и для Косово.

Провозглашение независимости Косово в одностороннем порядке 17 февраля 2008 г. стало одним из поворотных моментов в обновлении полномочий местных и международных субъектов. План М. Ахтисаари, составленный до провозглашения независимости, инициировал серию правовых и институциональных изменений, в частности он предполагал «независимость под международным контролем», то есть в любом случае сохранение внешнего контроля над Косово с перспективой его постепенного сворачивания. Однако продолжение международного присутствия рассматривалось главным образом в контексте недопущения фиаско институционализации, а также попадания институтов под полный контроль приштинских элит. Международное присутствие было распределено по двум более мелким миссиям: Международный гражданский офис и Миссия ЕС по верховенству права (*EULEX*). Деятельность Гражданского офиса была связана с имплементацией плана М. Ахтисаари и завершилась в 2012 г. *EULEX* должен был способствовать развитию правосудия, проведению полицейской и таможенных реформ. В целом же новая миссия свидетельствовала о поэтапном переходе управления институтами в руки местных элит. В свою очередь, они в соответствии с планом М. Ахтисаари довольно быстро запустили процесс обновления законодательства. В очень короткие сроки был принят 41 закон, чье качество и реальная применимость тем не менее вызвали большие сомнения¹.

На уровне ЕС провозглашение независимости Косово, как известно, привело к существенным разногласиям, поскольку пять стран (Испания, Греция, Кипр, Словакия, Румыния) в силу разных причин отказались признавать данный шаг. Эти разногласия были преодолены техническим путем, когда ЕС занял нейтральную позицию в отношении статуса Косово, не поддерживая и не признавая его независимости. Это позволило возложить технические переговоры на Европейскую комиссию под общим лозунгом «Разнообразие в отношении признания, единство – в ответственной вовлеченности». Таким образом, ЕС ввязался в реализацию положений плана М. Ахтисаари через параллельное назначение одного и того же лица главой Международного гражданского офиса и *EULEX*. Данное решение сыграло с ЕС в некотором роде злую шутку: назначенный в качестве Высокого представителя ЕС П. Файс должен был придерживаться нейтрального статуса в отношении косовской независимости и опираться на временную администрацию ООН как основную, но как глава Гражданского офиса он признавал независимость Косово. Задача ЕС по выстраиванию правовых институтов существенно осложнялась тем, что сербская часть Косово первоначально не признала ни Гражданский офис, ни *EULEX* (как не подразумевавшиеся резолюцией

1 Tadić, Elbasani 2018, 194.

1244) и допустила их деятельность на севере края только в рамках нейтрального статуса внутри временной администрации ООН. Вследствие этого инициативы ЕС по строительству правовых институтов практически никогда не охватывали территорию всего Косово, в результате чего не воспринимались и не имплементировались ни сербской, ни албанской стороной.

К 2011 г. ЕС переходит от тактики построения институтов через принцип «обусловленности» к стратегии нормализации отношений между Белградом и Приштиной. По резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 64/298 от 13 октября 2010 г. диалог о нормализации отношений был де-факто переведен из-под крыла ООН под ответственность ЕС. Переговоры были разделены на две части: политические вопросы и предшествовавшие им технические вопросы. Через решение технических вопросов Брюссель предполагал наладить межэтнические отношения и эффективное общение в крае. В результате этих переговоров были согласованы договоры в следующих областях: книги регистрации актов гражданского состояния, свобода передвижения, таможенное регулирование, кадастр, функционирование ЦЕАСТ, признание университетских дипломов, интегрированный контроль административной границы, региональное представительство и сотрудничество, наконец, соглашение о нормализации отношений¹.

Избранный подход имел неоднозначные последствия. ЕС удалось посадить представителей Белграда и Приштины за стол переговоров, что стало безусловным успехом европейской дипломатии, однако не удалось изменить представления о том, в чем заключаются жизненно важные интересы и для той, и для другой стороны, что могло бы действительно стать толчком к нормализации отношений. Весь переговорный процесс периода 2013–2018 гг. показал, что, несмотря на регулярность встреч и постоянный диалог между Белградом и Приштиной, динамика и прогресс по большей части зависели от политических циклов и политических интересов в Белграде и Приштине. Именно поэтому ставка на технические переговоры стала игрой с нулевой суммой, поскольку требование «обусловленности» в основном так и осталось достигнутым лишь на бумаге, но не в реальной жизни Косово.

Необходимость нормализации отношений Белград и Приштина с течением времени стали оценивать по-разному. Брюссельское соглашение было подписано косоварами и сербами спустя два дня после того, как Европейский союз заявил о том, что в случае успеха Белграду дадут «зеленый свет» на переговоры, а с Приштиной начнут процесс подготовки к подписанию Соглашения о стабилизации и ассоциации. Однако если сербы за период 2013–2018 гг. смогли получить решение по началу переговоров о членстве – и договоренность была достигнута сразу же, на Совете в июне 2013 г., и вступила в силу с января 2014 г., то косовары оказались менее удачливыми. Они подписали Соглашение о стабилизации и ассоциации значительно позже – только 27 октября 2015 г., а ратифицировано оно было в январе 2016 г. При этом какие-либо практические последствия и дивиденды от его подписания отсутствуют для косоваров и по сей день.

1 Энтина 2020, 235.

Логично, что подобная задержка стала для Приштины демотивирующей. Она подтвердила обоснованность скептических оценок посреднических способностей ЕС и спровоцировала падение доверия со стороны приштинских властей, которое было залогом выстраивания долгосрочной платформы взаимодействия. Его основой также была четкая перспектива европейской интеграции. Однако уже в 2014 г. тогдашний председатель ЕК Ж.-К. Юнкер обозначил неготовность ЕС к дальнейшему расширению. Последующие обновленные стратегии ЕС (2018) в условиях открытого скепсиса ведущих стран-членов ЕС не смогли серьезно укрепить веру и Приштины, и Белграда в реальность дальнейшего эффективно расширения ЕС в Юго-Восточной Европе.

В результате начиная с 2013 г. Европейский союз становится все менее авторитетным посредником для Белграда и Приштины, тем самым задавая еще большие пределы и своей миссии в Косово. С 2015 г. деятельность *EULEX* фактически сводится к минимуму и подвергается всесторонней жесткой критике.

К 2018 г. посредническая роль Европейского союза в косовском вопросе и вовсе фактически зашла в тупик. ЕС на практике отказался от своего первоначального плана выстроить эффективные государственные институты на территории Косово. В результате падения доверия и авторитета в глазах Белграда и Приштины сегодня Европейский союз, скорее, осуществляет поддержку инициатив Вашингтона, которые в первую очередь связаны с перегруппировкой сил внутри НАТО, а также реализацией ряда транзитных и инфраструктурных проектов в Юго-Восточной Европе.

Основным инструментом влияния на политические элиты региона вновь, как в разгар Югославского кризиса 1990-х гг., стала связка США – ЕС, где роль первой скрипки играют американцы. Базой взаимодействия постепенно становятся субрегиональные расширенные форматы сотрудничества – Берлинский процесс, формально возглавляемый ЕС, и Вашингтонские соглашения от 4 сентября 2020 г., де-факто рассматривающие косовский вопрос в более широком региональном контексте. Одной из точек синергии евро-атлантических усилий можно считать подписанное в 2019 г. между Сербией, Албанией и Северной Македонией соглашение о региональном экономическом сотрудничестве, получившем неформальное название «мини-Шенген»¹, к которому Косово присоединилось 9 ноября 2020 г. Его подписание и подключение Приштины потенциально ведет не только к образованию единой экономической зоны, но и перегруппировке всех внутривнутриполитических сил субрегиона. Он обозначает связку двух наиболее крупных и активно развивающихся на фоне повышающейся транзитной роли этнических групп – сербской и албанской. Применительно к внутривнутриполитическим процессам в «албанском мире» Косово, скорее всего, это свидетельствует о том, что дальнейшее развитие и трансформация политических сил и партий будет проходить уже не в обособленном «приштинском» ключе, но приобретет форматы общеалбанских политических движений.

1 "Albania, North Macedonia, Serbia Sign 'Mini-Schengen' Declaration," Balkan Insight, October 10, 2019, accessed April 28, 2021, <https://balkaninsight.com/2019/10/10/albania-north-macedonia-serbia-sign-mini-schengen-declaration/>.

Заключение

В первую очередь можно вполне уверенно сделать вывод о том, что к 2021 г. в «албанском мире» Косово начался транзит власти от иерархически выстроенных, закрытых, деидеологизированных политических партий – наследников мира конца 1990-х гг. – к партийной системе, более близкой к европейской классической модели. При этом как и во многих странах Западной Европы, солидная часть программы «карьерных политиков» строится на открытом политическом популизме. Его составной частью является последовательное отстаивание одних и тех же позиций на протяжении многих лет. Для косовского «Самоопределения» ими стали: а) неизменная оппозиция присутствию международного сообщества в Косово и необходимости диалога с Белградом; б) публичный отказ любых моделей приватизации предприятий в Косово; в) традиционная для популистских партий широкая «социальная программа»: социальная помощь, регулирование рынка, субсидии в сельское хозяйство и др. Было бы ошибочно ожидать, что данная программа в Косово будет реализована вне международного участия и в условиях «заморозки» окончательного решения вопроса по статусу Косово, в частности, как последовательно заявляет А. Курти, отказа от диалога с Белградом.

Данный диалог при активном посредничестве демократической администрации в Вашингтоне будет продолжен, но акценты внутри него сместятся: от обсуждения выгод Белграда собственно по проблеме принадлежности всей или части территории к дискуссии о месте и роли инфраструктурного и транспортно-логистического тандема Белград – Тирана в стратегически значимой транзитной зоне Юго-Восточной Европы. Таким образом будет укреплен статус Белграда как основного исторического узла региона, а за счет совместных инвестиций – до определенной степени разрешен вопрос с объективно тяжелейшим социально-экономическим положением Косово. При этом вряд ли можно рассчитывать на то, что Белград в том числе получит территориальные уступки (то есть на возвращение вопроса о территориальном обмене Белграда и Приштины).

Развитие партийно-политической сцены в условиях укрупнения геостратегического контекста неизбежно пойдет в общеалбанском формате. Сегодня и ДПК, и ДЛК, по сути, ориентируются на паналбанский контекст. Описанный выше ракурс возможного диалога Белграда и Приштины в случае реализации его еще больше подчеркнет. От этой ситуации в первую очередь выигрывают США (в лице НАТО) и КНР, реализующие объемные и мало зависящие от двусторонних отношений геополитические стратегии. России и ЕС предстоит сориентироваться: если интересам ЕС в целом такой тренд отвечает, хотя и не учитывает собственные геополитические амбиции, то для России подобный сценарий несет очевидные угрозы. В условиях практически полного отсутствия диалога не только с «албанским миром» Косово, но и албанским миром вообще, Москва постепенно становится не «спасителем» православных народов Балкан, а потенциальной обузой. Выходом из этой ситуации может стать только быстрая переориентация внешнеполитической стратегии России в Юго-Восточной Европе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Искендеров, П.А. Республика Косово // Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник. – М.; СПб.: Нестор-история, 2015. – С. 456–466. [Iskenderov, Pyotr A. "Republic of Kosovo" [Republika Kosovo]. In *Central and South-Eastern Europe. Late XX - early XXI centuries Aspects of social and political development. Historical and political reference book*, 456–466. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-History, 2015] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Как выиграть выборы и проиграть власть: Косово и Словения // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. – 2020а. – № 2. – С. 63–68. [Kandel, Pavel E. "How to Win Elections and to Loose Power: Kosovo and Slovenia" [Kak vyigrat' vybory i proigrat' vlast': Kosovo i Sloveniya] *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 2 (2020): 63–68] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Косовский прецедент и постсоветские конфликты // Актуальные проблемы Европы. – 2009. – № 3. – С. 19–38. [Kandel, Pavel E. "Kosovo precedent and Post-Soviet Conflicts" [Kosovskiy precedent i postsovetskie konflikty] *Current problems of Europe*, no. 3 (2009): 19–38] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Президентские выборы в Хорватии и парламентские – в Косово // Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН. – 2020b. – № 1. – С. 43–49. [Kandel, Pavel E. "Presidential Elections in Croatia and Parliamentary Elections in Kosovo" [Prezidentskie vybory v Horvatii i parlamentskie – v Kosovo] *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1 (2020): 43–49] [In Russian].
- Кандель, П.Е. Юбилей независимости Косово: итоги и перспективы // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2018. – № 1. [Kandel, Pavel E. "Kosovo Independence Anniversary: Results and Perspectives" [Yubilej nezavisimosti Kosovo: itogi i perspektivy] *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1 (2018)] [In Russian].
- Косово: международные аспекты кризиса / Ред. Д.В. Тренин, Е.А. Степанова. – М.: Московский Центр Карнеги, 1999. – 309 с. [Kosovo: International Aspects of the Crisis [Kosovo: mezhduнародnye aspekty krizisa], edited by D.V. Trenin, E.A. Stepanova. Moscow: Carnegie Moscow Center, 1999] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. Албанский фактор дестабилизации Западных Балкан: Сценарный подход // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 2. – С. 99–124. [Ponomareva, Elena G. "Albanian Factor of Destabilization of the Western Balkans" [Albanskij faktor destabilizatsii Zapadnykh Balkan] *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 2 (2018): 99–124] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. «Новое прошлое»: албанский вопрос в европейской политике // Современная Европа. – 2019. – № 7. – С. 158–167. [Ponomareva, Elena G. "New Past: The Albanian Question in European Politics" [«Novoe proshloe»: albanskij vopros v evropejskoj politike] *Contemporary Europe*, no. 7 (2019): 158–167] [In Russian].
- Пономарева, Е.Г. Новые государства на Балканах: Монография. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 252 с. [Ponomareva, Elena G. *The New Balkan States* [Novye gosudarstva na Balkanah]. Moscow: MGIMO-University, 2010] [In Russian].
- Энгельгардт, Г.Н. Государства ограниченного суверенитета на постюгославском пространстве // Звезда. – 2008. – № 3(11). – С. 107–121. [Engelgardt, Georgij N. "States of Limited Sovereignty in the Post-Yugoslav Area" [Gosudarstva ogranichenного suvereniteta na postyugoslavskom prostranstve] *Zven'ya* 11, no. 3 (2008): 107–121] [In Russian].
- Энтина, Е.Г. Международный контекст евроинтеграции Западных Балкан. – М.: Ин-т Европы РАН, 2016. – 130 с. [Entina, Ekaterina G. *European Integration of the Western Balkans: International Background* [Mezhduнародnyj kontekst evrointegracii Zapadnykh Balkan]. Moscow: IE RAS, 2016] [In Russian].
- Baracani, Elena. "Evaluating EU Actorness as a State-Builder in 'Contested' Kosovo." *Geopolitics* 25, no. 01. (January 2019): 1–25. DOI:10.1080/14650045.2018.1563890.
- Beha, Adem. *Between Stabilisation and Democratisation: Elections, Political Parties and Intra-party Democracy in Kosovo*. Centre for Political Courage, Friedrich-Ebert-Stiftung, Prishtina Office, 2017.
- Beha, Adem. "Consociational Democracy and Political Engineering in Postwar Kosovo." *Nationalities Papers* 47, no. 04. (May 2019): 674–689.
- Bieber, Florian. "Building Impossible States? State-building Strategies and EU Membership in the Western Balkans." *Europe-Asia Studies* 63, no. 10 (November 2011): 1783–1802.
- Bieber, Florian. *Understanding the War in Kosovo*. Routledge, 2003.
- Bieber, Florian. "Power Sharing as Ethnic Representation in Postconflict Societies: the Cases of Bosnia, Macedonia, and Kosovo". In *Nationalism after communism: lessons learned*, edited by A. Mungiu-Pippidi and I. Krastsev, 231–248. Budapest: CEU Press, 2004.
- Bieber, Florian, and Nikolaos Tzifakis. *The Western Balkans in the World: Linkages and Relations with Non-Western Countries*. London: Routledge, 2019.
- Bieber, Florian. "The Serbia-Kosovo Agreements: An EU Success Story?" *Review of Central and East European Law* 40, no. 3–4. (December 2015): 285–319.
- Distler, Werner. "Political crisis and the Corona – 'State of Emergency' in Kosovo." *Zeitschrift für Friedens- und Konfliktforschung* 9, no. 02 (October 2020): 375–384. DOI:10.1007/s42597-020-00046-w.
- Harmel, Robert, and Kenneth Janda. "An Integrated Theory of Party Goals and Party Change." *Journal of Theoretical Politics* 6, no. 03 (July 1994): 259–287. DOI:10.1177/0951692894006003001.
- Kabashi-Ramaj, Besa. *Political Instability in Kosovo and Implications for the Human Security of the People*. Pristina: Centre for Research, Documentation and Publication, 2017. <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/kosovo/13842.pdf>.
- Keil, Sören, and Florian Bieber. "Power-Sharing Revisited: Lessons Learned in the Balkans?" *Review of Central and East European Law* 34, no. 04 (January 2009): 337–360. DOI: <https://doi.org/10.1163/092598809X12474728805778>.
- Mrdalj, Mladen. "From Pararepublic to Parastate: International Leverage in Shaping Kosovo's Secession." *Nationalities Papers* 48, no. 01 (January 2020): 42–60. DOI:10.1017/nps.2019.85.
- Sartori, Giovanni, and Peter Mair. *Parties and Party Systems: a Framework for Analysis*. Colchester: ECPR Press, 2005.
- Tadić, Katarina, and Arolda Elbasani. "State-building and Patronage Networks: How Political Parties Embezzled the Bureaucracy in Post-war Kosovo." *Southeast European and Black Sea Studies* 18, no. 02 (May 2018): 185–202. DOI:10.1080/14683857.2018.1474551.
- Yabanci, Bilge. "Populism and Anti-Establishment Politics in Kosovo: A Case Study of Lëvizja Vetëvendosje." *Contemporary Southeastern Europe* 3, no. 02 (2016): 17–43.

Сведения об авторе

Екатерина Геннадьевна Энтина,
д.пол.н., профессор Факультета мировой экономики и мировой политики
Департамента международных отношений, директор Центра развития и интеграции
проектной деятельности НИУ ВШЭ,
Мясницкая ул., 20, Москва, 101000.
e-mail: e.entina@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 24 февраля 2021. Принята к публикации: 2 мая 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование

Энтина, Е.Г. Международный фактор во внутриполитических трансформациях
в «албанском мире» Косово // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 112–131.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-112-131>

The International Factor in the Domestic Political Transformation in the Kosovo's* “Albanian World”

ABSTRACT

The Kosovo issue is predominantly researched in academic and expert literature from an international political perspective. However, in light of common socio-political processes taking place in Europe during the last five-seven years, the study of its internal political component, namely the political party transformation under the influence of external factors and the international community, regional stabilization efforts is no less important. Based on J. Sartori's classification of party systems and R. Harmel and K. Janda's theory of party change, the article studies the role of international actors, in particular the European Union, played in the institutional transformation of the political party transformation in the Albanian Kosovo. It also studies what opportunities and barriers appeared as a result of the EU's involvement. The paper explains why the complex configuration of the international mission in Kosovo in practice did not increase its legitimacy and establish an institutional system of governance but instead resulted in a loss of the mission's credibility. The paper analyses and describes the process of political party transformation in Kosovo's “Albanian world” and highlights the significant milestones in the development of a party system involving those that had been borne out of the Kosovo conflict. The article explains their possible ways of transformation in the future. It also explains the success factors of the populist “Self-Determination” movement and how sustainable this success has been in the changing international balance.

KEYWORDS

Kosovo, political party transformation, populism, EU, Serbian-Albanian relations

Author

Ekaterina G. Entina,

Professor, Faculty of World Economy and World Politics, Department of International Relations,
Director of the Center for Development and Integration of Project Activities,
National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya st., 20, Moscow, 101000.

e-mail: e.entina@hse.ru

Additional information

Received: February 24, 2021. Accepted: May 2, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interests was reported by the author.

For citation

Entina, Ekaterina G. “The International Factor in the Domestic Political Transformation in the Kosovo's ‘Albanian World’.”

Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 112–131.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-112-131>

* In accordance with UN Security Council Resolution 1244, Kosovo is considered to be part of the Republic of Serbia.

Polish Take on Realism: Poland's Policy Towards the Former Soviet Countries, 1991–2021

Andrzej Szeptycki

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-132-145>

ABSTRACT

This article analyzes Poland's policy towards the former Soviet space (Poland's Eastern policy) through the assumptions of the realist theory of international relations. The first part of the article examines the realist theory in international relations (IR). The second – deals with the existing literature on Poland's foreign policy. The third part analyses the determinants and the goals of Poland's policy towards the post-Soviet states (history of its relations with the region, ideological determinants, security concerns, etc.). The last part inquires about the evolution of Poland's policy till current times. The Russian Federation is perceived as a significant threat by Poland. In that context, since the early 1990s, Poland has been seeking solutions to strengthen its security. It aimed to join the North Atlantic Alliance and establish a close partnership with the United States (bandwagoning). This strategy brought substantial effects – in 1999, Poland joined NATO, and since it has hosted allied troops. Poland also wanted to develop cooperation with Ukraine (to a lesser degree also with its other post-Soviet neighbors) and bring them closer to the Euro-Atlantic structures. This policy was, in particular, at weakening Russia's influence in the region (balancing). The results of this strategy have been somewhat ambiguous, though. Ukraine has rejected Russia's sponsored reintegration projects in the post-Soviet space. The process of reforms in that country, however, is slow and uncertain. As for other post-Soviet states, Poland has largely proven unable to influence the desired changes.

KEYWORDS

Poland, foreign policy, Russia, Eastern Europe, realism

Until 1991, the USSR was Poland's biggest immediate neighbour, as well as the dominant power on which Poland had been dependent since the second half of 1940s.¹ It is therefore fully understandable that the post-Soviet space continued to be a key area of Poland's foreign policy after the collapse of the bipolar system. This interest in the post-Soviet states however has been rather "uneven."

At the beginning of the 1990s Poland's policy focused on Ukraine, Lithuania and Belarus (known as the "ULB" states), as well as Russia. Currently, the Baltic republics are close partners of Poland, but being members of EU and NATO like Poland, they are not perceived any more as part of the former Soviet space. Poland's policy towards the post-Soviet space focuses currently on the states of Eastern Europe (Ukraine, Belarus and Moldova), the South Caucasus (Georgia, Armenia and Azerbaijan), and the Russian Federation. The Central Asian republics play a much lesser role in the Polish political agenda.

The aim of this article is to analyse Poland's policy towards the former Soviet countries from 1991 to 2021 through the lenses of the realist theory of international relations. Poland's policy towards its Eastern neighbours has been extensively studied by both Polish, Russian and Ukrainian scholars, but most often without an appropriate theoretical framework. This article aims at filling this gap. The realism assumes that states define their interests in terms of power, and they compete for power, as well as for assets, which form its material basis. The realist paradigm is of importance for the analysis of the Polish policy towards the post-Soviet space. Indeed, since the 1990s, Poland has seen the Russian Federation as a challenge – and later a threat – because of its assertive policy. Despite their largely unequal potential, the two countries compete in the common neighbourhood, in particular in Ukraine.²

The structure of the article is the following. In the first part the realist theory of IR is presented. The second part focuses on the existing literature of the topic. The third part discusses the determinants and the aims of the Polish policy towards the post-Soviet region. The last one analyses its evolution from 1991 to 2021.

Poland's Foreign Policy and Realism: Back to the Basics

Realism is commonly associated with T. Hobbes' concept of "the war of all against all," which assumes that states define their interests in terms of power. Power is an objective category, which is universally valid, but its meaning may change over the time. In other words, power is the control of human over human. Realism attaches a lesser role to morals and principles, even if it does not deny either their existence or influence on foreign policy.³

In the light of classical realism, the conflict that is inherent to international relations can be explained by human nature. At the same time, the neorealists believe that the international system's anarchical structure stands as a primary source of uncertainty and power struggle.⁴ Defensive realists claim that, under certain conditions (a solid

1 See, for example Staar 1962.

2 Szeptycki 2020.

3 Morgenthau 1985, 4–17.

4 Mearsheimer 2003, 21.

national identity or technological development, for example), the war-causing potential of anarchy can be attenuated. Meanwhile, offensive realists argue that even today states cannot be confident in their security and must always view an increase of another state's power as a threat. This is why they are tempted to expand or otherwise strengthen themselves.¹

According to H. Morgenthau states compete for power, as well as for assets, which form the material basis of their military power, such as population or wealth.² They compete in particular for domination over third countries: "the pattern of the struggle for power (...) is here not one of direct opposition, but of competition."³ States may adopt either a policy of status quo, or a policy of imperialism; a third possibility is the policy of prestige, which is rarely an end in itself, but more often an instrument of the policy of status quo or imperialism.⁴

In that context, smaller states can choose one of the two basic security strategies: balancing or bandwagoning. According to K. Waltz, balancing strategy assumes that states will in particular form alliances with other powers to balance against great powers, while the bandwagoning referred to the policy of states, which ally with the great powers seeking their security assurance.⁵ S. Walt proposed a slightly different understanding of the two concepts. He believed that states perceive the external environment not through the prism of distribution of power, but through the level of threat, depending on the geographic proximity, offensive capabilities and perceived intentions. They respond to threats in two ways – by balancing (allying against the threat) or bandwagoning (allying with the threat). Among the less powerful states the balancing behaviour is much more popular; many ideological alliances were in fact a form of balancing.⁶ R.L. Schweller disagreed with the supposed opposition between balancing and bandwagoning. The aim of balancing was self-preservation and the protection of the assets already possessed (balancing always entails some costs related to their protection), while the bandwagoning was motivated by the opportunity for gain. The presence of significant external threat was necessary for effective balancing; in case of bandwagoning it was not required.⁷

IR Scholarship on Poland's Foreign Policy

Since the 1990s, Poland's Eastern policy (a term that is broadly more popular than "policy towards the post-Soviet space") has been extensively studied both in Poland and, to a lesser extent, in some post-Soviet and Western countries.⁸ This is particularly true of Poland's relations with Russia and Ukraine

Poland's policy towards the Russian Federation and the bilateral relations between the two countries have been studied in detail by J. Gorska,⁹ M. Stolarczyk,¹⁰

1 Wohlforth 2016, 39.

2 Mearsheimer 2003, 55–83.

3 Morgenthau 1985, 188–189.

4 Ibid., 52–100.

5 Waltz 1979, 117–127.

6 Walt 1989, 5.

7 Schweller 1994, 74, 106.

8 Burant 1996; Fedorowicz 2007; Bieler 2019.

9 Gorska 2010.

10 Stolarczyk 2016.

R. Lisiakiewicz,¹ N. Bukharin,² I. Yazhborovskaya,³ A. Rotfeld and A. Torkunov.⁴ A number of Polish and foreign authors have also analysed Poland–Russia relations in their historical context,⁵ focusing in particular on the most controversial episodes in their shared past, such as the Katyn massacre.⁶ Scholars have scrutinized the evolution of bilateral relations over the past 30 years, in particular such key events as the crash of Polish presidential plane in Smolensk in 2010.⁷ Several works have been published on the security aspects of Poland–Russia relations,⁸ as well as the politics of memory in the two countries.⁹ In terms of economics, the energy sector has dominated the expert discussion, most notably Poland's position on the Nord Stream 2 pipeline project.¹⁰ There have also been a number of publications on Poland and the Kaliningrad Region,¹¹ specifically on Poland's policy towards the Russian exclave.

Poland's policy towards Ukraine has been analysed in depth by K. Fedorowicz,¹² P. Kuspys,¹³ O. Boryniak, W. Walak, I. Hurak,¹⁴ K. and R. Wolczuk,¹⁵ as well as A. Szeptycki.¹⁶ Sectorial analyses have covered the evolution of political relations between the two countries,¹⁷ the role of energy issues¹⁸ and Ukrainian migration to Poland,¹⁹ as well as the different interpretations of historical events between the two countries, particularly those of the 1940s.²⁰ Several studies have been devoted to the Polish contribution to the political and economic transformation of Ukraine and to Poland lobbying of the latter's interests in the European Union.²¹

The publications on Poland's bilateral relations with other post-Soviet countries are less numerous. The regional approach predominates,²² with studies of Poland's policy towards the ULB region²³ and the Eastern Partnership countries being particularly abundant.²⁴ The *Yearbook of Polish Foreign Policy* published by the Polish Institute of International Affairs is a notable exception, as it includes almost article on Poland's policy towards Belarus,²⁵ and, less frequently, on its relations with the South Caucasus and Central Asia.²⁶

Most of the above-mentioned publications (at least those relative to IR studies) is that they lack a theoretical framework. Notable exceptions here are the works of such

1 Lisiakiewicz 2011; Lisiakiewicz 2018.

2 Бухарин 2014.

3 Язборовская et al. 2009.

4 Торкунов 2010.

5 Nowak 2008.

6 Sandford 2005; Cienciala et al. 2008.

7 See, for example, Khalitova et al. 2020.

8 See McGwire 1998; Lisiakiewicz 2018.

9 Reeves 2010; Fredheim 2014; Bunevich 2018.

10 Roth 2011.

11 Zieliński 2012; Żukowski, Chełminiak 2015.

12 Fedorowicz 2004.

13 Kuspys 2009.

14 Boryniak et al. 2013.

15 Wolczuk, Wolczuk 2003.

16 Szeptycki 2019a.

17 Szeptycki 2010, Hurak 2015.

18 Sydoruk et al. 2019.

19 Jaroszewicz 2018, Nagornyak et al. 2020.

20 Snyder 2002.

21 Adamczyk, Zajączkowski 2012.

22 Chojan 2018.

23 Burant 1993; Barwiński 2013.

24 Copsey, Pomorska 2010.

25 Dyner 2017.

26 Wyciszkiewicz 2008.

authors as A. Nowak,¹ who applied the imperial studies concepts to Poland's relations with its Eastern neighbours (in particular Russia), S. Bieliń and A. Skrzypek,² who analyzed the Poland–Russia relations through the prism of geopolitics, S. Bukharin and N. Rakitiansky who proposed to study them through the concept of “limitrophisation”, V. Feklyunina,³ who opted for social constructivist approach or A. Dudek who claimed that a theoretical eclecticism was the best solution to understand the relations between the Russian Federation and Poland.⁴ Though not that many articles took on some sort of theoretical digestion of Poland's foreign policy, there are no realist studies on Poland's policy, which sometimes aborts the country of its agency in international lieu. This article aims at partially filling this gap by analysing Poland's Eastern policy through the lenses of the realist theory of international relations.

Eastern Policy: Determinants and Aims

Poland's Eastern policy is largely shaped by the history of its relations with the regional nations. Poland (or, to be more precise, the Polish-Lithuanian Commonwealth) was a major player in the region in the XVI–XVII centuries. Later Poland became dependant on Imperial Russia and the USSR. This complex past explains the interest of Poland in its Eastern neighbours, as well as the importance and the multitude of its policies. Speaking in terms of *cultural underpinning* of its policy, Poland's goals in that area can be summarized in three points. First, Polish foreign policy aims to protect the heritage of its presence in the East: this concerns in particular old Polish cemeteries, catholic churches and other Polish architectural monuments, as well as Polish ethnic minorities in the post-Soviet states. Second, Poland seeks to advance the “historical truth,” that is, an interpretation of the common Eastern European past that would conform to the Polish historiography.⁵ Third, Poland hopes to overcome the conflicts of historical memory, in particular through seeking historical events and figures that could serve as common symbols for both Poland and some of its Eastern partners. It should be noted that the last two aims are at least partially contradictory.

The *ideological foundations* of Poland's Eastern policy are defined by the political thought of J. Piłsudski, R. Dmowski, J. Giedroyc and the “Solidarity” trade union. J. Piłsudski, the main founder of independent Poland in 1918, saw Russia (later the Soviet Union) as the biggest threat. For this reason, he favoured cooperation with Germany and Austria–Hungary, and the creation of a federation of the nations that had once formed the Polish–Lithuanian Commonwealth. R. Dmowski, J. Piłsudski's coeval and political rival, thought the biggest threat came from Germany, and thus favoured cooperation with Russia. He also wanted to create a unitary nation-state.⁶ These two opposites approaches continue to shape Poland's Eastern policy today. J. Giedroyc and his collaborators from *Kultura*, a monthly journal published by a group of Polish *émigrés intellectuels* in France and then smuggled to communist Poland, were the first

1 Nowak 2006; Nowak 2008.

2 Bieliń, Skrzypek 2012.

3 Feklyunina 2012.

4 Dudek 2016.

5 See Reeves 2010.

6 Davies 2005b, 55.

among the Polish elites to recognize both the right of ULB for independence and their post-war borders, even if they included cities of major importance for Poland, such as Lviv and Vilnius. J. Giedroyc's political thought was popular among the Polish political elites following the fall of communism, and was instrumental in the establishment of peaceful relations with Poland's Eastern neighbours.

One of the major factors that shapes Poland's policy in the region today is *security challenges*. Since the early 1990s, the post-Soviet space has been seen as highly volatile due to the number of domestic and regional conflicts, the high level of crime and corruption, etc. Poland has been particularly worried by Russia's policies, both within the post-Soviet space and outside it. This position has been motivated by Polish historical memory as well as a drastic asymmetry of power potential between the two states in favor of Russia (for a detailed elaboration see Table). Security challenges also include Poland's energy dependence on Russia. Eighty-nine percent of Poland's foreign gas imports in 2016, and 60% in 2019, came from Russia.¹ This makes the nation to seek to balance such an asymmetry: leveraging highly asymmetric networks by a greater state H. Farell and A. Newman called "weaponized interdependence."² The challenges emanating from the post-Soviet space are therefore of major importance for Poland's security policy. However, the responses to these challenges have been primarily formulated without regional partners, as Poland's security policy has been based essentially on its membership in NATO (and to a lesser degree the EU) and close bilateral cooperation with the United States.³ Nevertheless, Poland is pursuing some projects with post-Soviet partners, such as the Polish-Ukrainian Peace Force Battalion, which would later become the Lithuanian-Polish-Ukrainian Brigade, or the Odessa-Brody pipeline project, which was to be a part of the Eurasian petroleum transport corridor connecting Caspian producers and EU consumers, which never got off the ground.⁴

Table.

**POLAND AND RUSSIA: MAJOR POWER INDICATORS
РОССИЯ И ПОЛЬША: КЛЮЧЕВЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ МОЩИ**

	Poland	Russia
Surface area (thousand square kilometres)	312,7	17,0982
Gross domestic product (2019, in billion dollars)	596	1699
Military expenditure (2019, current billion dollars)	11,9	65,1
Composite Index of National Capability (2012)	0,005493	0,0400789

Source: Correlates of War Project, "National Material Capabilities (v5.0)," accessed April 1, 2021, http://correlatesofwar.org/data-sets/national-material-capabilities/nmc-v5-1/at_download/file.

Note: *The Composite Index of National Capacities* is based on six indicators – military expenditure, military personnel, energy consumption, iron and steel production, urban population, and total population. For more see Singer 1987.

1 Vitaly Yermakov, "Poland Counts the Cost of Turning Down Russian Gas Taps," Financial Times, June 17, 2020, accessed February 2, 2021, <https://www.ft.com/content/78d764c1-b60d-478d-9c7e-a4a9d860edcb>.

2 Farell, Newman 2019.

3 Kuźniar, Szeptycki 2005; Balcerowicz 2011.

4 Szeptycki 2019a, 105–106, 149–152.

Poland's accession to the North Atlantic Treaty Organization in 1999 and the European Union in 2004 have for many years been seen not only as important tool of Poland's security policy, but also as the most reliable path towards modernization and the confirmation of the successful transformation of Poland launched in 1989 and its belonging to the West. It was thought that membership in both organisations would also strengthen Poland's position in international relations and to serve as a tool of its foreign policy, in particular with regard to the post-Soviet space. Poland aims to bring its Eastern neighbours (or at least some of them, such as Ukraine, Moldova and Georgia) closer to West, both through the implementation of Western (EU) standards in these countries and through the development of cooperation between these states and the Western structures. In Poland's opinion, such an approach meets the needs of both these former Soviet countries and Poland. If Ukraine, Moldova and Georgia were to accept Western (EU) standards, this would mean improved democracy and the supremacy of the rule of law in these countries. Moreover, it would facilitate economic reforms and improve the standard of living. NATO accession would be the best of the available ways to guarantee security. At the same time, the expansion of Euro-Atlantic structures eastward would relieve Poland of its status as a border state at the point of contact between the EU/NATO and the post-Soviet space. Increased internal stability in the Eastern European and South Caucasus republics would also reduce migration pressure and the threat that a political crisis in the region could bring, potentially turning one of its neighbours into a fallen state.¹

Concluding, since 1990s two key dimensions of Polish Eastern policy were, first, to develop Poland's and Western institutions' relations with the post-Soviet states (in particular Ukraine, in a lesser way other EaP countries) and second to prevent the rise of influence of the Russian Federation in Central and Eastern Europe.²

Evolution of Poland's Policy

Poland's Eastern policy from 1991 to 2021 can be divided into five main stages, which correspond partially to internal political changes in Poland. After the fall of communism in Poland (1989), the new foreign policy was largely shaped by the former "Solidarity" advisors and the first non-communist minister of foreign affairs, K. Skubiszewski, who focused in particular on obtaining confirmation of Poland's borders and regaining full sovereignty. In 1990, Poland launched a so-called dual-track policy aimed at maintaining diplomatic relations with the Soviet Union and developing contacts with Soviet republics bordering Poland. In the summer of 1991, Poland was instrumental in the eventual disbandment of key Soviet bloc institutions – the Warsaw Pact and the CMEC. In December 1991, Poland was the first country in the world to recognise the independence of Ukraine, which laid the ground for the development of good relations between the two countries. In 1992, it signed interstate treaties with Russia, Ukraine and Belarus. Poland also negotiated the withdrawal of Soviet troops from the country, with a preliminary agreement being reached in 1991 and the last remaining soldiers being pulled out

1 Szeptycki 2019a, 63–64.

2 Makarychev 2018; Szeptycki 2020.

in 1993. The basic aims of Poland's foreign policy during that period had thus been achieved.¹

From 1993 up to the eve of the new millennium, Polish foreign policy focused on accession to the North Atlantic Alliance and the European Union. It perceived the membership in NATO and the alliance with the US as the best guarantee of its security, in particular against Russia. It hoped also that close cooperation with the United States might bring it some additional profits (which is basically out of scope of this article), such as elimination of the American visa regime for Polish passport holders, easier purchase of the US military equipment, access to the oil fields in the Middle East etc.² Such an attitude can be qualified as a typical bandwagoning strategy. Polish *désintéressement* for the Eastern neighbours was also due partly to the situation in the region. From 1993, the relations between Russian Federation and the West became more conflictual, in particular because of the planned NATO Eastern enlargement, Russia was very critical about.³ The attempts to improve bilateral relations launched by the post-communist Democratic Left Alliance that came to power in 1993 proved to be unsuccessful.⁴ In Belarus, Lukashenko opted for rapprochement with Russia, which limited the possibilities of cooperation. In fact, the only potentially interesting partner left was Ukraine. And, starting in 1996, President of Poland A. Kwaśniewski and President of Ukraine L. Kuchma worked tirelessly to bring their countries together and develop bilateral relations.

As the membership in NATO (1999) and EU (2004) became a fact, Poland adopted a more active Eastern policy aiming at bringing its neighbours (in particular Ukraine) closer to the Western structures,⁵ in particular to counterbalance the Russian influence in the region. It played a major role in the resolution of the political crisis during the Orange Revolution (2004), which led to the election of the pro-Western V. Yushchenko as president. Poland's cooperation with Ukraine went from strength to strength, with the countries winning their joint bid to host the 2012 UEFA European Football Championship in 2007. At the same time, relations with Russia deteriorated considerably.⁶ The Russian authorities saw the Orange Revolution as a plot against the Russian interests in the region. Within a few years, the post-2004 enthusiasm of Polish foreign policymakers had progressively faded away. The Yushchenko team proved to be largely unable to introduce the necessary reforms in Ukraine. Historical problems continued to poison relations between Poland and Ukraine. Poland's lobbying for Ukraine to become a member of the North Atlantic Alliance and the European Union was unsuccessful, one of the reasons being the opposition of Russia, which was very critical about granting Ukraine the NATO Membership Action Plan (NATO Bucarest summit, 2008).

All these factors made Poland adopt a more realistic approach towards the Eastern neighbourhood. When Donald Tusk's Civic Platform came to power in 2007, its immediate goal was to reset relations with the Russian Federation. And he achieved a

1 Menkiszak 2001.

2 Kuźniar, Szeptycki 2005.

3 See McGwire 1998.

4 Kuźniar 2009, 171–172.

5 See for example Rotfeld 2005, 10.

6 Goldman 2006.

modicum of success in this regard. In 2009, then Prime Minister V. Putin was the guest of honour at an event to commemorate the 70th anniversary of the start of the Second World War in Poland. In 2010, the Polish presidential plane crashed near Smolensk Airport, as representatives of Polish elites were heading to Katyn to pay homage to the Polish officers who were killed there in 1940. All the passengers and crew members, including President L. Kaczyński and his wife, died. It initially appeared as though the tragedy might contribute to a rapprochement between the two countries, but it soon became a divisive issue, primarily because the sides blamed each other for the crash.¹ At the same time, Poland redefined its policy towards other post-Soviet states, opting for more limited, but tangible aims. In 2008, Poland and Sweden proposed a new instrument of cooperation with the post-Soviet neighbours to EU. The Eastern Partnership was launched the very next year by the European Union and its six neighbours – Ukraine, Belarus, Moldova, Georgia, Armenia and Azerbaijan. The EU offered these states association agreements, the creation of Deep, Comprehensive Free Trade Areas (DCFTA), the prospect of a visa-free regime, and cooperation on energy.² Within few years, the EU-Ukraine Association Agreement had become an issue of major importance. From 2011 to 2013, the European Union was reticent to sign the agreement because democratic standards had deteriorated under President V. Yanukovych. Poland lobbied for the agreement to be adopted, fearing that the isolation of Ukraine may strengthen Russian influence there. The EU had a change of heart in 2013, but this time it was Ukraine that decided not to sign the agreement, and this is what led to the Euromaidan. Poland, together with Germany and France, unsuccessfully mediated between the Ukrainian authorities and opposition. The Polish side considered the fall of Yanukovych and the change of power in Ukraine as a success of democratic and pro-Western forces. The international consequences of the Euromaidan (the incorporation of Crimea and the war in Donbas) were seen by Poland as major challenge for both Polish and European security. For that reason, Poland consistently opted for EU sanctions against the Russian Federation.

In 2015, major political changes took place in Poland, as the Law and Justice party won both the presidential and parliamentary elections. The new authorities adopted a unanimously pro-American foreign policy, perceiving the US as the best guarantee of Poland's security against Russia. At the same time, they were less interested in cooperation with the post-Soviet countries. Poland came back to the bandwagoning strategy at the expense of the cooperation with its Eastern neighbours.

The Polish government has remained critical of Russia, especially in the context of the conflict in Donbas. This policy has brought some tangible results within Western structures. The EU has continued its policy of targeted sanctions against Russia. In accordance with the decision made at the 2016 Warsaw Summit of the North Atlantic Treaty Organization, NATO troops have been present in Poland since 2017. And construction of Nord Stream 2 appears to have stopped completely, even though most of the pipeline has already been finished. However, some key bilateral problems remain unsolved. Despite efforts from the Polish side, part of the Soviet archives related to

1 See Drzewiecka, Hasian 2018; Khalitova et al. 2020.

2 Korosteleva 2014.

the Katyn massacre remains classified and therefore inaccessible to Polish and Western scholars, while the wreckage of the presidential plane is still in Russia. What is more, relations between Poland and the rest of the European Union have faltered as of late, which has weakened the country's influence on the European Union's Eastern Partnership policy and damaged the EU's unity against Russia. That notwithstanding, Poland has not followed in the footsteps of Hungary, which is trying to balance its poor relations with the EU through cooperation with Russia. Relations with Ukraine have also cooled, in particular because of the nationalist historical policies of the post-revolutionary authorities in Ukraine and the Law and Justice party in Poland. In 2015, the Ukrainian parliament recognized the Ukrainian Insurgent Army (UPA) as fighters for the country's independence, which angered the Polish authorities. In 2018, Poland changed the law on the Polish Institute of National Remembrance, equating the Ukrainian underground during the Second World War to the Nazis, which deepened the crisis in bilateral relations. These changes were later recognized as contrary to the constitution, and thus not valid, by the Polish Constitutional Tribunal. The two countries have embarked on a relatively successful reset in their relations following the election of V. Zelensky as President of Ukraine in 2019. In 2020, the presidents of the two countries reaffirmed their commitment to the Poland-Ukraine "strategic partnership."

Relations with Belarus remain basically unchanged. For a time, the Polish authorities sought a rapprochement with Belarus (in 2017–2018), probably to prove the effectiveness of their Eastern policy, but with no tangible results. Poland supported the protests in Belarus against the falsified presidential elections in August 2020, and that September, Svetlana Tikhanouskaya was officially received by Prime Minister of Poland Mateusz Morawiecki.¹ However, it is Lithuania, not Poland, that has become one of the main proponents of the democratic transformation of Belarus in the region.²

Conclusions

The analysis of Poland's policy towards the post-Soviet states (mainly Russia, Ukraine, and Belarus) brings some insight into the realist theory of international relations. First, Poland perceives Russia as a threat. Such a situation is due to a strong asymmetry of capabilities between the two countries disfavours Poland and other factors described by S. Walt. In Poland's opinion, the attempts to establish stable partner relations with the Russian Federation (after 1993, 2007–2010) have failed, forcing it constantly to seek solutions to strengthen itself against Russia. In that context, for the last 30 years, Poland has adopted two types of strategies. First, it aimed at joining NATO and establishing close ties with the US. Such policy was motivated both by the need to face the Russian threat and the hope of realizing additional gains through cooperation with the United States (this last topic being basically out of the scope of this article). This strategy was predominant in Poland's foreign policy in the 1990s and again since 2015. It has brought tangible results – in 1999, Poland became a member of the North Atlantic Alliance, and since 2017 it has hosted NATO military forces.

1 "Polish PM, Tsikhanouskaya Discuss Help for Belarusian Opposition," Polish Radio, October 21, 2020, accessed February 4, 2021, <https://www.polskieradio.pl/395/7785/Artykul/2605415,Polish-PM-Tsikhanouskaya-discuss-help-for-Belarusian-opposition>.

2 Kinga Raś, "The End of Lithuania's Cautious Friendship with Belarus," Bulletin 1635, no. 205, Polish Institute of International Affairs, October 8, 2020, accessed February 4, 2021, <https://pism.pl/file/4c074df7-0ca4-449e-9318-dae0d630aa20>.

Second, Poland has been striving to strengthen cooperation with its other post-Soviet neighbors (in particular Ukraine) and bring them closer to NATO and the EU. Such policy aimed, in particular, at weakening (counterbalancing) the Russian influence in the region; that is why it might be qualified as a peculiar type of balancing strategy.

In that aspect, Poland's policy led to competition with Russia over Ukraine, which was visible during the Orange Revolution, at the NATO Bucharest summit, or during the talks on the EU-Ukraine association agreement.

Also, the balancing strategy brought mixed results. Ukraine has not followed the Belarussian model, rejecting the authoritarian political system and pro-Russian policy, even though it has remained a highly corrupt and unstable country. As for Belarus and other post-Soviet states, Poland has largely proven unable to influence the desired changes. Such a situation is due to several factors: the relative lack of interest of Western countries in former Soviet states, Poland's limited political and economic potential, and Russia's unwavering interest in its "close neighborhood."

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Белые пятна, черные пятна: сложные вопросы в российско-польских отношениях. Научное издание / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда., М.М. Наринского. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 823 с. [Torkunov, Anatoliy V., Adam D. Rotfel'd, eds. *White Spots, Black Spots: Complex Issues in Russian-Polish Relations* [Belye piatna, chernye piatna: slozhnye voprosy v rossijsko-pol'skikh otnosheniiakh]. Moscow: Aspekt Press, 2010] [In Russian].

Бухарин, Н.И. Россия–Польша: опыт двадцатилетних отношений: 90е годы XX века – первое десятилетие XXI века. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 204 с. [Bukharin, Nikolai I. *Russia-Poland: Twenty-Year Experience: 1990s - First Decade of the Twenty-First Century* [Rossija – Pol'sha: Opyt dvadtsatiletnih otnoshenii: 90-e gody XX veka – pervoe desiatiletie XXI veka]. Moscow: Nestor-Istoriia, 2014] [In Russian].

Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. 2-е изд. – М.: РОССПЭН, 2009. – 519 с. [Yazhborovskaya, Inessa, Anatoliy Jablovkov, and Valentina Parsadanova. *The Katyn Syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish Relations* [Katynskiy sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossijsko-pol'skikh otnosheniiakh]. Moscow: ROSSPYEN, 2009] [In Russian].

Adamczyk, Artur, and Kamil Zajęczkowski, eds. *Poland in the European Union: Adjustment and Modernisation. Lessons for Ukraine*. Warsaw: Centre for Europe, University of Warsaw, 2012.

Balcerowicz, Bolesław. "Poland's Involvement in Euro-Atlantic Security." In *Poland's Foreign Policy in the 21st Century*, edited by Stanisław Bieliński, 132–146. Warsaw: Difin, 2011.

Barwiński, Marek. "Polish Interstate Relations with Ukraine, Belarus and Lithuania After 1990 in the Context of the Situation of National Minorities." *European Spatial Research and Policy* 20, no. 1 (2013): 5–26.

Bieliński, Stanisław, and Andrzej Skrzypek, eds. *Geopolityka w stosunkach polsko-rosyjskich* [Geopolitics in Polish-Russian relations]. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2012 [In Polish].

Bieliński, Stanisław, and Andrzej Skrzypek, eds. *Pamięć i polityka historyczna w stosunkach polsko-rosyjskich* [Memory and historical policy in Polish-Russian

relations]. Warszawa: Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, 2017 [In Polish].

Bieliński, Stanisław, ed. *Polityka wschodnia Polski – między fatalizmem geopolitycznym a klątwą niemocy* [Poland's Eastern Policy - Between Geopolitical Fatalism and the Curse of Impotence]. Warszawa: Oficyna Wydawnicza, 2019 [In Polish].

Boryniak Oleh, Marta Walak, and Ihor Hurak, eds. *20 rokiv polsko-ukrains'kykh vidnosyn. Razom chy okremo?* [20 years of Polish-Ukrainian relations. Together or Apart?] Ivano-Frankivsk: Vydavnytstvo Prykarpatskoho natsionalnoho universytetu imeni Vasyla Stefanyka, 2013 [In Ukrainian].

Bunevich, Dmitri S. "The 'Strategic Thanatos' of Poland Trapped Midway between the Past and the Present." *Russia in Global Affairs* 4, no. 4 (2018): 72–94. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-72-94>.

Burant, Stephen R. "International Relations in a Regional Context: Poland and its Eastern Neighbours—Lithuania, Belarus, Ukraine." *Europe – Asia Studies* 45, no. 3 (1993): 395–418. <https://doi.org/10.1080/09668139308412098>.

Burant, Stephen R. "Poland's Eastern Policy, 1990–95: The Limits of the Possible." *Problems of Post-Communism*, 43, no. 2 (1996): 48–55. <https://doi.org/10.1080/10758216.1996.11655669>.

Chojan, Adrian. "From Strategy to Improvisation – Poland's Eastern Policy in 2016–2018." *Yearbook of the Institute of East-Central Europe* 16, no. 4 (2018): 107–123.

Cienciala, Anna M., Natalia S. Lebedeva and Materski Wojciech. *Katyn: A Crime Without Punishment*. New Haven: Yale University Press, 2008.

Copeland, Dale C. "The Structural Challenge to Structural Realism: A Review Essay." In *Constructivism and International Relations: Alexander Wendt and His Critics*, edited by S. Guzzini and A. Leander, 1–20. Abingdon: Routledge, 2006.

Copsey, Nathaniel, and Karolina Pomorska. "Poland's Power and Influence in the European Union: The Case of its Eastern Policy." *Comparative European Politics* 8, no. 3 (2010): 306–324. <https://doi.org/10.1057/cep.2009.3>.

Davies, Norman. *God's Playground: A History of Poland: Volume 1: The Origins to 1795*. Oxford: Oxford University Press, 2005a.

- Davies, Norman. *God's Playground: A History of Poland: Volume 2: 1795 to the Present*. Oxford: Oxford University Press, 2005b.
- Drzewiecka, Jolanta A., and Marouf Hasian. "Discourses of the Wound and Desire for the Other: Remembrances of the Katyń Massacre and the Smoleńsk Crash." *Review of Communication* 18, no. 3 (2018): 231–248. <https://doi.org/10.1080/15358593.2018.1479883>.
- Dudek, Adrianna. "Użyteczność analitycznego eklektycyzmu w badaniu stosunków Polski z Rosją" [The Utility of Analytical Eclecticism in the Study of Poland's Relations with Russia]. *Stosunki Międzynarodowe – International Relations* 2, no. 52 (2016): 39–70.
- Dyner, Anna M. "Poland's Policy Towards Belarus." In *Yearbook of Polish Foreign Policy*, edited by Sławomir Dębski, 153–163. Warsaw: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. <https://www.pism.pl/file/64670a5d-c382-4916-a97c-9aceb861fa66>.
- Farrell, Henry, and Abraham L. Newman. "Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion." *International Security* 44, no. 1 (July 2019): 42–79. doi:10.1162/isec_a_00351.
- Fedorowicz, Krzysztof. "National Identity and National Interest in Polish Eastern Policy, 1989–2004." *Nationalities Papers* 35, no. 3 (2007): 537–553. <https://doi.org/10.1080/00905990701368761>.
- Fedorowicz, Krzysztof. *Ukraina w polskiej polityce wschodniej w latach 1989–1999* [Ukraine in Polish Eastern Policy from 1989 to 1999]. Poznań: Adam Mickiewicz University in Poznań Press, 2004.
- Feklyunina, Valentina. "Russia's foreign policy towards Poland: Seeking reconciliation? A social constructivist analysis." *International Politics* 49, no. 4 (2012): 434–448.
- Fredheim, Rolf. "The Memory of Katyn in Polish Political Discourse: A Quantitative Study." *Europe-Asia Studies* 66, no. 7 (2014): 1165–1187. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.934135>.
- Goldman, Minton F. "Polish–Russian Relations and the 2004 Ukrainian Presidential Elections." *East European Quarterly* 45, no. 4 (2006): 409–428.
- Gorska, Joanna A. *Dealing with a Juggernaut: Analyzing Poland's Policy toward Russia, 1989–2009*. Lanham: Lexington Books, 2010.
- Hurak, Ihor. "Ukraine and Poland: Challenges to Strategic Partnership." *Oriens Aliter. Journal for Culture and History of the Central and Eastern Europe* 2, (2015): 20–39.
- Singer, David J. "Reconstructing the Correlates of War Dataset on Material Capabilities of States, 1816–1985." *International Interactions* 14, (1987): 115–132.
- Jaroszewicz, Marta. *Migration from Ukraine to Poland*. Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2018.
- Khalitova, Liudmila et al. "He Who Pays the Piper, Calls the Tune? Examining Russia's and Poland's public Diplomacy Efforts to Shape the International Coverage of the Smolensk Crash." *Public Relations Review* 46, no. 2 (2020): 1–17. <https://doi.org/10.1016/j.pubrev.2019.101858>.
- Korosteleva, Elena. *Eastern Partnership: A New Opportunity for the Neighbours*. London: Routledge 2014.
- Kuspys, Piotr. *Współczesne stosunki polsko-ukraińskie. Polityka. Gospodarka. Wojsko. Sektor pozarządowy* [Contemporary Polish–Ukrainian Relations. Politics. Economy. Military. Governmental Sector]. Kraków: Institute for Strategic Studies, 2009 [In Polish].
- Kuźniar, Roman, and Andrzej Szeptycki. "The Role of the United States in the Foreign Policy of the Third Republic of Poland." In *Bridges Across the Atlantic? Attitudes of Poles, Czechs and Slovaks Towards the United States*, edited by Lena Kolarska-Bobińska, Jacek Kucharczyk, and Piotr M. Kaczyński, 115–151. Warsaw: Institute of Public Affairs, 2005.
- Kuźniar, Roman. *Poland's Foreign Policy after 1989*. Warsaw: Wydawnictwo Naukowe Scholar, 2009.
- Lisiakiewicz, Rafał. "Poland's Conception of European Security and Russia." *Communist and Post-Communist Studies* 51, no. 2 (2018): 113–123. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2018.04.001>.
- Lisiakiewicz, Rafał. *Polityka Rosji wobec Polski za prezydentury Władimira Putina (2000–2008)* [Russia's Policy Towards Poland under President Vladimir Putin (2000–2008)]. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2011 [In Polish].
- Makarychev, Andrey. "Normative and Civilisational Regionalisms: The EU, Russia and their Common Neighbourhoods." *The International Spectator* 53, no. 3 (2018): 1–19. <https://doi.org/10.1080/03932729.2018.1483630>.
- McGwire, Michael. "NATO Expansion: 'A Policy Error of historic importance.'" *Review of International Studies* 24 (1998): 23–42. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2346.2008.00769.x>.
- Mearsheimer, John J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton & Company, 2003.
- Menkiszak, Marek. "Difficult Neighbourhood: The Security Question in Polish Relations with Soviet Union and Russia." In *Poland's Security Policy 1989–2000*, edited by Roman Kuźniar, 125–170. Warsaw: Scholar, 2001.
- Morgenthau, Hans. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf, 1985.
- Nagornyak, Tetyana, Iuliia Pachos, and Pavlo Bezuglyi. "Migration Processes in Modern Ukrainian–Polish Discourse." *European Journal of Transformation Studies* 8, no. 1 (2020): 33–48.
- Nowak, Andrzej, ed. *Rosja i Europa Wschodnia: „imperiologia” stosowana* [Russia and Eastern Europe: "Applied Imperiology"]. Kraków: Wydawnictwo Arcana, 2006 [In Polish].
- Nowak, Andrzej. *History and Geopolitics: A Contest for Eastern Europe*. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2008.
- Pęczyńska-Nałęcz, Katarzyna. *How Far Do the borders of the West Extend? Russian/Polish Strategic Conflicts in the Period 1990–2010*. Warsaw: Centre for Eastern Studies, 2010.
- Reeves, Christopher. "Reopening the Wounds of History? The Foreign Policy of the 'Fourth' Polish Republic." *Journal of Communist Studies and Transition Politics* 26, no. 4 (2010): 518–541. <https://doi.org/10.1080/13523279.2010.519189>.
- Rotfeld, Adam Daniel. "Government Information on the Polish Foreign Policy in 2005." In *Yearbook of Polish Foreign Policy*, edited by Sławomir Dębski, 9–15. Warsaw: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. Warsaw: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. <https://www.pism.pl/file/64670a5d-c382-4916-a97c-9aceb861fa66>.
- Roth, Mathias. "Poland as a Policy Entrepreneur in European External Energy Policy: Towards Greater Energy Solidarity vis-à-vis Russia?" *Geopolitics* 16, no. 3 (2011): 600–625. <https://doi.org/10.1080/14650045.2011.520865>.
- Sanford, George. *Katyn and the Soviet Massacre of 1940: Truth, Justice and Memory*. London: Routledge 2005.
- Schweller, Randall L. "Bandwagoning for Profit: Bringing the Revisionist State Back In." *International Security* 19, no. 1 (1994): 72–107. <https://doi.org/10.2307/2539149>.
- Snyder, Timothy. "Memory of Sovereignty and Sovereignty Over Memory: Poland, Lithuania and Ukraine, 1939–1999." In *Memory and Power in Post-War Europe: Studies in the Presence of the Past*, edited by Jan-Werner Müller, 39–58. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. doi:10.1017/CBO9780511491580.002.
- Snyder, Timothy. *The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus 1569–1999*. New Haven: Yale University Press, 2003.
- Staar, Richard Felix. *Poland, 1944–1962: The Sovietization of a Captive People*. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1962.
- Stolarczyk, Mieczysław. *Rosja w polityce zagranicznej Polski* [Russia in Poland's Foreign Policy]. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2016 [In Polish].
- Sydoruk, Tetiana, Pavlo Stepanets, and Iryna Tymciuk. "Nord Stream 2 as a Threat to National Interests of Poland and Ukraine." *Studia Politica. Romanian Political Science Review* 19, no. 3–4 (2019): 467–490.

Szeptycki, Andrzej. "Poland versus Russia: Competition in Ukraine." *East European Politics and Societies: and Cultures*, 2020. <https://doi.org/10.1177%2F0888325420950803>.

Szeptycki, Andrzej. "Polish Knowledge Regarding the Transformation in Ukraine: A Case Study." In *Three Revolutions: Mobilization and Change In Contemporary Ukraine. Volume I. Theoretical Aspects and Analyses on Religion, Memory and Identity*, edited by Paweł Kowal, Georges Mink, and Iwona Reichardt, 359–392. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2019b.

Szeptycki, Andrzej. "Polish–Ukrainian Relations: From the Success of the 'Orange Revolution' to Russia-first Policy." *Polish Quarterly of International Affairs* 19, no. 3 (2010): 5–25.

Szeptycki, Andrzej. *Contemporary Relations between Poland and Ukraine. "The Strategic Partnership" and the Limits Thereof*. Berlin: Peter Lang, 2019a.

Walt, Stephen M., *The Origins of Alliances*. Ithaca: Cornell University, 1987.

Waltz, Kenneth N. *Theory of International Politics*. New York: McGraw-Hill, 1979.

Wohlforth, William C. "Realism and Foreign Policy." In *Foreign Policy. Theories, Actors, Cases*, edited by Steve Smith, Amelia Hadfield, and Tim Dunne, 35–53. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Wolczuk, Katarzyna, and Roman Wolczuk. *Poland and Ukraine: A Strategic Partnership in a Changing Europe? Maintaining a Strategic Partnership Through a New Iron Curtain?* London: Chatham House, 2003.

Wyciszkiewicz, Ernest. "Poland's Policy Regarding Countries of South Caucasus and Central Asia." In *Yearbook of Polish Foreign Policy*, 234–249. <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=54847>.

Zieliński, Miłosz J. "Cross-Border Co-Operation between the Kaliningrad Oblast and Poland in the Context of Polish–Russian Relations in 2004–2011." *Lithuanian Foreign Policy Review* 28 (2012): 11–42.

Żukowski, Arkadiusz, and Marcin Chelminiak. "Polish–Russian Cross-Border Cooperation from the Perspective of Polish Foreign Policy. General View." *Regional Formation and Development Studies* 17, no. 3 (2015): 181–188.

Author

Andrzej Szeptycki,

Professor, Department of Strategic Studies and International Security,

Faculty of Political Science and International Studies,

University of Warsaw. Warszawa, Poland,

ul. Żurawia 4, room 406, 40700-503.

e-mail: andrzej.szeptycki@uw.edu.pl

Additional information

Received: February 15, 2021. Accepted: April 15, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Szeptycki, Andrzej. "Polish Take on Realism: Poland's Policy Towards the Former Soviet Countries, 1991–2021." *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 132–145.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-132-145>

Реализм по-польски: политика Польши в отношении бывших советских республик, 1991–2021 гг.

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется восточный вектор политики Польши в отношении постсоветского пространства через теорию реализма международных отношений. В первой части статьи рассматриваются ключевые положения реалистской теории международных отношений, во второй – существующая литература о внешней политике Польши. В третьей части автор рассматривает детерминанты политики Польши в отношении постсоветских государств (история ее отношений с регионом, идеологические основы ее политики, существующие вопросы безопасности и т.д.). В последней части автор задается вопросом об эволюции политики Польши до настоящего времени. Российская Федерация воспринимается Польшей как значительная угроза. В этом контексте с начала 1990-х гг. Польша искала решения для укрепления своей безопасности. Она стремилась присоединиться к Североатлантическому альянсу и установить тесное партнерство с Соединенными Штатами (в реалистской парадигме – примыкание, *bandwagoning*). Эта стратегия принесла существенный эффект: в 1999 г. Польша вступила в НАТО и с тех пор на ее территории размещены войска союзников. Польша также стремилась развивать сотрудничество с Украиной (в большей степени, чем с другими постсоветскими соседями) и приблизить их к евроатлантическим структурам. Эта политика была направлена, в частности, на ослабление влияния России в регионе (в реалистской парадигме – балансирование, *balancing*). Однако результаты этой стратегии оказались неоднозначными. Несмотря на то что Украина отвергла продвигаемые Россией проекты реинтеграции в постсоветское пространство, процесс реформ в этой стране идет медленно. Что касается других постсоветских государств, то Польша в основном оказалась неспособной повлиять на желаемые политические изменения в этих странах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Польша, внешняя политика, Россия, Восточная Европа, реализм

Сведения об авторе

Анджей Шептицкий,

профессор кафедры стратегических исследований и международной безопасности,
Факультет политических наук и международных исследований,

Варшавский университет. Варшава, Польша,

ul. Żurawia 4, комната 406, 40700-503.

e-mail: andrzej.szeptycki@uw.edu.pl

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 15 февраля 2021. Принята к публикации: 15 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование

Шептицкий, А. Реализм по-польски: политика Польши в отношении бывших советских республик, 1991–2021 гг. // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 132–145.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-132-145>

Belarusian Nationalism: Taking Stock of Its Accomplishments

Grigory Ioffe

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-146-161>

ABSTRACT

Belarus is a country with a blurred identity that has not cut the umbilical cord connecting it with Mother Russia. According to a representative national survey of April 2020, only 25 percent of Belarusians would prefer to retain statehood and national sovereignty of Belarus even if their living standards worsen whereas 52 percent would opt for limited sovereignty if it is the price to pay for retaining or improving the quality of life. This may be the best-kept secret of Belarus and it has implications more serious than just economic dependency on Belarus's eastern neighbor. Belarus used to be a contested borderland claimed by both Russians and Poles. Today, it is a country with two historical narratives and nation-building blueprints that have been confronting each other since the inception of the Belarusian national movement. While the neo-Soviet/Russo-centric narrative has held sway over the majority of Belarusians, the Westernizing narrative was hard-hit on several occasions but has been making headway since Gorbachev's Perestroika. Pluses and minuses of two narratives and the attempts at bridging the gap between them are analyzed. There are essentially two kinds of divisions in Belarusian society: between the respective projects of nation-building and between Lukashenka loyalists and his detractors. These two divisions do not quite coincide, but there is a growing tendency to couch the ongoing political crisis in nationalist terms. The point is made that a lack of cohesive Belarusian identity is an existential threat to Belarusian statehood.

KEYWORDS

Belarusian nationalism, Lukashenka, national identity, historical memory

This article contains reflections over history and unaccomplished mission of Belarusian nationalism. By all accounts, the Belarusian nation is still a work in progress which has much to do with bifurcation or lingering duality of collective memories and attendant nation-building blueprints of Belarus.

I drew basic ideas about nationalism from seminal contributions by A.D. Smith and M. Hroch.¹ “Nationalism” is a tricky term. In Russian, its connotation used to be overwhelmingly negative and synonymous to xenophobia. While this is not always the case today, it still is for the most part. In English, “nationalism” is frequently negative, too, but its neutral and even positive meaning – along the lines of dedication to a national cause is widespread. In that sense, absent nationalism, there can be no nation-building.

With respect to Belarus, the notion of nationalism is in particular need of semantic noise cleansing. At least from the beginning of the Soviet era, asserting Belarusianness has been tantamount to insisting that Belarus is no Russia. Consequently, only those propagating the idea of Belarus’s detachment from Russia and its leaning toward the collective cultural West have been referred to as nationalists. These *westernizing nationalists* discerned proto-Belarus in the Great Duchy of Lithuania, a consistently European entity, unlike barbaric and Asiatic Muscovy. On the contrary, the implicit or explicit followers of the so-called West-Rusism,² i.e., those insisting on inherent ties between Belarus and Russia that supposedly fall within a single civilization, but still seeing Belarus as a separate national community, have never been called nationalists, which does not seem to make sense.

For a long time, Belarus was perceived by its neighbors, Russians and Poles, as a contested borderland – for a simple reason that Russian and Polish nationalisms have emerged earlier than Belarusian. Within that borderland, the ancestors of today’s Belarusians were a *demotic ethnies*,³ i.e., a predominantly peasant group without upper classes, which paid allegiance to Russian or Polish national causes, whereas the members of that demotic group itself used to identify as *tutejshiya*, that is, locals. Within the contested borderland, frequent changes in religious affiliation reflected the ebbs and flows of the perennial tug of culture war between Poland and Russia whereby Polish influence sustained itself even without a Polish state, non-existent from 1795 to 1919. Thus, from 1596 to 1838, most, up to 70%, of locals belonged to the Uniate or Greek Catholic Church that combined Orthodox liturgy with subordination to the Vatican – the consequence of the 1596 Union of Brest that itself resulted from political authority of the Grand Duchy of Lithuania and from weakened ties with Muscovy. At the same time, landlords on Belarusian lands were for the most part Roman Catholics. Following the 1838 reunification of the Uniates with their parental Orthodox Church – as a result of renewed subordination to Moscow and ensuing Russia’s attempts to root out Polish influence in the wake of three uprisings (1794, 1830, and 1863), quite a few local Catholics switched to Orthodoxy. But during subsequent liberalization in the Russian Empire,

1 Smith 1999; Hroch 2000.

2 A theory, according to which Belarusians may be looked at as a separate ethnicity but only within the confines of the Russian world. One of the founders of this influential theory was Mikhail Koyalovich (1828 – 1891).

3 Smith 1999, 83.

following the 1905 Religious Tolerance Manifesto, many of those converts reverted to Catholicism.¹

It looks like up until the late 1920s, a niche for Belarusian nationalism that emerged at the very end of the 1800s was minuscule and fragile as “anything that used to be elevated above the illiterate peasant existence, be that church, school, or officialdom, automatically became either ‘Russian’ (and Orthodox) or ‘Polish’ (and Catholic).”² And that is despite the fact that folklore expeditions organized by the ideologues of West-Rusism had described what they saw as Belarusian ethnicity as early as the 1860s.³

In his 1922 tragicomedy *Tutejshiya* (Locals), the Belarusian poet and playwright Yanka Kupala ridiculed his main character Mikita Znosak for his proclivity to change his identity to adjust to whoever takes control of his homeland. When the Poles did, he would become Nikitsiusz Znosilowski, but when Russians did he would become Nikitii Znosilov. Two important characters of the play are two “scientists,” the Western one and the Eastern one. Both have local roots. But whereas the Western Scientist sees his native land as imperfect Poland, speaks Polish, and wants it to become impeccably Polish, the Eastern Scientist believes that Belarus is imperfect Russia and wants it to become impeccably Russian. The vicissitudes of Belarusian 20th century history, almost entirely shaped by forces external to Belarus, provided that “Western scientists” did not prevail.

The Belarusian Westernizers first caused a stir in 1918 and 1919 when the Belarusian People’s Republic (BPR) claimed limited sovereignty under the German military occupation. However, after the Bolsheviks rejected the BPR, Poland reemerged on the political map of Europe (1919), and the war broke out between it and Soviet Russia. The areas populated by Belarusians were then (in 1921) divided between Poland and Russia in the wake of that war. The BSSR was proclaimed in the eastern section of the “ethnographic Belarus.” In Poland, Belarusians were looked at as a nuisance possessing weak national feeling and destined to be Polonized within a couple of decades. A bitter legacy of Polish-Belarusian class antagonisms whereby Belarusians used to be peasants and Poles landlords exacerbated this attitude with a lasting memory of hurt feelings on the part of Belarusians.

Within the BSSR, the Belarusian Westernizers (a.k.a., nationalists) and the de facto followers of West-Rusism represented two mutually hostile groups. Both with local roots, they were trying to curry favor with the communist regime. Initially, the regime favored the nationalists. Three reasons seem to explain that counterintuitive and short-lived preference. First, Great Russian chauvinism had been given a bad name by Vladimir Lenin himself, and in the early 1920s, fighting it was still on the communist agenda. Second, in order to undo territorial losses, Moscow decided to cast the BSSR as the “true” Belarusian home (as opposed to western Belarus, where Belarusians suffered discrimination by the Poles). Last, but not least, religion was now considered the “opium of the people,” and West-Rusism had been leavened by the Russian Orthodox teachings. As a result, the Westernizers (a.k.a., nationalists) received official support and obtained leverage out of proportion to the size and grassroots influence of their

1 Терешкович 2009, 191–225.

2 Мешковская 2003, 28.

3 Булгаков 2006.

group. They even attracted their ideological brethren from Poland, who relocated to the BSSR, and together they launched the linguistic Belarusianization campaign as part of the Soviet *Korenizatsiya* (Indigenization) policy (1922-28) designed to nurture a bond between indigenous population of every Soviet republic and the Bolsheviks. So aggressively did local bureaucrats begin to implant the Belarusian language into public domain that the locals, on whose behalf this effort was ostensibly made, launched a grassroots resistance to it, especially in Mogilev and Gomel oblasts.¹

By the late 1920s, however, the backers of West-Rusism had regrouped. They could no longer appeal to the authority of the Russian Orthodox Church. Instead, they appealed to the Soviet state, this bastion of “proletarian internationalism,” and labeled Belarusian nationalists Polish spies. Although nationalists themselves had some success in casting their more numerous opponents as Russian chauvinists and closet Orthodox Church supporters,² the Soviet reincarnation of West-Rusism gained the upper hand. Many proponents of the Belarusian national idea were condemned as *natsdems* (national democrats, a code word for an ideological corruption of true Leninism) and were then exiled to the deep interior of Russia. Those arrested or exiled in 1930 and 1931 were, for the most part, subsequently released, but many were imprisoned yet again in 1937 and 1938. This time, Stalinist repressions were more ruthless, and most prisoners labeled as *natsdems* lost their lives.

When in 1941 Germany invaded the Soviet Union, they perceived Belarus as “nothing more than a vague geographical term.”³ By 1943, however, due to success of Moscow-led underground partisan movement, Germans decided to exploit Belarusian patriotism. After the war, precious little was heard about Belarusian Westernizers – up until Gorbachev’s Perestroika. The manuscript by Mikola Yarmalovich “In the Wake of a Myth,”⁴ maintaining that the Grand Duchy of Lithuania was in fact a Belarusian State, circulated among Belarusian intellectuals since as early as the late 1960s⁵ but was published only in 1989.

The Westernizing impulses did not vanish, however, and the allure of high living standards in the “more civilized” West explains their tenacity, if only in part. Consequently, Belarus entered the 21st Century with two “national projects,” i.e., blueprints of Belarusian nation-building. The Westernizing project aims at (eventually) successful introduction of the Belarusian language into public domain and making it the only official language of Belarus. The project envisages Belarus as part of the collective West, with well-functioning market economy and social welfare state.

The Russo-centric project sees Belarus as a close ally of Russia and as a part of the Eurasian Union. It insists on Belarus’s belonging to the same “civilization” as its eastern neighbor. It recognizes Belarusian as a native language of Belarus but alongside Russian and does not seek enforced or consistent replacement of the latter by the former. Although each project is primarily about the future, it derives from and

1 Rudling 2014.

2 The ideological attack on Yevfimii Karski orchestrated by the editor of the Minsk-based daily *Zviazda* in 1927 is just one example of this “success.” Рублевская, Л., Скалабан, В. Околонаучный спор // Беларусь сегодня. 20 января 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/okolonauchnyy-spor.html> (дата обращения: 21.02.2021).

3 Vakar 1956, 263.

4 Ермолович 1989.

5 20 лет назад погиб создатель романтического мифа о ВКЛ Микола Ермолович. Вспоминают друзья // Наша Ніва. 5 марта 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=247225&lang=ru> (дата обращения: 21.02.2021).

is packaged with a corresponding version of national memory as a prerequisite for shaping that future.

Strengths and Weaknesses of the Two National Projects

In today's Belarus, more than one-quarter of the population has lived their entire life under one and the same political leader, A. Lukashenka. He proved to be a divisive character. Attitudes toward him polarized Belarusians even more than the availability of two national projects. Minsk-based intellectuals never stopped passing caustic judgments about him. The gist of the matter is not just extraordinary longevity of his leadership but also his state farm (sovkhoz) origins and an autocratic style. Most middle-aged and elderly Belarusians, however, do remember what they voted for in the 1995 and 1996 referendums, held early on during A. Lukashenka's tenure.

A strength of the Russo-Centric project is its use of and commitment to the language of the staggering majority of Belarusians. In Belarus, most interpersonal, bureaucratic, scientific, and technological communication is in Russian, which effectively presents itself as a cultural norm. The Russo-Centric project is not nearly as elitist as the Westernizing/nativist one and is not detached from the larger society. A weakness of the project is a lack of its own consistent historical narrative going beyond 1917 and of a detailed blueprint for the future that would transcend the statement that Belarus should be a close ally of Russia but maintain its own statehood. Also missing is a convincing explanation of Belarusians' differences from Russians. In 2018, one of the public intellectuals of the Russo-centric project averred that "Belarus and Belarusian culture are simply a sustained regional version of Russian culture."¹ In many ways, the Russo-Centric national project remains a work in progress. Its activists seem to form a community when there is a shared sense of danger, but they become atomized when it recedes.

The most frequent criticisms levelled against the neo-Soviet strain of collective memory are that it is a product of indoctrination and that it pays inadequate attention to pre-Soviet history – as if Belarus did not exist before 1917. To some extent, both criticisms are valid. Secondary schooling in history is subject to government control. At the same time, though, that Belarus's pre-Soviet history is not easy to imagine and canonize has to do with the fact that ethnic-Belarusian self-awareness itself is a product of the 20th century. Even the self-name – Belarusians – was internalized by ordinary people of the area during the Soviet period. Therefore, if that time frame is seen as foundational by quite a few members of the national community, this is because it is. Moreover, the neo-Soviet strain of national memory does not dismiss the pre-Soviet history in principle. Rather, it gives little weight to it.

The Westernizing version is no younger than the neo-Soviet one. It can be traced to the survey of Belarusian history authored by Vatslav Lastouski's and published in 1910. By his own assertion, his survey was meant to help set Belarusians free from Russian oppression.² Later on, however, Westernizing narratives of Belarusian history were dealt a blow on two aforementioned occasions: in the 1930s and during the war.

1 Шевцов 2018, 148.

2 Ластоўскі 1993.

Although younger people and residents of Minsk are more avid Westernizers than the rest of Belarus's population, O. Manaev, the founder and head of Belarus's most reputable polling firm, ISEPS, has long noticed that growing older spells transition to more Russo-centric beliefs. Apparently, as Belarusian age, these beliefs come across to them as more organic and germane to everyday life in Belarus; so, they face a dilemma – "either adapt to them or leave the country."¹

The principal components of the Westernizing version of Belarusian historical memory are as follows. Relations between Belarus and Russia are those between a colony and the metropolis; by all means, it is necessary to break the umbilical cord, which still connects Belarus with Russia. Belarus is a European community that should return to Europe. During the Second World War, two equally alien forces fought each other on the territory of Belarus – Nazism and Stalinism – and Belarusians fell victim to this clash. Post-war material progress tied Belarus to Russia even more. Meanwhile, Belarusians should shake off the layers of Soviet history and recall their European roots.

The strengths of the Westernizing project are its close-knit community united by commitment to the Belarusian language and an anticolonial liberation philosophy, including resistance to Russian cultural domination. In such a way, the community in question positions itself as nativist. Given the overall shortage of traits by which to distinguish Belarusians from Russians, language may indeed be seen as the most important agent of nation-building.

Some of the weaknesses of the Westernizing project are the extensions of its strengths. The project's community bears a resemblance to a sect detached from the country's mainstream society. If "nationalism is essentially the general imposition of high culture on society,"² then one may claim that the project executes this function well, considering the unfriendly political climate. Such media outlets as the *Arche* magazine, the *Nasha Niva* online newspaper, the *Belsat* digital TV channel, and especially the Belarusian Service of Radio Liberty set standards of high culture, Belarusian style. The problem of the nativist cultural elite, however, is that it is still deficient in terms of sheer numbers. To some extent, this is the case because the members of the elite are often perceived as arrogant; they demand an uncontested monopoly on Belarusian patriotism and tend to accuse all those who speak Russian or disagree with their perspective on history of having ulterior motives.

The legacy of unsuccessful Belarusianization campaigns also does not help the project, nor does the Westernizing community's blanket negativism toward the Soviet period, which is the longest period of Belarusians' nationally conscious existence to date.

Creole Nationalism as the Cheshire Cat

Two national projects are far apart and their sustained mutual detachment implies existence of two different communities albeit under a single collective name, Belarusians. But their equally mutual excommunication from Belarussianness risks undermining even a nominal unity, reflected by that name. Indeed, in most European countries, be that Poland, Russia, Germany or France, domestic political

1 Манаев 2011, 15–18. Manaev (Манаев) reiterated the same observation at the November 2019 convention of the Association for the Advancement of Slavic, East European and Eurasian Studies, in San Francisco, while responding to a question by George Krol, the US ambassador to Belarus in 2003–2006.

2 Gellner 1983, 57.

arguments rarely, if ever, lead to casting doubt about someone's belonging to the same national community. "You are no Russian if you disagree with me," is not a commonly used formula. In Belarus, it is a norm, much like in neighboring Ukraine. If you feel a closeness to Russia, you are a sellout. Likewise, if you feel part of (Western) Europe, you are a sellout in the eyes of the people on the other side of the "barricade."

It is then nothing short of a paradox that in Belarus, elements of national consolidation (i.e., bridging the gap between two national projects and between two versions of collective memory) have been provided by the authoritarian political regime of A. Lukashenka. This is a paradox because this regime is as close to the Soviet incarnation of West-Rusism as it could be, sustaining domination of Russian in public domain and insisting on a neo-Soviet version of historical memory.

However, A. Lukashenka's regular squabbles with the Kremlin required some distancing from Russia. Going back to the September 2002 V. Putin's groundbreaking suggestion that for Belarus to enjoy domestic Russian oil prices, it ought to let its regions join Russia one by one, these squabbles took place on multiple occasions. Each time mutual tensions were on the rise, some rhetorical confirmation that though close to Russia, Belarus is no Russia at all was called for; and each time it was borrowed from the Westernizers' memory cache.

In such a way, the official version of Belarusian nationalism came to deviate from the purest brand of the neo-Soviet memorial cult. During the early years of the 21st Century, this deviation was for the time being bestowed its idiosyncratic name, "Creole nationalism." That label was borrowed from M. Ryabchuk, a Ukrainian philosopher who spent about ten years calling into question dichotomies like Russians/Ukrainians, Ukrainian speakers/Russian speakers, and nationally conscious/mankurty.¹ For M. Ryabchuk, Creoles were those Ukrainians who enthusiastically support Ukrainian statehood, yet speak Russian as their primary language and distance themselves from other sociocultural aspects of Ukrainianness.²

Arguably, the manifestations of official, a.k.a. Creole, nationalism culminated in the following three episodes.

1) March 25, 2018, public concert devoted to the centennial of the Belarusian People's Republic. While the open-air concert in the park attached to Minsk's Opera House was organized exclusively by the Belarusian Westernizers, a.k.a. opposition, the fact that the event was allowed by the authorities was a major deviation from the mantras held dear on the Russo-Centric side of the divide and in Russia itself.³

2) May 12, 2018, opening of the monument to Tadeusz Kosciuszko in Merechiovshchina, Brest Oblast, the place of his birth. Symbolically, both the official green-red and the now unofficial white-red-white flags of Belarus were fluttering next to each other at that ceremony.⁴

1 These are creatures whose historical memory was surgically removed from their brain; they are pictured by Chingiz Aitmatov in his 1980 hallmark novel *The Day Lasts More Than a Hundred Years*.

2 Рябчук 2000.

3 Grigory Ioffe, "Belarus's Freedom Day: Post-Celebration Anxieties," *Eurasia Daily Monitor*, Volume: 15, Issue: 56, accessed April 21, 2021, <https://jamestown.org/program/belarus-freedom-day-post-celebration-anxieties/>.

4 Касперович, Л. «Асоба, якая аб'яднала ўсіх». В Беларусі открыли первый памятник Тадеушу Костюшко // Tut.by. 12 мая 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/culture/592411.html> (дата обращения: 21.02.2021).

3) November 22, 2019, reburial of the remains of Konstanty Kalinovsky in Vilnius, Lithuania, with the official Belarusian delegation headed by a vice-premier present at the event and delivering public remarks in honor of Kalinovsky.¹

Yet, there have always been some red lines that the so-called Creole nationalism never crossed. It seems that A. Lukashenka's 2004 speech at Brest University, though more than 16 years old, still provides good guidance in this regard.

"In contrast to Poland and the Baltic States, Belarus never – I dare say, never ever – has been part of Western culture and the Western way of life. Yes, we were subjected to the influence of Western culture within Rzeczpospolita and the GDL. That influence, however, was short-lived. They did not succeed in implanting the Western ways then, and they probably cannot succeed today... Yes, we were, are, and will be an inalienable part of pan-European civilization, which is a mosaic of different cultures. But to the Catholic-and-Protestant... civilization, Belarus and Belarusians, who are predominantly Orthodox and for centuries coexisted in the same political setting with Russia and Russians, are alien."²

It would then be safe to say that Creole nationalism has never risen to the level of two blueprints of Belarusian nation-building, i.e., Russo-Centric and Westernizing. Moreover, like the Cheshire cat, Creole nationalism suffers from a periodic disappearance of its body. In other words, its consolidating function has been in retreat each time the Westernizers managed to seriously challenge the Lukashenka regime.

The Lukashenka Regime and the Current Political Crisis

This author devoted a book-length monograph to the understanding of the A. Lukashenka regime in cultural and geopolitical context.³ Short of immersing into the particulars of that expose, it is worth mentioning that as time went by, however, the social compact between A. Lukashenka and a critical mass of Belarusians has waned. First, horizontal ties and self-organization have developed in society, in part due to its resistance to Lukashenka's autocratic style. Second, the social group demanding rational-legal legitimacy of leadership has grown in size. It has expanded due to three major reasons. By 2020, the proportion of Belarusians with higher education had almost doubled over the course of twenty years whereas the proportion of those with elementary education had reduced sevenfold.⁴ The proportion of the private sector in Belarusian labor force has been growing slowly but by now it has exceeded 45%. Finally, Belarusians have long been the world leaders in the number of Schengen

1 Касперович, Л. Тысячи людей, БЧБ-флаги, экс-глава Беларуси и президенты. Как прошло перезахоронение Калиновского // Tut.by. 22 ноября 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/culture/661979.html> (дата обращения: 21.02.2021).

2 Ioffe 2008, 92.

3 Ioffe 2014.

4 Юры Дракахруст, "Як змяніліся беларусы за 20 гадоў," Радые Свабода, лістапад 27, 2020, accessed April 21, 2021, <https://www.svaboda.org/a/30972617.html>.

visas they received per 1000 population¹ and they have travelled to the countries of the European Union more frequently than citizens of any other post-Soviet state and thus exposed themselves to Western social practices.

These changes contributed to what most observers saw as the unusual scale of the protest movement that engulfed the country in 2020. Obviously, the movement was a response to domestic challenges such as A. Lukashenka's initial complacency about COVID-19 revealed in his several pronouncements, his sheer longevity at the helm of power, and all too glaring electoral fraud. However, except for COVID, which is just a recent phenomenon, similar challenges did not trigger this scale of public reaction in the past and therefore the significance of societal change cannot be overestimated.

For example, by most accounts, electoral outcomes were falsified on previous occasions, too, including in 2006, 2010, and 2015. Admittedly reliable surveys, however, suggested that in those years A. Lukashenka did win more than half of the vote anyway, but some 20% or so used to be added to his victorious outcome to create the impression of a landslide victory. Unlike on previous occasions, however, in 2020, A. Lukashenka's victory was in doubt, and available estimates do not dispel that doubt. This was A. Lukashenka's 26th year at the helm of power, and the societal change had reached a critical mass. Four months before the election, a survey by the Sociology Institute of the National Academy of Sciences revealed that in Minsk, A. Lukashenka's rating was 24%² and in Belarus at large 33%. The fact that two serious presidential hopefuls (V. Babariko and S. Tikhanovskiy) were jailed and the third one (V. Tsepkalov) was forced to leave the country was difficult to put up with even for those politically passive. A primitive misogynist calculation that registering a housewife S. Tikhanovskaya instead of her jailed husband would both calm passions and not present any danger to the incumbent did misfire royally.

Just like on previous occasions, in 2020, the protest movement resorted to symbols associated with the Westernizing national project. Earlier, following the March 2006 presidential election, white-red-white flags were abundantly used; also, the entire October Square, where a short-lived tent camp was set up by the protesters, was referred to as Kalinovsky Square. In December 2010, when the crackdown on a protest rally was severe but the post-election rally itself was a one-time and one-place event, its participants used both white-red-white flags and the flags of the European Union.

In 2020, the white-red-white flag, however, gained significance beyond being just a Westernizing symbol. It became the number one symbol of protest against the Lukashenka regime so the major and heretofore unbeatable argument against this flag – that it was used by the Belarusian Nazi collaborators during World War 2 – faded into the background, at least in the opinion of the protesters themselves. It appeared that the flag in question was designed by the civil engineer Claudy Duzh-Doushevsky back in 1917 that is, long before the advent of Nazism, and became the official flag of the Belarusian People's Republic so as such the white-red-white flag is seemingly beyond reproach. Such a transformative change in the flag's meaning reflects the fact that the dichotomy 'protest movement – regime loyalists' does not quite coincide

1 Grigory Ioffe, "Making Sense of News Coming out of Belarus," Eurasia Daily Monitor, Volume: 15, Issue: 124, September 7, 2018, accessed April 21, 2021, <https://jamestown.org/program/making-sense-of-news-coming-out-of-belarus/>.

2 Институт социологии НАН: В апреле уровень доверия Лукашенко в Минске составлял 24% // Tut.by. 19 июня 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/economics/689489.html> (дата обращения: 21.02.2021).

with the dichotomy of the national projects. We will return to this growing mismatch in what follows.

In any case, the brutality of the August 2020 post-election crackdown on the post-election rally and utter mutual demonization of the regime-friendly and protest-prone parts of society implied a new and most consistent retreat of Creole nationalism and fading hope for consolidation of the Belarusian society.

Appeals to Consolidation and Divisions in Belarusian Society

Even before August 9 and its immediate aftermath, appeals to extend an olive branch to the “other side” fell on deaf ears. The “regime” or those acting on its behalf evidently believed that coopting some elements of the Westernizers’ collective memory, appointing economic liberals to positions of power, and improving relationships with the West were more than enough to satisfy domestic critics. All the more so that the social base of the “regime” appeared to be alarmed even by the concessions of that magnitude. On the Westernizers’ side, a suggestion that the schism in Belarusian society was dangerous, especially against the backdrop of Belarus-Russia integration roadmaps, was rejected apparently because of unrealistic assessment of the Westernizers’ own strength, resolve, and social base.

Not to say that there were many attempts at reconciliation. The most consistent attempt of this kind was undertaken by Y. Preiherman who heads the Minsk Dialogue Council on International Relations, a structure which is sustained simultaneously by Western, primarily German funding, active cooperation with Russian think tanks, and closeness to Belarus’s Ministry of Foreign Affairs. Y. Preiherman called upon the Belarusian opposition to cut back on acrimony toward the government and evince more tolerance and restraint.¹ Y. Preiherman’s appeal elicited unusual resonance with the opposition-minded Belarusians. Almost all of them rejected that appeal.

If Y. Preiherman’s appeal did not succeed, then the attempt by Y. Voskresensky fared even worse. It was undertaken in October 2020, following two months of street protests, more specifically, after A. Lukashenka paid an unexpected visit to the KGB detention center. Y. Voskresensky who was under arrest since August 14 as an active member of V. Babariko’s electoral campaign, was released immediately following Lukashenka’s October 11 visit and began to organize roundtable debates about changes in the Constitution. Almost nobody joined his initiative and he was branded a traitor to the protest movement.

Besides the aforementioned Y. Preiherman and Y. Voskresensky, there are precious few neutral observers of the showdown in Belarusian society. According to one of them, philosopher V. Bobrovich, associate professor at the Belarusian State University, “if everything that Voskresensky is doing and saying now is caused solely by fear and a desire to adapt to the situation, then I can only express compassion. But if he does all of this consciously and out of conviction, then it is admirable. Not everyone is able to go against their milieu and not everyone is able to understand the significance of a dialogue with the authorities during this period.”²

1 “Прэйгерман: Беларуская дзяржаўнасць стаіць перад сур’ёзным выпрабаваннем,” Наша Ніва, April 14, 2020, accessed April 21, 2021, <https://nn.by/?c=ar&i=249952>.

2 Бобровиц, В. Как я отношусь к Воскресенскому // Facebook. 21 октября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://m.facebook.com/groups/1518200798509629/permalink/2694343197562044> (дата обращения: 21.02.2021).

In the context of Belarusian nationalism, perhaps even more suggestive was a replica by the blogger K. Ozimko based in Brest. It was to one of S. Tikhonovskaya's pronouncements at the December 16, 2020, Sakharov Prize award ceremony. A former presidential hopeful exiled to Lithuania, S. Tikhonovskaya became a Cinderella-like darling of European dignitaries who are fond of hobnobbing with her and of professing her moral stature and ostensibly pending leadership of Belarus. As quoted by *Belorusskie Novosti*, S. Tikhonovskaya declared that "we stood for our freedom, dignity and national identity, but we are faced with the brutal nature of the regime."¹

"I have never heard from those of my acquaintances who joined the protests that they went out to fight for 'national identity' wrote K. Ozimko. "Even those with white-red-white flags use them simply as a symbol of protest and not out of national revival motives. People are primarily concerned with issues of political, legal and socio-economic nature. And the fact that 'Belarusians rebelled because of national identity distorts reality. But this is a question for S. Tikhonovskaya's speechwriters, not for herself. The team that works with her is [...] experienced in politics and understands what exactly Europeans might like. Theses about national identity of Belarusians will be highly appreciated there. This is a geopolitical tool to distance the Belarusian population from the Russians as much as possible. In fact, the leaders of the protest movement are guided by their own interests and live in their own reality. Whereas ordinary protesters who sincerely want changes in the country (not towards nationalism, but towards freedom, including freedom of choice of language, identity and views) live – in their own."

The Vitebsk-based ardently Russophile activist E. Mirsalimova observed in her Facebook account that now it is too late to explain to Belarusian college students that "the white-red-white flag is exclusively a symbol of traitors, fascist accomplices who killed and tortured Soviet people during the Great Patriotic War. This explaining was due some ten years ago." Today these people are grownups and they are brought up by the secondary school system that indoctrinated them "on the opposition of the Grand Duchy of Lithuania to Moscow, on the myths about the Polish heroes Kosciuszko and Kalinovsky posing as Belarusian, on the distortion of the history of the Great Patriotic War ('this is not our wars'), on the ban of the Immortal Regiment, on the slow and gradual, but total de-Russification and national embroidery, on the 'multi-vector' and in fact, anti-Russian rhetoric, and that was all done under total dominance of pro-Western – 'educational and cultural' and allegedly non-political NGOs and against the backdrop of internal political, social and economic crises, and elections conducted with gross violations."²

A similar framing of the ongoing political crisis in Belarus as a struggle for the soul of Belarusian nation occurs in the West. Here are the musings that *The Economist* posted after interviewing Ms. S. Tikhonovskaya in December 2020.³ A son of V. Viachorka, a former leader of the Belarusian Popular Front, F. Viachorka, mentioned by *The Economist*, is a leading member of S. Tikhonovskaya's team of advisors. This team

1 Коровенкова, Т. Светлана Тихановская: без свободной Беларуси Европа тоже не до конца свободна // Белорусские новости. 16 декабря 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://naviny.media/article/20201216/1608125034-svetlana-tihanovskaya-bez-svobodnoy-belarusi-evropa-tozhe-ne-do-konca> (дата обращения: 21.02.2021).

2 Elvira Mirsalimova, Facebook, January 3, 2020, accessed April 21, 2021, <https://www.facebook.com/profile.php?id=100020986359715>.

3 "An interview with Svetlana Tikhonovskaya, Belarus's leader in exile," *The Economist*, December 3, 2020, accessed April 21, 2021, <https://www.economist.com/europe/2020/12/05/an-interview-with-svetlana-tikhonovskaya-belaruss-leader-in-exile>.

consists almost entirely of the old Belarusian opposition. Its Westernizing message never gained popularity in Belarus, in part due to public personae of the messengers engaged in client-patron relations with their European and American sponsors and not accountable to ordinary Belarusians.

Importantly, when the protests just started and for at least three months thereafter, one of the most frequently reported features of the protest movement was a lack of “geopolitical leaning,” that is, leaning to the West at the expense of Russia. Moreover, some Western analysts described all three major contesters of Belarusian presidency (V. Babariko, V. Tsepkalo and S. Tikhanovsky) as Kremlin’s creatures.¹ Some surveys revealed that 60% of Belarus’s urban population want Belarus to be a member of the Russia-centered military alliance, Collective Security Treaty Organization; this willingness is shared by 48% of those sympathetic to the protest movement.²

It is all the more remarkable that by the late autumn of 2020, the procrustean bed of two projects of nation-building and their mutual rivalry had fully reappeared as the lens through which both Russian and Russia-leaning commentators, on the one hand, and Western pundits, on the other, see the political crisis in Belarus. Whereas the exiled part of the protest movement raises the issue of reclaiming true European Belarus, their nemeses with increasing frequency talk about cementing ties with Russia and occasionally even about the unification of two countries.

Predictably, most active on both sides are converts, i.e., those who changed teams either initially supporting A. Lukashenka and then switching to the opposition (like A. Feduta) or vice versa, like A. Dzermant. A convert to the “regime’s” side, A. Dzermant came up with a candid replica to S. Kurginyan who called for the unification of Russia and Belarus at all costs. Whereas to A. Dzermant, this idea is worth discussing, he harbors a suggestive misgiving. To him, a solid part of Russia’s entrepreneurial class, including oligarchs, is wedded to the idea of becoming a part of the collective West. So, in case of unification, two “fifth columns,” that of Russia and that of Belarus, may collude and sell the entire unified Russia-Belarus entity out to the West.

Discussion

A bitter societal split is an existential problem of Belarus. Unlike Russia that in Huntington’s terms is a torn country, Belarus is rather cleft than torn. “Torn” is an expression of belonging largely to one civilization whereby a certain group (Russian Westernizers in this case) would like to make the country a part of the other. In contrast, “cleft” is an expression of parts of one country belonging to different civilizations to begin with. While the spatial pattern of ostensibly civilizational divide in Belarus is not nearly as vivid as in Ukraine (as neither the Grodno Oblast nor the former *Wilenski kraj* (now straddling the border between Belarus and Lithuania) are quite equivalent to Ukrainian Galicia, the hotbed of Ukrainian nationalism, the western part of Belarus has contributed tremendously to migration-induced growth of Minsk, of its entrepreneurial class, and therefore indirectly, to the protest potential of the capital

1 Vlad Socor, “A Belarusian Revolution? What Kind?” Eurasia Daily Monitor, Volume: 17, Issue: 156, November 4, 2020, accessed April 21, 2021, <https://jamestown.org/program/a-belarusian-revolution-what-kind-part-two/>.

2 Юры Дракахруст, “Навошта беларусам Расея? Тлумачаць Баграцоў, Вячорка, Котаў і Ляшчэня,” Радыё Свабода, сеньжань 28, 2020, accessed April 21, 2021, <https://www.svaboda.org/a/31023245.html>.

city's population. That is primarily because the demographic erosion of west-Belarusian countryside through outmigration occurred more than a couple of decades later than in Belarus's east so until recently the western part of Belarus was still in possession of a large pool of prospective migrants whereas the eastern part was not.

Given Belarus's modest population size of 9.4 million people and the degree of its dependency on Russia, not just economic dependency but also deriving from existence in the Russia-centered information space, Belarus divided against itself appears to be vulnerable as a state. The April 2020 survey conducted by the Belarusian Analytic Workroom headed by A. Vardomatsky exposed one facet of this vulnerability. When asked whether they were ready "to preserve the sovereignty of Belarus even at the cost of lowering the living standards of citizens," only 24.9% of respondents answered positively. However, maintaining the standard of living even at the cost of giving up sovereignty was supported by 51.6%. As such, only a quarter of Belarusians consider sovereignty an unconditional value worthy of defending.¹ This result echoes those drawn from surveys in 2010 and 2013² and flies in the face of claims by the protest movement sympathizers that they represent the entire Belarusian society or much of it.

Belarus's societal split has two dimensions: a mutual opposition of two largely antagonistic projects of Belarusian nationhood, on the one hand, and a conflict between A. Lukashenka loyalists and the middle-class protest movement, on the other. The latter dimension smacks of a broader-based phenomenon whereas the former is a manifestation of high culture, at least nominally. While these aspects of societal division do not exactly match, there is a tendency to couch the political crisis in nationalist terms. As a result, there is currently no shortage of attempts to describe self-organization and coordination of the protest movement as the eventual arrival of the Belarusian nation-building's mature stage.

Thus, the popular blogger I. Tyshkevich observes that the current crisis makes Belarusians face the question, who we are and why we live together on a common land. I. Tyshkevich thinks nation-building implies different social groups finding common language and it is still a work in progress.³

"A nation is sometimes defined as a community of people capable of collective, purposeful, spontaneous action," opines the leading Belarusian ethnographer P. Tereshkovich. "These are actions that do not require a formal leader, management, order or even appeal. The year of 2020 in Belarus gives many corresponding examples, but personally, I was most impressed by the attitude of people to the official celebration of July 3 – almost nobody celebrated... There were no calls for that. It is an image of a common collective feeling and understanding of the moment. For a long time, Belarusians had a negative self-perception, a stable negative auto-stereotype. Such a phenomenon, the so-called stigmatization, is quite widespread among the Balkan peoples, such as 'there has never been happiness on this land and

1 «Оплот независимости – это 25–28% белорусского населения». Социологи провели исследование о суверенитете // Наша Ніва. 24 июля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=255834&lang=ru> (дата обращения: 21.04.2021).

2 Мельянцева, Д., Артеменко, Е. Геополитические предпочтения белорусов: слишком прагматичная нация? // The Baltic Course. 19 апреля 2013. [Электронный ресурс]. URL: http://www.baltic-course.com/rus/_analytics/?doc=73630 (дата обращения: 21.04.2021).

3 Ihar Tyshkevich, "Навагодняе (разважаны, віншаваны з нагоды году Зубра)," Youtube, January 1, 2021, accessed April 21, 2021, <https://www.youtube.com/watch?v=wBH8ENvBp3I>.

there won't be because we are in the Balkans.' The year of 2020 for Belarusians was a step towards overcoming negativism. We even engaged in self-admiration – we are 'incredible.'"¹

A more nationalist-prone historian A. Pashkevich discerns the same phenomenon but bemoans the fact that Belarusian nation-building has rather taken civil than ethnic path. This is because the spread of the Belarusian language leaves much to be desired.²

While these observations are not misplaced, their attendant problem lies in the fact that those not partaking in the protest movement – and they make up a significant part of Belarusians – are not taken into consideration. How significant is their proportion is a matter of debate, particularly in the absence of reliable surveys. But observations of O. Manaev, a reputable sociologist who conducted national surveys in Belarus on a quarterly basis from the early 1990s to the autumn of 2016, when the government effectively eliminated his polling firm, the share of regime loyalists is by no means smaller than one-third of adult Belarusians.³

To be sure, since 2016, A. Lukashenka's base has most probably contracted both at the expense of utmost Russophiles like E. Mirsalimova and of moderate Westernizers, who like the Minsk tour guide S. Kudziakin used to see A. Lukashenka as a "necessary evil," as nobody else, in his opinion, could reliably keep Russia at bay, but who changed his mind following the last elections.⁴ How significant this contraction has been is, again, a moot point. As recently as 2018, when asked to rank the importance of several values, 45.3% of Belarusians assigned priority to maintaining order in the nation; 28.2% emphasized fighting rising prices; whereas only 19.6 % prioritized "giving people more say," and only 6.9 % claimed protecting freedom of speech is most important.⁵ While the events of 2020 may have altered these preferences, their truly revolutionary rearrangement appears unlikely, which suggests that maintaining order may still be the utmost preference of quite a few people.

The necessity of national consolidation is occasionally recognized on both sides of the divide as was evidenced by repeated pronouncements by Y. Preiherman and in fact by A. Lukashenka himself who included an appeal to national unity in his most recent New Year address.⁶ None of these appeals, however, has been taken seriously. Especially given that each side of the divide, the A. Lukashenka loyalists and the protest movement, is engaged in what the philosopher V. Bobrovich calls "appropriation of the people,"⁷ implying that it speaks for the entire society and considers its vis-à-vis to be traitors not worthy of taking into consideration.

1 Дзьмітры Гурневіч, "Ці адбылося ў 2020 дафармаваньне беларускай нацыі? Меркаваньні гісторыкаў," Радые Свабода, сеньжань 31, 2020, accessed April 4, 2021, <https://www.svaboda.org/a/31028391.html>.

2 Ibid.

3 Социолог: 50% плюс 1 голос могли не набрать и Лукашенко, и Тихановская // Deutsche Welle. 4 октября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/oleg-manaev-501-golos-mogli-ne-nabrat-ni-lukashenko-ni-tihanovskaja/a-55131952> (дата обращения: 21.04.2021).

4 Siarzhuk Kudziakin, Facebook, January 1, 2021, accessed April 21, 2021, <https://www.facebook.com/MindouhCahlanski>.

5 Белорусы за 10 лет стали более счастливыми, но менее доверчивыми – социолог о результатах Всемирного исследования ценностей // SmartPress. 14 декабря 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://smartpress.by/news/2834/?fbclid=IwAR01PgWj9vwlc60_0ajSaDPjOmyVfUKYQp81YjXsQc5BAdG5SI3HYvSHqMk (дата обращения: 21.04.2021).

6 Поздравление Александра Лукашенко с Новым годом – 2021 // Sputnik.by. 1 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik.by/society/20210101/1046536310/Pozdravlenie-Aleksandra-Lukashenko-s-Novym-godom--2021.html> (дата обращения: 06.05.2021).

7 Viacheslav Bobrovich, Facebook, January 2, 2021, accessed April 21, 2021, <https://m.facebook.com/vbobrovich>.

Still, recognizing and somehow addressing the problem of split identity cannot be swept under the rug indefinitely. Arguably, it jeopardizes Belarus's existence as a sovereign nation much more than economic and political dependency on external centers of power.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ / REFERENCES

- Булгаков, В. История белорусского национализма. – Вильнюс: Институт белорусистики, 2006. – 331 с. [Bulgakov, Valer. *History of Belarusian Nationalism*. [Istoriya Belorusskogo Natsionalizma] Vilnius: Institut Belorusistiki, 2006] [In Russian].
- Манаев, О. Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение / Под ред. Олега Манаева. – СПб.: «Невский простор», 2011. – 346 с. [Manaev, Oleg, ed. *Youth and Civil Society in Belarus: a New Generation*. [Molodiozh i Grazhdanskoye Obshchestvo v Belarusi: novoe pokolenie] Saint Petersburg: "Nevsky Prostor", 2011] [In Russian].
- Терешкович, П. Пограничье как судьба: метаморфозы идентичности в восточноевропейском пограничье // *Ab Imperio*. – 2009. – № 1. – С. 191–225. <https://doi.org/10.1353/imp.2009.0084>. [Tereshkovich, Pavel. "Borderland as Destiny: Identity Metamorphoses in the Borderlands of Eastern Europe." [Pogranichye kak soudba: Metamorfozy identichnosti v vostochnoyevropeiskom pogranichye] *Ab Imperio*, no. 1 (2009): 191–225]. [In Russian].
- Шевцов, Ю. Война на Украине. Трансформация Европы. – Москва: РГГУ, 2018. – 288 с. [Shevtsov, Yuriy. *The War in Ukraine. The Transformation of Europe*. [Voina na Ukraine. Transformatsiya Evropy] Moscow: RSUH, 2018] [In Russian].
- Gellner, Ernest. *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press, 1983.
- Hroch, Miroslav. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. New York: Columbia University Press, 2000.
- Ioffe, Grigory. *Reassessing Lukashenka: Belarus in Cultural and Geopolitical Context*. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2014.
- Ioffe, Grigory. *Understanding Belarus and How Western Foreign Policy Misses the Mark*. Lanham: Rowman and Littlefield, 2008.
- Mečkovskaya, Nina B. *Belorussky yazyk: Sotsiolinguisticheskie ocherki*. Munchen: Verlag Otto Sagner, 2003.
- Rudling, Per Anders. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2014.
- Smith, Anthony D. *The Ethnic Origins of Nations*. London: Blackwell, 1999.
- Vakar, Nicholas. *Belorussia: The Making of a Nation*. Cambridge: Harvard University Press, 1956.
- Ермолович, Н.И. *По следам одного мифа* [In the Footsteps of a Myth]. Минск: Наука и техника, 1989 [In Belarusian].
- Ластоўскі, Vatslav. *Кароткая гісторыя Беларусі* [Brief History of Belarus]. Минск: «Універсітэцкае», 1992 [In Belarussian].
- Рябчук, Микола. *Від Малоросії до України: парадокси запізнілого міфотворення* [From Little Russia to Ukraine: Paradoxes of Belated Myth-making]. Київ: Критика, 2000 [In Ukrainian].

Author

Grigory Ioffe,

Professor of Human Geography, Radford University,
801, East Main Street, Radford, Virginia, VA 24142, USA.

ORCID: 0000-0002-2455-963X

e-mail: gioffe@radford.edu

Additional information

Received: February 6, 2021. Accepted: May 6, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Ioffe, Grigory. "Belarusian Nationalism: Taking Stock of Its Accomplishments." *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 146–161.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-146-161>

Белорусский национализм: проблемы и достижения

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрен феномен белорусского национализма. Белоруссия – страна с размытой национальной идентичностью, которая (возможно только пока) не до конца разорвала родственные связи с Россией. Согласно проведенному в апреле 2020 г. национальному репрезентативному исследованию, лишь 25% белорусов предпочли бы сохранить государственность и национальный суверенитет Белоруссии даже при падении уровня жизни, в то время как 52% согласились бы на ограничение суверенитета в обмен на сохранение или улучшение уровня жизни. Этот «секрет» белорусской государственности имеет далеко идущие последствия, которые не ограничиваются экономической зависимостью от Восточного соседа.

В прошлом Белоруссия была пространством соперничества между русскими и поляками. Сегодня это страна с двумя разными историческими нарративами и планами национального строительства, которые противоречат друг другу с момента зарождения белорусского национального движения. В то время как неосоветский/рускоцентричный нарратив стал основной идеей для большинства белорусов, западноцентричный нарратив пережил череду неудач и получил развитие только в постперестроечный период. В статье анализируются преимущества и недостатки двух нарративов, а также попытки преодолеть разрыв между ними. Отмечается, что в белорусском обществе существует два разных раскола: между вышеупомянутыми проектами национального строительства, а также между сторонниками Лукашенко и его критиками. Фракции по разные стороны этих расколов не всегда совпадают, однако в последнее время наблюдается тенденция описывать затянувшийся белорусский политический кризис через призму национализма. В статье подчеркивается, что отсутствие устойчивой белорусской национальной идентичности представляет экзистенциальную угрозу для белорусской государственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

белорусский национализм, Лукашенко, национальная идентичность, историческая память

Сведения об авторе

Григорий Иоффе,

профессор социально-экономической географии, Рэдфордский университет,
США, VA 24142, Вирджиния, Рэдфорд, ул. Ист Мэйн, 801.

ORCID: 0000-0002-2455-963X

e-mail: gioffe@radford.edu

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 6 февраля 2021. Принята к публикации: 6 мая 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Иоффе, Г. Белорусский национализм: проблемы и достижения // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 146–161.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-146-161>

К вопросу о внешней политике Сербии на юго-западном направлении

Александр Александрович Пивоваренко

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-162-175>

АННОТАЦИЯ

Современная практика научной и аналитической работы, как правило, сводит сербо-албанские отношения преимущественно к проблеме Косово, которая рассматривается зачастую в нормативно-ценностном ключе. В результате за рамками анализа остается внешнеполитическая стратегия Сербии на юго-западном и южном направлении, включающем также Республику Албания и другие государства, где роль албанского фактора представляется значительной. Цель данной статьи – рассмотреть политику Сербии на юго-западном (албанском) направлении с учетом исторического контекста и актуальных тенденций, связанных сегодня с активной реализацией инфраструктурных проектов в рамках всего Балканского региона. Учитывая, что данные проекты включают как Сербию, так и Албанию, уместно предположить наличие у Белграда и Тираны обоюдного интереса к формированию предсказуемого неконфликтного пространства и к определенному согласованию подходов к ведению политики в собственном приграничье. Таким образом, возникает необходимость определенного переосмысления внешнеполитической стратегии Сербии на юго-западном (албанском) направлении. С этой целью автор анализирует как историческую эволюцию позиции Белграда по албанско-косовскому вопросу, так и рассматривает ее в контексте современных региональных инфраструктурных проектов. Исследуя структурные региональные изменения, происходящие в регионе начиная со второй половины 2010-х гг., автор приходит к выводу о наличии у Белграда дилеммы, связанной с косовским вопросом и заинтересованностью в формировании предсказуемого и стабильного пространства к юго-западу от собственных границ, которая определяет логику внешнеполитических действий современной Сербии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сербия, Албания, Косово, ЕС, НАТО, А. Вучич, Коридор X

Косовский кризис¹ 1999 г. и последовавшие за ним политические события зачастую рассматриваются в контексте сербо-албанских отношений в нормативно-ценностных категориях, включающих понятия «этническая вражда», «капитуляция» и «национальное предательство». Следствием такого подхода стало сужение проблематики до анализа этнорелигиозной составляющей. При том что данный подход является исторически обусловленным (как и нормативно-правовая оценка самопровозглашения Республики Косово как события, создавшего серьезный прецедент в международных отношениях), очевидно, что возникающая к началу 2020-х гг. на Балканском полуострове ситуация требует серьезного переосмысления.

Прежде всего важно учитывать рост внимания к балканским странам со стороны ведущих игроков мировой политики в сравнении с предшествующим десятилетием². Среди экспертного сообщества появляются даже предположения, что Балканы станут следующим «полем битвы» между Россией и США³.

Во-вторых, необходимо принимать во внимание активное преобразование транспортной инфраструктуры Балкан, осуществляющееся по большей части в рамках Панъевропейского коридора X (центральной частью которого является Сербия), что нашло отражение в резонансном Вашингтонском соглашении о нормализации отношений между Белградом и Приштиной, подписанном 4 сентября 2020 г. при активном посредничестве президента США Д. Трампа. Анализируя текст соглашения, можно обнаружить, что Сербия и Республика Косово упоминаются в нем не только как две равноправные стороны, но и как часть нового регионального объединения «балканский мини-Шенген», куда входят также Албания и Северная Македония. Хотя поражение Д. Трампа на выборах в США ставит под вопрос дальнейшую реализацию соглашения, нельзя не отметить, что оно представляло собой весьма примечательную попытку согласования интересов основных участников соглашения с учетом происходящих в регионе транспортно-инфраструктурных преобразований.

Наконец, немаловажно методологически отделять отношения Белграда и Приштины, Белграда и Тираны, Тираны и Приштины как государственных (или квазигосударственных) акторов от отношений, существующих между сербским и албанским национальным корпусом и охватывающих ряд других государств (в частности Хорватию, Черногорию и Грецию), где также проживает значительное албанское меньшинство⁴.

Все упомянутые выше тенденции позволяют приблизиться к пониманию мотивов, толкающих официальный Белград к подписанию таких противоречивых международных соглашений по косовскому урегулированию, как Брюссель-

1 В соответствии с Резолюцией СБ ООН 1244 является частью Республики Сербия.

2 Bechev 2020.

3 James Jay Carafano, "The Balkans Will Be America and Russia's Next (Virtual) Battlefield," *The National Interest*, April 9, 2017, accessed November 9, 2020, <https://nationalinterest.org/feature/the-balkans-will-be-america-russias-next-virtual-battlefield-20088>.

4 Население государства Албания составляет около 3 млн человек. Общая же численность населения всех районов с компактным албанским населением, включающих, помимо Албании, большую часть Косово, Прешевскую долину (южная Сербия), северо-западную Македонию, южную Черногорию и приграничные области Греции, может составлять до 10 млн человек. См. подробнее: Три сценария для Косово // Балканист. 13 мая 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://balkanist.ru/tri-stsenariya-dlya-kosovo/> (дата обращения 10.11.2020).

ские соглашения 2013 г.¹ и Вашингтонское соглашение 2020 г. Серьезные уступки, совершающиеся, как правило, со стороны Белграда, заставляют сербские экспертно-аналитические круги подозревать правительство в скором признании Республики Косово². Многие представители сербской общественной мысли связывают уступки по Косово с усилением политического влияния президента Сербии А. Вучича, произошедшим в 2010-е гг., из чего, согласно этому нарративу, проистекает необходимость осуществления в Сербии смены власти³. Действия Белграда накладывают определенный отпечаток и на российско-сербские отношения. Ставшее знаменитым сравнение в *Twitter* М. Захаровой фотографии с президентом Сербии из Белого дома со сценой из киноленты «Основной инстинкт» послужило поводом для Белграда отменить в последний момент участие Сербии в учениях «Славянское братство – 2020», и это не первое сравнение такого рода⁴.

Таким образом, возникает необходимость поиска нового подхода к анализу внешнеполитической стратегии Сербии на юго-западном (албанском) направлении. С этой целью автор рассматривает эволюцию позиции Белграда по албанско-косовскому вопросу в контексте региональных инфраструктурных тенденций и в более длительной, чем последние 20 лет, временной перспективе.

Косовский вопрос в научной литературе

В 1990-е гг. на Западе появилось большое количество работ, посвященных Югославскому кризису, многие из которых имели тенденциозный (антисербский) характер. Однако уже в 2000-е гг. в западной литературе стало наблюдаться изменение такого подхода. Как следствие, авторы ряда исследований, посвященных внутрикосовской проблематике 2000-х гг., весьма критически относятся как к западным миротворческим усилиям, так и к общественно-политическим процессам в Косово⁵.

В сербской историографии косовский сюжет имеет особое значение. Однако наряду с размышлениями на тему национальной катастрофы конца 1990-х гг. делается определенный акцент на изучении внешней политики Сербии в более широком региональном контексте. Большой вклад в это направление внес Д. Батакович, ведущий эксперт в переговорном процессе по статусу Косово со стороны Сербии в 2000-е гг., опубликовавший ряд фундаментальных работ по сербо-албанским и сербо-греческим отношениям в XIX в.⁶ Сербо-албанские отношения в середине XX в. так же подробно рассматриваются в работах А. Животича⁷. В научной литературе сербская исследовательская мысль постепенно преодолевает

1 См. подробнее: Искендеров, П. Косовская битва за Сербию // Международная жизнь. 2 марта 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19443> (дата обращения 10.11.2020).

2 «Признание Косова приведет к расчленению Сербии и созданию "Большой Албании"» // Евразия. Эксперт. 27 августа 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/priznanie-kosova-raschleneniyu-serbii-i-sozdaniyu-bolshoy-albanii/> (дата обращения: 10.11.2020).

3 Джорджевич, М. Президент Сербии снова предал косовских сербов // Regnum. 26 февраля 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3170961.html> (дата обращения 27.02.2021).

4 Мария Захарова: НАТО навязывает Сербии «стокгольмский синдром» // Russia Today. 22 февраля 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/article/150008> (дата обращения: 10.11.2020).

5 Capussela 2015.

6 Батакович 2014, 12–20; Batakovich 2016.

7 Zivotic 2011, Животич 2017.

«комплекс виктимизации» и стремится к взвешенному осмыслению достижений и неудач XX в. В большей степени это касается фундаментальных исторических исследований и в значительно меньшей степени – политической публицистики.

Российское регионоведение уделяет внимание различным аспектам сербо-албанских отношений. Еще в 1960-е гг. вышла общая история Албании, затем переизданная в 2003 г.¹ С позиции Югославии и Сербии албанский вопрос рассматривается в работах исследователей Института славяноведения РАН, в частности К.В. Никифорова и А.С. Аникеева². В работе Е.Ю. Гуськовой, посвященной военной операции НАТО 1999 г., дается предыстория сербо-албанского конфликта, а также рассматривается ситуация в крае в 2000-е гг.³

В последнее время тема сербо-албанских отношений получает широкое освещение в российской прикладной аналитике, поэтому специфика сербо-албанского политико-дипломатического процесса (включая сценарии дальнейшего развития ситуации) описана достаточно содержательно и полно⁴. Наряду с этим существует противоречие в оценках двусторонних отношений, проистекающее из различных методологических и идеологических предпосылок. Иллюстрирует такое различие весьма эмоциональная дискуссия, разгоревшаяся на страницах электронных СМИ накануне подписания Вашингтонского соглашения. Обращая внимание на последние тенденции в области модернизации инфраструктуры, П.А. Искендеров утверждал, например, что урегулирование косовского вопроса может нести для Сербии определенные преимущества⁵. Резко не соглашаясь с данным утверждением, А.В. Филимонова, придерживаясь нормативного и идеалистического подхода, расценивает Вашингтонское соглашение не иначе как «национальный позор», а действия А. Вучича – как «предательство»⁶.

В целом недостатка в материалах, посвященных различным аспектам сербо-албанских отношений, не наблюдается. Тем не менее актуальным остается вопрос поиска взвешенной позиции, не отрицающей значение косовского вопроса, но при этом дающей непротиворечивое объяснение структурным явлениям регионального значения. Следует также подчеркнуть, что хотя различные инциденты в районах сербо-албанского приграничья проходят достаточно часто, прогнозы о возникновении нового большого конфликта не сбываются на протяжении 20 лет. Следовательно, существует необходимость переосмысления сербо-албанских отношений в мирной парадигме и с учетом долгосрочных интересов сторон.

Под «сербской стороной» автор прежде всего имеет в виду Республику Сербия. Под понятием «албанская сторона» подразумевается албанское национальное пространство, находящееся к югу и юго-западу от границ Сербии и включающее как частично признанную Республику Косово, так и Республику Албания,

1 Арш et al. 1965; Смирнова 2003.

2 Никифоров 2012; Аникеев 2017.

3 Гуськова 2013.

4 *Новакович, Д., Энтина, Е.* Переговоры по Косову 2019 – возможности и ограничения для России // Российский совет по международным делам. 24 декабря 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/peregovory-po-kosovu-2019-vozmozhnosti-i-ogranicheniya-dlya-rossii/> (дата обращения 12.12.2020); Entina, Pivovarenko 2019.

5 *Искендеров, П.* Россия и Сербия: кто кого позорит? // Regnum.ru. 24 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2927819.html> (дата обращения 10.11.2020).

6 *Филимонова, А.* Кто в России помогает властям Сербии сдавать Косово? // Regnum.ru. 5 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2939471.html> (дата обращения 10.11.2020).

а также районы северо-западной Македонии с преимущественно албанским населением. Особое внимание уделяется Республике Албания, которая также упоминается в Вашингтонском соглашении (в части о соединении Белграда через Приштину с «глубоководным портом на Адриатике»)¹.

При работе с фактическим материалом автор опирается на исторический структурализм Ф. Броделя². Так, категории «длинного» и «среднего» исторического времени, предложенные Ф. Броделем, предполагают рассмотрение взаимоотношений сторон в контексте исторического процесса, что подразумевает обращение к сюжетам не только XX, но и XIX в., ставшего определяющим для формирования сербского государства и формирования его внешнеполитических приоритетов.

Эволюция сербского подхода на албанском направлении

В результате прихода на Балканы Османской империи границы Сербии значительно изменились. Возникшее в первой половине XIX в. автономное княжество, а затем государство географически сместилось далеко на север и приобрело континентальный характер относительно границ средневековой Сербии. Чтобы оценить характер изменений, произошедших за несколько веков (с середины XIV по XIX), важно отметить, что в период своего расцвета, в 1350-е гг., Сербия имела доступ сразу к трем морям: Адриатическому, Эгейскому и Ионическому. Область Косово (средневековая область Рашка) получила свое сакральное значение колыбели государственности не в последнюю очередь из-за своего нахождения в центре средневековой Сербии, южные границы которой некогда достигали полуостровов Халкидики и Пелопоннес. В состав же современной Сербии Косово вошло лишь в 1913 г. по итогам Балканских войн.

Центрами Сербского национального возрождения в XIX в. стали Белградский пашалык Османской империи и область Воеводина, являвшаяся частью Австрийской империи. Возникшее к началу 1830-х гг. автономное Сербское княжество (а затем – государство) не имело больших возможностей для ведения активной внешней политики. Наличие на северо-западе Австрийской империи (в 1878 г. оккупировавшей Боснию и Герцеговину), а также поражение в войне 1885 г. с Болгарией направляли устремления Сербии исключительно в сторону слабеющей Османской империи: «Ей осталось круто развернуться и расширяться на юго-восток, в сторону Македонии и именно там, через Грецию, искать выход к морю»³. Так, первостепенным стало албанское и македонское направление, где в этот период развивались национально-освободительные движения, носившие антитурецкий характер. Следует отметить, что вопрос о приоритетном значении южного направления является предметом спора и в сербской историографии. По одной из версий, знаменитая сербская внешнеполитическая программа «Начертание» И. Гарашина была направлена на объединение не всех сербских территорий, а в первую очередь тех, которые находились под турецкой властью⁴.

1 "Washington Agreement Kosovo-Serbia," New Perspektiva, September 4, 2020, accessed November 11, 2020, <https://www.new-perspektiva.com/wp-content/uploads/2020/09/Washington-Agreement-Kosova-Serbia.pdf>.

2 Бродель 1977; Гуревич 2004.

3 Никифоров 2012, 17.

4 Ibid. 2015, 11.

В результате Балканских войн 1912–1913 гг. к Сербии отошли Косово, значительная часть Македонии, а также возникла общая граница с Черногорией. Однако по итогам Лондонской конфедерации (1913) выход к Адриатике был заблокирован путем создания государства Албания под международным протекторатом. Географическая стесненность сербского государства ярким образом проявилась в ходе Первой мировой войны, когда, исчерпав возможности отходить вглубь страны, сербская армия была вынуждена отступать к побережью Адриатического моря через территорию Албании. Тяжелый переход зимой 1915–1916 гг. в условиях горной местности унес жизни, по имеющимся данным, около 72 тысяч человек. Вполне логично, что, значительно расширив границы после войны (в это время Сербия стала ядром королевства Югославия), Белград стремился создать собственную сферу влияния в Албании, которая в тот период не являлась централизованным государством¹. По окончании Второй мировой войны социалистическая Югославия (СФРЮ) снова попыталась включить Албанию в собственную сферу интересов². Однако советско-югославский конфликт конца 1940-х гг. привел к выходу Албании из-под контроля Югославии и потере югославских инвестиций, сделанных в экономику Албании. Вскоре началось обострение албанского вопроса в самой СФРЮ: уже в 1950 г. по линии албанского посольства проводилась агитационная работа с албанским национальным меньшинством в Югославии³. В итоге выход Албании из орбиты югославского влияния способствовал нарастанию албанского национализма, приведшего к вооруженному конфликту 1998–1999 гг. Важными рубежными датами стали 1968, 1981 и 1990 г., когда в Косово произошли албанские выступления, поддерживавшиеся Албанией⁴.

Очевидно, что в начале и середине XX в. политика Белграда в основном была сосредоточена на создании максимально предсказуемого и контролируемого пространства к юго-западу от собственных границ, однако к концу 1960-х гг. Белград стал уступать стратегическую инициативу, а к концу 1990-х гг. контроль за развитием ситуации на юго-западном направлении был в значительной степени потерян. К.В. Никифоров отмечает, что «в настоящий момент албанцы, без сомнения, – самый активный и стремящийся к объединению балканский этнос», проживающий, помимо Албании, в Сербии, Черногории, Македонии и Греции⁵. Возвращение в начале 2000-х гг. Сербии к границам, в значительной степени повторяющим контуры государства до 1913 г., при отсутствии устойчивой международной поддержки, ограничивает внешнеполитические возможности Белграда. Тем более что присутствие в Косово в составе международного контингента *KFOR* представительных контингентов из стран-соседей Сербии и региональных государств (включая Хорватию, Венгрию, Италию, Австрию, а также Северную

1 Так, при содействии югославской армии и врангелевского отряда под командованием полковника В. Берестовского в декабре 1924 г. к власти в Албании был приведен генерал Ахмед Зогу, ставший в дальнейшем королем Албании. См.: Смирнова 2003, 93–94, 117–119.

2 Аникеев 2017, 20.

3 Животич 2017, 326–349.

4 Гуськова 2013, 20–28.

5 Никифоров 2012, 152.

Македонию, направившую в Косово свой контингент в конце 2020 г.¹⁾ делает маловероятным жесткую реакцию Белграда. В случае эскалации конфликта противником вооруженных сил Сербии с большой вероятностью в первую очередь стали бы не албанские формирования и не армия США, а контингенты соседних стран.

При этом юго-западное направление по-прежнему значимо для развития и безопасности сербского государства. Сохраняется проблема наличия районов с гомогенным албанским проживанием на юге Сербии. Не менее актуальным является вопрос албанского самоопределения в Македонии и отчасти в Черногории². С другой стороны, сербское население проживает частично в Черногории, а Македония имеет значение для Сербии (и международного бизнеса) с точки зрения логистики и связи с Грецией. Необходимо помнить, что исторически политическую систему Сербии, как и Албании, характеризует крайняя нестабильность³, а потенциальный ирредентизм ряда районов Сербии (Воеводина и Санджак) сдерживается в рамках существующей политической системы Сербии.

Ввиду этих причин продолжение противостояния с албанцами может пониматься правящими кругами в Белграде как весьма рискованный шаг, ведущий к разморозке конфликта – при относительной готовности Белграда противостоять данному вызову. С другой стороны, существуют некоторые предпосылки для поиска регионального консенсуса. Показательно в этой связи заявление лидера Сербии А. Вучича, сделанное на саммите в августе 2018 г. в Вене: «Нам нужно решить проблемы с албанцами во имя блага обоих народов и региона в целом. Сербы и албанцы – два крупнейших народа в регионе. Хотя я по-прежнему остаюсь пессимистом и не уверен, что граждане Сербии поддержат договор (соглашение Сербия – Косово. – *Прим. А.П.*), должен сказать, что если бы мы заключили такой договор, мы бы решили проблемы, которые существуют уже на протяжении более чем двух веков»⁴.

Роль инфраструктурных проектов в выстраивании долгосрочных двусторонних отношений

Анализ последних редакций стратегических документов Сербии говорит о стремлении Белграда выйти из режима конфронтации, заинтересованности в развитии социально-экономических связей с соседними государствами. Взаимная зависимость государств-соседей определяется авторами документа в качестве важнейшего условия сохранения региональной стабильности⁵.

Существуют определенные предпосылки для ведения Белградом активной экономической политики. В 2010-е гг. Сербия практически вдвое увеличила объем привлеченных иностранных инвестиций и в 2019 г. стала мировым лидером

1 "North Macedonia Joins KFOR as the 27th Troop Contributing Nation," jfcnaples.nato.int, November 2, 2020, accessed November 9, 2020, <https://jfcnaples.nato.int/kfor/media-center/archive/news/2020/north-macedonia-joins-kfor-as-the-27th-troop-contributing-nation>.

2 Например, район курортного города Ульцин (около 70% албанского населения) и район Скадарского озера.

3 С момента Первого сербского восстания 1804 г. и по наши дни в высшем сербском руководстве произошли 4 убийства и 6 случаев изгнания правителя из страны (включая свержение, отречение, эмиграцию, а также выдачу международному трибуналу).

4 "Vučić: 'Srbi i Albanci dva najveća naroda'," N1, accessed November 11, 2020, <http://ba.n1info.com/Regija/a281190/Vucic-Srbi-i-Albanci-dva-najveca-naroda.html>.

5 "Стратегија националне безбедности Републике Србије: 94/2019-13," accessed January 6, 2021, <https://www.pravno-informacioni-sistem.rs/SlGlasnikPortal/eli/rep/sgrs/skupstina/strategija/2019/94/2> (дата обращения: 06.01.2020).

по показателю *Greenfield foreign investment*, отражающему приток капиталовложений в реальный сектор экономики¹. Пандемия коронавируса, ударив по всем балканским странам, в меньшей степени затронула сербскую экономику, поскольку туристический сектор (крайне важный для Хорватии и Черногории) для Сербии не является основным.

Стратегическим преимуществом Сербии является центральное географическое положение в модернизирующемся Панъевропейском коридоре X, являющемся современным воплощением древнеримской «Военной дороги» (лат. *Via Militaris*) и железнодорожного пути XIX в. Берлин – Стамбул.

Развивая магистральное направление в сторону порта Салоники (Греция), Белград стремится выстроить собственную логистическую инфраструктуру. Существует проект так называемого «Коридора XI» – железнодорожного маршрута, начинающегося в румынской Тимишоаре, проходящего через Белград и заканчивающегося в черногорском порту Бар. Однако политическая нестабильность в Черногории и противоречивый характер отношений с режимом М. Джукановича (не утратившего полностью своих позиций после поражения на выборах 2020 г.) вынуждают Белград рассматривать и альтернативные маршруты.

В этой связи привлекает внимание проект автомагистрали Ниш (Сербия) – Дуррес (Албания), о котором сообщали региональные СМИ в 2016 г. По этнополитическим причинам новость не вызвала особого воодушевления у сербской общественности, однако проект был продолжен и фигурирует в программах Европейского банка реконструкции и развития². Следует отметить, что связующим звеном данной магистрали должен стать участок, проходящий через Косово: после прохождения контрольно-пропускного пункта «Мердаре» на границе с Косово возводимое шоссе соединяется с новой трассой R7, ведущей по маршруту: Приштина – Призрен – Тирана – Дуррес.

Заинтересованность Албании в подключении к логистической системе, проходящей через Сербию, может быть весьма высокой. За последние 20 лет показатель роста ВВП Албании ни разу не опускался ниже уровня в 1%, а до депрессии 2020 г. Всемирный банк оценивал Албанию как одну из наиболее развивающихся экономик Центральной и Юго-Восточной Европы³. Международная поддержка по линии ЕС и инвестиции стимулировали экономику портовых городов Албании (Дуррес, Влера, Шкодер и Шенджин). При этом объемы дотаций остаются минимальными, а грузопоток – нестабильным. Таким образом, дальнейшее развитие инвестиций в Албании и наращивание объемов перевозок становится целесообразным только при интеграции албанской инфраструктуры в региональную. Следует отметить участие Албании в транзитном проекте Панъевропейского коридора VIII, который начинается в албанских портах Дуррес и Влера и следует на восток, проходя через Северную Македонию, Болгарию до черноморских портов Бургас и Варна. Хотя данный проект независим от Сербии,

1 "Greenfield FDI Performance Index 2019: Serbia storms to top," FDI Intelligence, accessed December 12, 2020, <https://www.fdiintelligence.com/article/75351>.

2 "Serbia Route 7 Highway," EBRD, accessed December 9, 2020, <https://www.ebrd.com/work-with-us/projects/esia/serbia-route-7-highway.html>.

3 "GDP growth (annual %) in Albania," World Bank, accessed December 9, 2020, <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=AL>.

его перспективы не могут не интересовать Белград с точки зрения политико-экономического усиления Албании в Северной Македонии, являющейся южным соседом Сербии. Особенно ввиду того, что в этом случае выход на Коридор X может быть осуществлен в обход Белграда.

Не следует недооценивать взаимосвязи Сербии и Албании в теневой экономике. Как отмечают С. Рюше и Т. Крешович, с конца 1990-х гг. албанскую и сербскую мафию характеризует тесное взаимодействие по линии «белого терроризма» (наркоторговли)¹. На территории Сербии легализация криминальных денег осуществляется довольно активно: по оценкам бывшего начальника белградской полиции М. Николича, за последние 10 лет албанской мафией было легализовано около 1,5 млрд евро посредством скупки земли, недвижимости и участия в строительном бизнесе². Хотя данная область экономических отношений является весьма специфической, нельзя не отметить, что размер оборота говорит о наличии сформировавшихся устойчивых связей.

Таким образом, вопреки сербо-албанскому политическому дискурсу, где по-прежнему преобладают мотивы конфликта, структурные процессы указывают на наличие у Сербии и Албании как минимум заинтересованности к согласованию интересов в чувствительных вопросах для национальных экономик. Такое сближение может быть поддержано Европейским союзом, заинтересованным в оформлении единого экономического пространства («балканского мини-Шенгена») при ведущей роли европейских инвестиций. С другой стороны, активное вовлечение в инфраструктурные проекты так называемых «внешних» игроков (Китай, Россия и отчасти Турция, которая при этом реализует собственные инфраструктурные проекты в Сербии, Боснии и Герцеговине и Косово) может стать причиной для беспокойства Брюсселя и Вашингтона. В этом случае гипотетическое сближение Сербии и Албании может быть заблокировано фактором Косово, через которое проходит автомагистраль R7, потенциально дающая Сербии альтернативный выход к Адриатике, а Албании – одну из двух возможностей, наряду с доступом через западную часть Македонии, подключиться к Коридору X. При этом не следует полностью отождествлять интересы Брюсселя и Вашингтона в регионе, действия которых европейские эксперты называют «раскоординированными»³, а российские эксперты определяют как «заочное» соперничество за влияние в регионе⁴.

Место Косово в системе отношений Белграда и Тираны

С учетом вышесказанного важно понимать причины, по которым Белград пошел на подписание в сентябре 2020 г. Вашингтонского соглашения об экономической нормализации отношений с Приштиной, и которое с момента подписания в 2013 г. Брюссельских соглашений стало первым документом, регла-

1 Renata Rusche, "Activities of the Criminal Groups in Kosovo & Metochia and Independence of the Province," Center for International Relations Reports & Analyses, October 2006, accessed December 10, 2020, <https://core.ac.uk/download/pdf/11871719.pdf>.

2 "Albanian mafia laundered 1.5 billion euros in Serbia," B92, December 25, 2018, accessed December 9, 2020, https://www.b92.net/eng/news/crimes.php?yyyy=2018&mm=12&dd=25&nav_id=105837.

3 Giffoni 2021, 103.

4 См. подробнее: Искендеров, П. Косово между США и ЕС // Международная жизнь. 16 мая 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26353> (дата обращения: 20.11.2020).

ментирующим отношения сторон достаточно подробно и принятым обеими сторонами.

Анализ Вашингтонского соглашения¹ в региональном контексте с точки зрения структурного подхода позволяет утверждать, что его подписание для Белграда потенциально имело определенные экономические и политические выгоды. Во-первых, оно создавало предпосылки для окончания торговой войны между Белградом и Приштиной (начавшейся в 2018 г., когда Приштина ввела 100-процентную пошлину на импорт товаров из Сербии и Боснии и Герцеговины). Во-вторых, положение соглашения о создании современного шоссейного и железнодорожного пути из южной Сербии через Косово до «глубоководного порта на Адриатике» (то есть до прибрежной Албании) давало новый импульс магистрали Ниш (Сербия) – Дуррес (Албания), проходившей через территорию Косово. Тем самым создавались дополнительные обстоятельства для вовлечения Косово в экономическую зону «балканского мини-Шенгена», куда Приштина, в отличие от Тираны, не стремится вступить, опасаясь полной утраты собственной экономической субъектности².

Возможно, что одним из основных мотивов, подтолкнувших Белград к подписанию соглашения, было не только дипломатическое давление со стороны США, но и политический расчет на то, что через некоторое время после подписания всеобъемлющего соглашения, так или иначе охватывающего все страны «мини-Шенгена», возникнут предпосылки для усиления влияния Сербии, прежде всего экономического, к юго-западу от собственных границ. Несомненно, что при этом расчеты Сербии в значительной степени синхронизировались с планами Вашингтона по развитию собственного присутствия в регионе. Еще в 2000-е гг. силами американо-турецкого консорциума *Bechtel-Enka* была модернизирована автодорожная система, соединяющая Косово с севером Албании. Инфраструктурные планы Вашингтонского соглашения (в частности развитие коммуникаций из Албании в сторону Северной Македонии) согласовываются с проектами создания новых американских военных баз в центральной Албании (аэродром Кучова) и северной Греции. Договорная база, существующая между Сербией и НАТО (соглашения *IPAP* и *NSPO*), в свою очередь, обеспечивает возможность беспрепятственного транзита грузов по Коридору X.

Поражение Д. Трампа на президентских выборах в 2020 г. и приход новой администрации ставят под сомнение реализацию благоприятной для Белграда части Вашингтонского соглашения. Также премьер-министр А. Хоти, автор подписи под соглашением со стороны Приштины, проиграв парламентские выборы спустя несколько недель после президентских выборов США, в феврале 2021 г. сложил свои властные полномочия. Новое правительство во главе с А. Курти (лидером партии «Самоопределение»), открыто поддержавшим Дж. Байдена в ходе президентских выборов в США³, вернуло на повестку требование о полном и

1 “Šta je potpisano – tekst sporazuma N1,” accessed September 7, 2020, <https://rs.n1info.com/vesti/a636581-tekst-sporazuma-beograd-pristina/>.

2 “Why is Kosovo cautious about joining the ‘mini-Schengen’?”, Daily Sabah, December 04, 2020, accessed December 10, 2020, <https://www.dailysabah.com/opinion/op-ed/why-is-kosovo-cautious-about-joining-the-mini-schengen>.

3 См. подробнее: “Joe Biden Woos America’s Bosnian, Albanian Voters Before Polls,” Balkan Insight, October 20, 2020, accessed December 10, 2020, <https://balkaninsight.com/2020/10/20/joe-biden-woos-americas-bosnian-albanian-voters-before-polls/>.

безоговорочном признании независимости Косово. Не следует исключать появления и других требований, например, о предоставлении автономии албанским районам на юге Сербии. Причем в ходе рассмотрения этих ультиматумов Сербия на определенном этапе рискует столкнуться с двойным дипломатическим давлением – со стороны новой вашингтонской администрации и со стороны Брюсселя, считающего, что наступает время для синхронизации усилий с Вашингтоном по Косово¹.

Хотя ставка Белграда на Вашингтонское соглашение, очевидно, не привела к успеху, вполне вероятно, что Сербия не откажется от попыток вести более активную политику на юго-западном направлении, учитывая заинтересованность Албании, являющейся сооснователем, вместе с Сербией, формата «мини-Шенгена» в развитии региональной интеграции. Подписание соглашения о свободе передвижения в декабре 2020 г.² между Сербией и Албанией выражает заинтересованность сторон в углублении экономической интеграции. Существует гуманитарное сотрудничество, включающее студенческие обмены и языковые стажировки. Объединяющим для Белграда и Тираны обстоятельством может стать политическая нестабильность в Косово, где за минувшие четыре года три раза проводились парламентские выборы, а также радикализм нынешнего правительства Косово (во главе с А. Курти и партией «Самоопределение»). Наконец, сохраняется вероятность того, что позиция Брюсселя и Вашингтона по косовскому вопросу не окажется полностью идентичной, что позволит Белграду найти выход из кризиса, вызванного провалом Вашингтонского соглашения.

Рассматривая вопрос Косово отдельно от общего контекста, российское экспертное сообщество зачастую оставляет без внимания проблему стратегических приоритетов Белграда в рамках всего региона. Принято считать, что стремление к признанию Косово формируется исключительно в результате западного дипломатического давления. Однако анализ инфраструктурных процессов в регионе говорит о наличии у Белграда собственной логики – как политико-экономической, так и военно-стратегической. Дипломатические действия Сербии по албанскому вопросу можно свести к дилемме между самоценным характером вопроса Косово (являющегося важнейшим для большей части сербского общества) и прагматической заинтересованностью в формировании стабильного, дружелюбного и предсказуемого пространства к юго-западу от собственных границ. В такой ситуации дипломатическое признание статуса Приштины (маловероятное, но возможное) становится не столько болезненной уступкой, сколько инструментом достижения вполне конкретных целей и стремлением найти решение обозначенной дилеммы.

Юго-западное направление внешней политики Сербии охватывает не только Приштину, но и Тирану. При том, что два албанских государственных образования во многих случаях синхронизируют свою политику, в отношении Белграда

1 Giffoni 2021, 114–116.

2 См. подробнее: "Serbia and Albania Sign Deal on Freedom of Movement," Balkan Insight, November 9, 2020, accessed December 14 2020, <https://balkaninsight.com/2020/11/09/serbia-and-albania-sign-deal-on-freedom-of-movement/>.

их позиции не полностью дублируют друг друга. Если в отношениях с Приштиной у Белграда существует целый комплекс конкретных этнополитических, идеологических, а также хозяйственных противоречий, то сложности в отношениях с Тираной возникают скорее как проекция разногласий с Приштиной. Иными словами, невозможно полностью исключить вероятность того, что на определенном этапе Белград и Тирана сумеют найти консенсус, который, как показывает недавняя дипломатическая практика, может быть поддержан ключевыми акторами международных отношений.

Как отмечает Д. Релич, позиция Сербии по Косово является одним из столпов дипломатического присутствия России в регионе¹. Потеря Сербией энтузиазма в косовском вопросе и связанные с этим последствия стали бы для России «дипломатической Цусимой» по аналогии с Балканским кризисом 1908 г. Вероятный переход новой американской администрации к давлению на Белград по вопросу признания Косово усилит роль России как «несгораемого актива» сербской внешней политики. Таким образом, даже при самых неблагоприятных условиях «особые» отношения России и Сербии будут сохраняться. Но осмысление возникающей сегодня ситуации потребует от России качественно иных дипломатических и научных усилий.

1 Lange et al. 2017, 48–49.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аникеев, А.С. Югославия в годы конфликта с СССР и странами «народной демократии» // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953. Очерки истории. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 15–105. [Anikeev, Anatoly S. "Yugoslavia in the Time of the Conflict with USSR and the Countries of 'People's Democracy'." *Jugoslavija v gody konflikta s SSSR i stranami 'narodnoj demokratii'* In *Moscow and Eastern Europe. Soviet-Yugoslavian Conflict and the Nations of Soviet Block. 1948-1953. Essays on History*, 15–105. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-History, 2017] [In Russian].
- Арш, Г.П., Смирнова, Н.Д. Краткая история Албании / под ред. А.Ф. Миллера. – М.: Наука, 1965. – 265 с. [Arsh, Grigory P., Nina D. Smirnova. *The Short History of Albania*, edited by Anatoly F. Miller. [Kratkaja istorija Albanii] Moscow: Nauka, 1965] [In Russian].
- Батакович, Д. Косово и Метохия: история и идеология. – Екб.: Издательство Уральского университета, 2014. – 399 с. [Batakovich, Dušan. *Kosovo and Metohija: History and Ideology*. [Kosovo i Metohija: istorija i ideologija] Ekaterinburg: Ural University Publishing, 2014] [In Russian].
- Бродель, Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории / под ред. И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – С. 115–143. [Braudel, Fernand. "History and Social Sciences. Historical Duration." [Istorija i obshchestvennye nauki. Istoricheskaja dlitel'nost'] In *Philosophy and Methodology of History*, edited by Kon, Igor S., 115–43. Moscow: Progress, 1977] [In Russian].
- Гуревич, А.Я. Фернан Бродель, певец Средиземноморья и времени «большой длительности» // Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 508–520. [Gurevich, Aron Ya. "Braudel, the Singer of the Mediterranean and the Time of 'long duration'." [Fernan Brodel', pevec Sredizemnomor'ja i vremeni "bol'shoj dlitel'nosti"] In *The Mediterranean sea and the Mediterranean World in the Age of Philip II*, 508–520. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004] [In Russian].
- Гуськова, Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии в 1999 году и процесс мирного урегулирования – М.: Индрик, 2013. – 312 с. [Gus'kova, Elena Yu. *NATO's Aggression against Yugoslavia in 1999 and the Process of Peaceful Settlement* [Agressija NATO protiv Jugoslavii v 1999 godu i process mirnogo uregulirovanija] Moscow: Indrik, 2013] [In Russian].
- Животич, А. Советско-югославский конфликт и укрепление советского влияния в Албании. 1948–1953 гг. // Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока. 1948–1953. Очерки истории. – М.; СПб.: Нестор-История, 2017. – С. 326–349. [Zivotic, Aleksandr. "The Soviet-Yugoslav Conflict and Strengthening of Soviet Influence in Albania, 1948–1953." [Sovetsko-yugoslavskii konflikt i ukreplenie sovetskogo vliyaniya v Albanii. 1948–1953 gg.] In *Moscow and Eastern Europe. Soviet-Yugoslavian Conflict and the Nations of Soviet Block. 1948–1953. Essays on History*, 326–349. Moscow: Nestor-History, 2017] [In Russian].
- Никифоров, К.В. Сербия на Балканах. XX век. – М.: Индрик, 2012. – 176 с. [Nikiforov, Konstantin V. *Serbia and the Balkans in the 20th century*. [Serbija na Balkanah. XX vek] Moscow: Indrik, 2012] [In Russian].
- Никифоров, К.В. «Начертание» Или Гарашанина и внешняя политика Сербии в 1842–1853 гг. – М.: Индрик, 2015. – 256 с. [Nikiforov, Konstantin V. *The Outline*

of Ilia Garashanin and the Foreign Policy of Serbia in 1842–1853. ["Nachertanie" Ilia Garashanina i vneshnjaja politika Srbije v 1842–1853] Moscow: Indrik, 2015] [In Russian].

Смирнова, Н.Д. История Албании в XX веке. – М.: Наука, 2003. – 430 с. [Smirnova, Nina D. The History of Albania. [Istorija Albanii v XX veke] Moscow: Nauka, 2003] [In Russian].

Batakovich, Dušan. *Serbia and the Balkans. Albania, Bulgaria, Greece in 1914–1918*. Novi Sad–Belgrade: Prometej-RTS, 2016.

Bechev, Dimitar. "Making Inroads: Competing Powers in the Balkans." In *The Balkans: Old, New Instabilities. A European Region Looking for its Place in the World*, edited by G. Fruscione. ISPI, Ledizioni LediPublishing, 2020, 48–69. <https://doi.org/10.14672/55262477>.

Capussela, Andrea Lorenzo. *State-Building in Kosovo. Democracy, Corruption and the EU in the Balkans*. London–New York: I.B. Tauris & Co Ltd, 2015.

Entina, Ekaterina, and Alexander Pivovarenko. "Russia's Foreign Policy Evolution in the New Balkan Landscape." *Politička Misao. Croatian Political Science Review* 56, no. 3–4 (2019): 179–199. <https://doi.org/10.20901/pm.56.3-4.08>.

Giffoni, Michael L. "Expert View Belgrade and Pristina: A Dialogue Between the Deaf Mediated by the Blind?" In *The Pandemic in the Balkans. Geopolitics and Democracy at Stake*, edited by G. Fruscione. ISPI, Ledizioni LediPublishing, 2021: 102–117.

Lange, Sabina, Zoran Nechev, and Florian Trauner. *Resilience in the Western Balkans*. Paris, 2017. [https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Report_36_Resilience in the Western Balkans_0.pdf](https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Report_36_Resilience%20in%20the%20Western%20Balkans_0.pdf).

Zivotic, Aleksandr. *Jugoslavija, Albanija i velike sile (1945–1961)* [Yugoslavia, Albania and the Great Powers (1945–1961)]. Institut za noviju istoriju Srbije, Arhipelag, 2011 [In Croatian].

Автор

Александр Александрович Пивоваренко,

к.ист.н., старший научный сотрудник Отдела современной истории
Института славяноведения РАН, Ленинский пр-т., 32а, Москва, 119334.

e-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 28 августа 2020. Принята к публикации: 20 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Пивоваренко, А.А. К вопросу о внешней политике Сербии на юго-западном направлении // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 162–175.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-162-175>

Serbia's Foreign Policy in the South-West Direction

ABSTRACT

This article suggests a rethinking of Serbian-Albanian relations. Contemporary research tends to reduce this problem exclusively to the Serbia-Kosovo issue, which is usually regarded with a value-based approach. As a result, the issue of Serbia's foreign policy strategy in the south-west and south direction, which also includes the Republic of Albania and other states (Montenegro, North Macedonia), where the role of the Albanian factor is significant, remains outside the scope of the analysis. The purpose of this article is to examine more closely the logic of Serbia's foreign policy activities in the south-western (Albanian) direction, taking into account the historical context and current trends associated with the active implementation of infrastructure projects in the entire Balkan region. Given that these projects cover both Serbia and Albania, it is appropriate to assume that Belgrade and Pristina have a mutual interest in forming a predictable non-conflict space and in certain coordination of their approaches to conducting politics in their border area. This, in turn, requires a rethinking of Serbia's foreign policy strategy in the southwestern (Albanian) direction. To this end, the author analyzes both the historical evolution of Belgrade's position on the Albanian-Kosovo issue and considers it in the context of modern regional infrastructure projects. Considering the structural regional changes, taking place since the second half of the 2010s, the author comes to the conclusion that Belgrade is facing a dilemma between the self-significant significance of the Kosovo issue and the interest in forming a predictable and stable space to the southwest of its own borders. This dilemma determines the logic of modern Serbia's foreign policy actions.

KEYWORDS

Serbia, Albania, Kosovo, EU, NATO, A. Vucic, Corridor X

Author

Alexander A. Pivovarenko,

PhD, Senior Researcher,

Department of contemporary History of Central and Southeastern Europe,
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 32A Leninsky Ave., Moscow, 119334.

e-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

Additional information

Received: August 28, 2020. Accepted: April 20, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Pivovarenko, Alexander A. "Serbia's Foreign Policy in the South-West Direction."

Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 162–175.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-162-175>

World Orders and the Politics of Exclusion: from Westphalia to Today

*Lascurettes, Kyle M. Orders of Exclusion:
The Strategic Sources of Order in International Relations.
New York: Oxford University Press, 2020.*

Andrei P. Tsygankov

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-176-182>

The decline of the contemporary world order and the rise of non-Western powers are among the most closely watched international developments by scholars across the globe. Some scholars point to the rise of China's material capabilities, which are in many areas on a par with those of the United States, particularly following the COVID-19 pandemic. Others maintain that the overall power of the United States will remain unmatched for the foreseeable future, and that the presidency of J. Biden is about to reinvigorate America's primacy in the world. Still others point to growing trends of prolonged instability in the international system, as well as within domestic societies.

Most analysts agree, however, that the contemporary U.S.-centric international order is experiencing serious problems. This begs at least two scholarly questions. First: Is the current order designed to be sufficiently inclusive for its major participants? Second: What is behind specific decisions regarding the design of the international order? In international relations theory, realists and liberals provide different answers to these questions. For example, American liberals such as J. Ikenberry and J. Nye point to the relative openness of the U.S.-centered order and the ability to take the positions of others into account in the interests of preserving global security, prosperity, and the protection of human rights. These scholars view the international order as being based on liberal ideas championed by the United States. Realists including J. Mearsheimer, S. Walt and others disagree, claiming that the American order is self-serving and is increasingly unable to integrate China, Russia, and some other powers. To them, a stable world order results from the correct assessment of the balance of power in the international system and should not be based on the ideas of one of the system's actors.

The book by K. Lascurettes contributes to this debate by offering a new synthesis of scholarly literature and a review of historical cases since the Peace of Westphalia.

K. Lascurettes' theory is that of a self-confessed realist, albeit one who believes in gaining important insights from liberal IR theorists. In particular, he complements his analysis of threats and material capabilities with ideas held by prominent international actors. He builds, among other things, on the work of J. Legro, a pioneer of strategic ideas, author of an important work on the subject,¹ and K. Lascurettes' PhD adviser at the University of Virginia.

Below, I review K. Lascurettes' arguments, cases, and assessment of U.S.–China competition in shaping the international order. I argue that the book greatly contributes to our knowledge of how international orders are formed by drawing attention to state prioritization of security threats, rather than interests of common security and prosperity. I also argue that the author's strategy with respect to framing the dependent variable and its explanation raises some methodological issues. K. Lascurettes' research approach constrains his choices and closes some opportunities for analyzing international orders. Overall, his analysis is important, yet it remains incomplete and potentially misleading, and thus calls for additional research of the issue.

The book's central argument is that state preferences with respect to world order can be described as favoring or not favoring the inclusion of other states as active members of a newly emerging international system. These preferences are driven by the perception of threats presented by other states, both geopolitical and ideational. If such a threat is present, then the choice will be in favor of excluding the state that poses the threat from the system by designing rules and principles that severely constrain that state's membership in the system. According to K. Lascurettes, this exclusion is accomplished through three distinct strategies (pp. 40–41). First, dominant states can make others more aware of their commonalities with respect to the potentially serious threat ("commonalities for contrast"). Second, such states can set territorial and rhetorical boundaries by invoking particular ideas and preventing the expansion of the threat ("triggering tripwires"). Third, they can strategically invoke principles to undermine the threatening state's "ontological security" ("severing social power"). The latter strategy was applied by the United States to M. Gorbachev for securing his acquiescence to the reunified Germany joining NATO. In this case, M. Gorbachev's own statements about self-determination and "freedom of choice" were used against him.

The treatment of M. Gorbachev at the end of the Cold War is, therefore, an example of the exclusion of the Soviet Union by Western powers despite all the reforms the latter had introduced. K. Lascurettes' assessment that the West did indeed seek to exclude, rather than include M. Gorbachev's ideas and propose a new world order is an important acknowledgment of what has long been denied by Western liberal scholars of the Cold War.

The main theoretical target of the book is liberalism and liberal reasoning about world order. In particular, K. Lascurettes engages with three types of liberal reasoning that explain why important world orders such as the one formed after the Cold War are sufficiently inclusive: international institutionalism, domestic liberalism, and international learning. The three arguments are distinct, yet each favors the theory

1 Legro 2007.

that the world order was designed to incorporate diverse international participants and teach them new global norms of behavior.

K. Lascurettes presents a realist argument, yet is critical of neorealism. He views neorealist approaches as overly materialistic and unnecessarily dismissive of ideas, idea-based threats, and even the need for the establishment of an international order. The author sees his argument as consistent with classical realism, which is open to an analysis of the ideas and domestic conditions of states. However, he is also critical of classical realists for their lack of a theory of state preferences and insists that states have rationally defined preferences. Here, he remains on the neorealist ground. Neorealists commonly argue that states are rational in their behavior and that such rational behavior results from pressures/opportunities presented by the international system. Adding ideas does not change the neorealist reasoning, so long as the international system remains the ultimate source of state actions. Even the relatively new realist approach – the so-called neo-classical realism – is no different on this account. Alternatively, classical realism recognizes that state preferences and rationality cannot be fully determined by the international system and are partly defined by domestic culture. R. Gilpin, who is cited in the book, as well as E.H. Carr, H. Morgenthau, G. Kennan, and other classical realists were “indeterminate” with respect to state preferences by recognizing the prominence of domestic politics and national beliefs in shaping the choices of leaders.

Having laid out his research design and theory in chapters 2 and 3, K. Lascurettes tackles some historical cases. Chapters 4 and 5 review European developments from the Peace of Westphalia in the 17th century to the Congress of Vienna in the 19th century. Chapters 6, 7, and 8 analyze cases from the point of view of the United States following the end of World War I, World War II, and the Cold War, respectively.

In all these cases, the author finds evidence of his theory of exclusion. Following the Peace of Westphalia, the victors of the Thirty Years’ War sought to exclude those who had claims to universal authority in Europe – the Habsburg Empire and the Catholic Church. In particular, France and Sweden limited claims to rival authority by insisting on new territorial arrangements and undermining imperial and religious “social power” (p. 63). Using these strategies, Westphalia prevented potential conflicts in Europe throughout the 18th century following the War of the Spanish Succession (1702–1713) waged by Great Britain and its allies. Great Britain emerged as the dominant state after the Peace of Utrecht (1712–1713) and the 1763 Treaty of Paris.

The Congress of Vienna of 1813–1814, despite “an unprecedented amount of elite-level contact through frequent meetings” and “remarkable cooperation” (p. 95), also resulted in the exclusion of important actors. The main object of exclusion in this case was the threat posed by Revolutionary France. While perceived differently by different actors, all of them agreed that France was to be “excluded.” Even the British, who did not care about the autocracy principle advocated by Russia and Austria, argued for “protection and security” of different Great Powers against the potential revisionism of Napoleon.

The Wilsonian world order project following World War I, of course, did not include Germany. The new international system sought to control Germany’s ambitions, including through the previously not exploited principle of self-determination and “orderly democratic institutions” (p. 138). The victors of the war were afraid of

Germany's geopolitical ambitions and its absolutist principles of domestic order. In K. Lascurettes' analysis, the founders of the Versailles Treaty were even more fearful of Bolshevism and the challenge that the rise of new Soviet Russia presented for new world order.

Similarly, K. Lascurettes argues that the world order that formed following World War II was largely the result of a fear of the USSR and was therefore similar in origins to the Cold War. In his assessment, both F. Roosevelt and W. Churchill were far more concerned about Stalin and the Soviet Union than they were about Germany. They viewed the post-war period and the relative weakness and poverty of the Soviet Union as an important opportunity to shape the international order according to their principles and preferences. These principles had already been laid out in the Atlantic Charter of 1941 and F. Roosevelt's "four freedoms": "of speech, of religion, from (economic) want, and from fear (of war)." (p. 167). The Western leaders were scared of fascist and communist ideologies, as well as Soviet power.

Finally, the post-Cold War order too emerged from Western desires to exclude or limit the power of the Soviet Union, as the above-cited references to the treatment of Gorbachev demonstrate.

In order to present the range of outcomes, K. Lascurettes analyzes not only cases of changing world orders, but also those of continuity. Consistent with his theory, he argues that, in those cases, there were no major threats to world order-defining states, so there was no need to push for a change of existing international norms and principles.

The author concludes by assessing his theoretical framework as superior to alternative explanations. He also offers an analysis of the future world order in relation to China and its behavior in the international system. K. Lascurettes is pessimistic about the possibility of including China in a U.S.-centered world order, as China's ideas and geopolitical power represent a threat to such an order. However, he recommends one last try in the near future as a preamble to launching the strategy of exclusion in the long term.

Overall, the book presents an important intervention in our thinking about world order. In American academic circles, it will add to the body of work challenging the dominant liberal narrative by identifying what liberals often fail to acknowledge, namely that all state choices with respect to those actors perceived as a threat are of an exclusionary nature. Liberal states are only prepared to include countries that are willing to operate on strategic, political, and value terms designed by liberals in their international order. In the Russian context, the book will challenge the narrative of the post-American world order with its expectations of the continued rise of non-Western powers such as China and Russia. According to K. Lascurettes, such a world order is not realistic if it is based on excluding the United States.

One problem with K. Lascurettes' argument is that presenting state choices of the international order as a dichotomy of exclusion versus inclusion is overly simplistic. In practice, state choices are more complex and vary in the degree of their inclusion in a given system. For example, the Vienna system integrated the defeated France, whereas the Versailles system following World War I fully excluded Germany by imposing reparations and constraining German foreign policy. Russia after the Cold War has fallen somewhere in between. The West did not force Russia to pay reparations and even extended its membership in the G7.

Yet the West has nevertheless sought to control Russian foreign policy, particularly in Eurasia, and never considered including Russia in NATO and the European Union.

The range of possible actions with respect to preferred world order is, therefore, broader than K. Lascurettes' study argues, and this calls for greater complexity in theory-building. K. Lascurettes' theory of rational state behavior is incomplete and unable to account for the divergence of outcomes in state behavior. As Kalevi Holsti showed in his magisterial study of international orders,¹ policymakers are never guided by rationality, and so neither should scholars. Instead, scholars should concentrate on studying individual state beliefs and positions. These beliefs and positions should not be taken for granted and viewed as predominantly formed by the international system. A more complex theory should aim to integrate threats at the level of the international system with national institutional and perceptual variables. There is a great need for dialogue between realism, on the one hand, and liberalism and constructivism, on the other. Addressing alternative liberal explanations by merely demonstrating their deficiencies, as K. Lascurettes does, is helpful yet insufficient. A greater challenge is to integrate liberal and constructivist variables by demonstrating not only their relative weaknesses, but also their relative strengths and the conditions under which they must be a part of scholarly analysis.

This critique does not invalidate the author's contribution. Although K. Lascurettes' approach is incomplete in accounting for the wealth of rich historical evidence, the author should be commended for his new theoretical synthesis and the fact that he covered a huge range of large historical material. Both scholars and students will benefit from reading this important book, which could be used in both graduate and upper-division undergraduate courses.

1 Holsti 1991.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Legro, Jeffrey. *Rethinking the World: Great Powers Strategies and International Order*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2007.

Holsti, Kalevi J. *Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1658–1989*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Author

Andrei P. Tsygankov,

Professor of International Relations and Political Science at San Francisco State University,
1600 Holloway Ave, San Francisco, CA 94132.

e-mail: andrei@sfsu.edu

Additional information

Received: March 23, 2021. Accepted: April 23, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was declared by the author.

For citation

Tsygankov, Andrei P. "World Orders and the Politics of Exclusion:
from Westphalia to Today." *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 176–182.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-176-182>

Сведения об авторе

Андрей Павлович Цыганков,

профессор международных отношений и политических наук
Калифорнийского Университета Сан-Франциско, Сан-Франциско, США, 94143.

e-mail: andrei@sfsu.edu

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 23 марта 2021. Принята к публикации: 23 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование

Цыганков, А.П. Мировые порядки и политика исключения:
от Вестфалии до наших дней // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 176–182.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-176-182>

«Оттепели» и «заморозки» Крымской весны

*Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция
«крымской весны»: Научное издание / Под ред. А.А. Власова. — М.:
Издательство «Аспект Пресс», 2020. — 478 с.*

Артем Павлович Соколов

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-183-190>

Вхождение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации в марте 2014 г. стало одним из важнейших событий для российской внешней политики за весь постсоветский период, а также символическим водоразделом в отношениях между Россией и Западом через четверть века после окончания холодной войны. Если Москва рассматривает референдум на Крымском полуострове как результат мирного самоопределения его жителей, то Вашингтон и Брюссель видят в этом демонстрацию российского геополитического «ревизионизма»¹.

События 2014 г. стали неожиданностью для западных наблюдателей. Буквально за несколько лет до Крымской весны эксперты из США и ЕС не видели в Крыму реального источника напряженности, считая, что основные вопросы, связанные с его нахождением в составе Украины, были сняты Харьковскими соглашениями 2010 г. между Москвой и Киевом². Отмечалось, что пророссийские настроения жителей полуострова не имеют шансов воплотиться в политической практике из-за отсутствия поддержки среди региональных элит, а также сильных партий, открыто манифестирующих нелояльность украинскому государству и выбор в пользу России. Сама же Российская Федерация рассматривалась как страна, скорее заинтересованная в Крыму как в источнике давления на Киев, месте базирования основных сил Черноморского флота и объекте инвестиций, но не в новом субъекте Федерации³. Некоторые авторы при этом признавали возможность жесткой реакции Москвы на факты притеснений русскоязычного населения Крыма или угрозу боеспособности Черноморского флота, однако считали такие ситуации маловероятными⁴.

1 Sakwa 2016.

2 Anthony Wols, "Crimea: A Microcosm of East-West Conflict," Harvard International Review, accessed April 30, 2021, <https://hir.harvard.edu/crimea-a-microcosm-of-the-east-west-conflict/>.

3 Varettoni 2011.

4 Larrabee 2010.

Шок, который испытали при этом западные политики и наблюдатели, объяснялся не только изменением государственных границ в Европе¹. Тем более, как показал распад СССР и Югославии и особенно конфликты в Косово, Абхазии и Южной Осетии, эти границы давно не были неприкосновенными. Что было действительно болезненным для Запада, это отказ жителей Крыма и Севастополя принимать «европейский выбор» как нечто само собой разумеющееся, их нежелание признавать западный цивилизационный стандарт как универсальный и безусловно благой. Для Крыма этот стандарт отнюдь не был благим. «Европейский выбор», сделанный Украиной на Майдане, обернулся внутренней дестабилизацией, угрозами и рисками для той части населения страны, которая его не сделала. И последующая эскалация конфликта в украинских юго-восточных регионах подтвердила те опасения, что были озвучены в ходе трагических событий в Киеве, произошедших в конце 2013 – начале 2014 гг.² Политики в США и ЕС привыкли думать, что свободный выбор на пространстве СССР может быть сделан только в их пользу. Решение крымчан и севастопольцев было ударом по представлению о западном цивилизационном превосходстве.

После 2014 г. события Крымской весны рассматривались экспертами преимущественно в контексте глобальных сюжетов европейской и евразийской безопасности³. Западная историография по большей части оценивала произошедшее как результат «реваншистской» политики России по пересмотру сложившегося после 1991 г. порядка на постсоветском пространстве. Редкими исключениями были исследования, оценивавшие крымские события в широком историческом контексте⁴. Так или иначе, довольно быстро обозначилось доминирование взгляда на крымские события с широкой перспективы, зачастую без учета внутренней специфики самого полуострова.

Книга «Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция “крымской весны”» представляет собой попытку произвести фундаментальное научное осмысление событий 2014 г. и их последствий, отталкиваясь от собственно «крымской» перспективы. Авторами книги стали исследователи из МГИМО МИД России, МГУ имени М.В. Ломоносова, научных и образовательных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Севастополя, Луганска и др. Кроме того, авторами ряда глав книги выступили государственные деятели Республики Крым, поделившиеся своим опытом политической и административно-хозяйственной деятельности на полуострове.

Прежде всего, стоит отметить основательный подход составителей сборника к формированию документальной базы для раздела с приложениями. Подборка документов включает в себя международные договоры России начиная с Кючук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией 1774 г. и заканчивая Договором между Российской Федерацией и Республикой Крым от 18 марта 2014 г.

1 Peter Baker, “Pressure Rising as Obama Works to Rein In Russia,” March 2, 2014, The New York Times, accessed April 30, 2021, <https://www.nytimes.com/2014/03/03/world/europe/pressure-rising-as-obama-works-to-rein-in-russia.html>.

2 Куделя, С. Внутренние источники вооруженного конфликта на Донбассе // Россия в глобальной политике. 3 января 2015. [Электронный ресурс]. URL: globalaffairs.ru/ukraine_crisis/vnutrennie-istochnikivooruzhennogo-konflikta-na-donbasse-17245 (дата обращения 30.04.2021).

3 Toal 2017; Курылев 2018.

4 Mearsheimer 2014.

Представлены документы, касающиеся вопросов административной принадлежности Крыма, а также другие документальные источники по теме. Эта подборка документов позволяет читателю проследить историю Крымского полуострова как части Российской империи, СССР и Российской Федерации на протяжении последних 300 лет.

Темы глав сборника разнообразны и охватывают широкое проблемное поле событий Крымской весны. Они сосредоточены вокруг вопросов исторических предпосылок крымского референдума 2014 г., юридических деталей процедуры голосования, места института референдумов в системе международного права, регионального значения Крымского полуострова, различных аспектов экономического, политического и социокультурного развития региона.

Важный сюжет, который находит отражение в сборнике, касается исторических предпосылок референдума 2014 г. в Крыму. Оправданным выглядит обращение к последним годам существования СССР, когда центробежные силы внутри советского государства поставили вопрос об обновленном административно-территориальном делении страны в контексте стремления республик к суверенитету и независимости. Референдум, который состоялся в январе 1991 г. в Крыму, продемонстрировал подавляющую поддержку жителей полуострова (93%) решения о формировании Крымской АССР как отдельного субъекта СССР и участника Союзного договора. Верховный Совет УССР признал результаты референдума лишь частично, подтвердив воссоздание Крымской АССР в пределах территории Крымской области Украинской ССР.

Одновременно Крым и Севастополь показали низкий уровень поддержки предложения о независимости Украины, вынесенного на референдум 1 декабря 1991 г. По сравнению со средними показателями в 83–98%, которые отмечались в различных областях УССР, положительно об украинской независимости высказалось лишь 57% севастопольцев и 54% жителей Крыма. В Симферополе этот показатель не поднялся выше 33% (С. 300). Наконец, на референдуме по сохранению СССР в марте 1991 г. крымчане также выступили за сохранение Советского Союза.

Авторы справедливо указывают на историческую преемственность референдума, состоявшегося в марте 2014 г., по отношению к референдуму 1991 г., которая не всегда очевидна даже для жителей России и Крыма, особенно молодого возраста. С учетом данных историко-юридических обстоятельств события Крымской весны представляются логичным и естественным продолжением незавершенных процессов распада СССР в начале 1990-х гг. Высокие показатели поддержки крымчан (около 97%) решения о вхождении в состав Российской Федерации не выглядят на фоне показателей референдума 1991 г. аномалией (С. 293).

Другим аргументом, объясняющим исключительные результаты референдума, можно считать электоральное поведение крымчан за последние 20–25 лет (С. 296). Условно «пророссийские» политические силы пользовались на полуострове стабильно высоким уровнем поддержки. В совокупности они всегда набирали более 50% голосов избирателей Крыма, в целом демонстрируя поступательный рост популярности начиная с конца 1990-х гг.

Продолжая сюжет об исторических предпосылках событий Крымской весны, органичным выглядит и обращение к обстоятельствам передачи Крыма

Украинской ССР в 1954 г. Н.С. Хрущевым (С. 106–126). Несмотря на некоторые стилистически неудачные обороты, в соответствующей главе сборника дается обстоятельное описание действий советского руководства по корректировке границ союзных республик в середине 1950-х гг. На основании обращений к архивным документам указывается на политический характер принятия решения о передаче Крыма в состав Украинской ССР, который оказывал деструктивное влияние на юридические процедуры в данном процессе. Само решение об изменении административной подчиненности полуострова автор главы связывает с «волюнтаристской» политикой Н.С. Хрущева и объясняет активностью части номенклатуры украинского происхождения, заинтересованной в усилении хозяйственно-экономического потенциала УССР.

Важным сюжетом сборника является рассмотрение института референдума как политической и юридической практики. Как верно отмечено в главе, автором которой является доктор юридических наук, профессор В.А. Томсинов, за последние годы значение референдума как демократического института в решении конституционных проблем значительно возросло (С. 84). Особенно велика роль практики референдумов в странах с ослабленными государственными институтами и кризисом доверия в отношении конституционных норм.

Представленный в сборнике анализ положения Крыма внутри Причерноморского региона подчеркивает высокую значимость полуострова, определяемую его географическим положением, экономикой, национальным составом населения и другими параметрами (С. 138–151). Сочетание уникальных торгово-экономических, военных и транспортных функций Крымского полуострова привлекают к нему повышенное внимание региональных и внерегиональных игроков. С началом операции ВКС России на территории Сирии возросло значение Черноморского флота РФ, нарастившего свою активность в Восточном Средиземноморье.

Оправданным представляется выделение в отдельные главы анализа ситуации в Севастополе, сохраняющем внутреннюю специфику (С. 260–273). Как и в случае с остальной частью Крымского полуострова, здесь отмечаются устойчивые, исторически обусловленные симпатии в отношении России. На протяжении всего периода нахождения города в составе Украины среди его жителей продолжало действовать многочисленное и организованное сообщество граждан, выступавших за пересмотр статуса Севастополя и его государственной принадлежности. Любопытно, что именно вокруг Севастополя российским и украинским властям на короткое время в начале 2000-х гг. удалось достичь в целом конструктивного межгосударственного взаимодействия, отметившегося объявлением города «общим культурным наследием» двух стран и совместным восстановлением Владимирского собора (С. 267). К сожалению, эта политика, имевшая шансы стать позитивным примером для всех российско-украинских отношений, не получила продолжения из-за стремления Киева проводить украинизацию Крымского полуострова.

Наконец, большое исследовательское значение имеет обращение к анализу политической культуры крымчан и структуре гражданского общества полуострова (С. 188–200). Отмечается, что важным фактором политической самоорганизации русскоязычного сообщества Крыма является взаимоусиление этнической

и религиозной идентичности (С. 191). Так, согласно опросу, проведенному в 2008 г., 84,9% русских и 85,1% украинцев считали себя православными, а 97,8% крымских татар – мусульманами. Как указывается в исследовании, за годы пребывания Крыма в составе независимой Украины на полуострове проходил процесс добровольной ассимиляции украинцев русскими, несмотря на политику украинизации.

Вместе с тем желание составителей сборника отразить в книге драматичный характер событий Крымской весны в некоторых случаях приводит к добавлению в нее избыточных для научного издания сюжетов. Прежде всего, это относится к темам, затрагивающим крымские события в широкой международной перспективе. Тезис о так называемом «Бильдербергском праве» (С. 278–292) вне отсылок к верифицируемым источникам выглядит не вполне уместным в академическом труде. Иронизируя над конспирологическими теориями, распространенными в странах Запада, российскому исследовательскому сообществу стоит воздержаться от их тиражирования в своих работах, тем более по таким значимым сюжетам, как феномен Крымской весны. Важный сюжет о реакции стран Запада на события, произошедшие в Крыму в 2014 г., мог быть раскрыт на более высоком уровне.

Отдельные главы сборника не в полной мере раскрывают заявленные в главиях темы. К сожалению, это замечание можно отнести и к вопросу международной деятельности Крыма (С. 142–143). Упоминая критику антироссийских санкций со стороны представителей ЕС, важно понимать, что в подавляющем большинстве случаев она исходит от оппозиционных политиков или сил, далеких от политического мейнстрима Европейского союза. Аналогичным образом формируются и европейские делегации для посещения полуострова. Достаточно вспомнить о посещении Крыма делегацией немецких депутатов законодательных органов ряда городов и муниципальных образований ФРГ, представлявших оппозиционную партию «Альтернатива для Германии», пребывающую, несмотря на неплохие электоральные результаты, в статусе политического изгоя. Широкое освещение данного визита некоторыми российскими СМИ могло сформировать ложное представление о его характере и статусе гостей.

Стоит объективно признать, что на сегодняшний день рассуждения о так называемой «аннексии» Крыма Россией являются общей точкой зрения для европейского политического истеблишмента и нет никаких признаков того, что ситуация может измениться в ближайшей перспективе. В то же время присущая политике ведущих стран ЕС дихотомия ценностей и интересов делает возможным для европейских компаний стремление развивать свой бизнес на территории Крымского полуострова в обход санкционного давления. Резонансным событием стал скандал с поставками турбин немецкой корпорации *Siemens*, которые были предназначены для нужд Крыма. Вне всяких сомнений, европейский бизнес заинтересован в своем присутствии на полуострове и относится скептически к существующим ограничениям.

Иными словами, развитие международных связей Крыма на европейском направлении происходит и будет происходить еще долгое время, прежде всего посредством неофициального экономического сотрудничества, а не благодаря политической воле Брюсселя, Берлина, Парижа или других европейских столиц.

Открытая поддержка позиции России со стороны политических аутсайдеров ЕС, конечно, может в известной мере служить показателем неоднородности европейских взглядов на Крымскую весну. Однако обращение к ней не должно создавать иллюзий об актуальной позиции европейских элит, поддерживаемых США, относительно признания результатов референдума 2014 г. При этом необходимо подчеркнуть – и в книге делается такой акцент, – что незаконные экономические ограничения, введенные против Крыма и Севастополя со стороны США и ЕС, представляют собой попытку «наказать» жителей полуострова за их политический выбор.

Бросается в глаза и некоторая разноформатность представленных в книге глав при частом повторении одних и тех же фактов и тезисов. Отдельные из них являются фрагментами ранее опубликованных публицистических работ и отличаются по стилю от глав, выполненных в академическом ключе, не в лучшую сторону. Такая пестрота не всегда подходит для академического издания и отчасти искажает основной посыл составителей – инициировать спокойное научное обсуждение событий Крымской весны. Специфический «наступательный» пафос отдельных фрагментов сборника, конечно, можно отнести к высокой значимости рассматриваемого вопроса для авторов и их общему равнодушию к важному историческому событию. Однако порой именно спокойный и беспристрастный анализ эмоционально близких для исследователя событий способен дать наилучший практический результат.

Наконец, и этот вопрос скорее философский: в какой степени приведенные в сборнике аргументы и исторические источники способны повлиять на позицию той части экспертного сообщества, которая придерживается критической трактовки событий Крымской весны? Структура и содержание исследования оставляет вопрос об основном целевом читателе данной работы открытым. Возможно, сборник мог бы выглядеть более сбалансированным при добавлении в его содержание анализа актуальных проблем, с которыми до сих пор вынуждены сталкиваться жители Крыма. Это вопросы международного признания результатов референдума 2014 г., проблемы водоснабжения полуострова, ограниченное присутствие в регионе мировых и российских компаний и другие, на которые можно найти небольшие отсылки в тексте (С. 147–150). Инициативное рассмотрение трудностей со стороны российских исследователей, в первую очередь самих крымчан, является важным условием для формирования вокруг них конструктивной дискуссии, способной внести позитивный вклад в развитие региона.

Есть и другие вопросы, связанные с политической ситуацией на полуострове, которые не нашли отражения в сборнике, но рассмотрение которых имеет высокую практическую значимость. Например, деятельность организаций, отвечавших за украинизацию Крыма в 1992–2014 гг., попытки политиков в Киеве противодействовать Крымской весне. Не менее интересны вопросы экономического развития региона в контексте привлечения российских и иностранных инвесторов.

Так или иначе, несмотря на высказанные выше замечания, сборник «Право крымчан на самоопределение: предпосылки и эволюция “крымской весны”» может по праву считаться одной из первых научных работ, комплексно рассматривающих феномен Крымской весны с полноценным привлечением методологии

исторических и общественно-политических наук. Стоит ожидать, что изучение ее положений и тезисов будет продолжено российскими и зарубежными исследователями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Курылев, К.П. Украинский кризис и международная безопасность. – М.: Ленанд, 2018. – 272 с. [Kurylev, Konstantin P. *The Ukrainian Crisis and International Security* [Ukrainskij krizis i mezhdunarodnaya bezopasnost']. Moscow: Lenand, 2018] [In Russian].

Larrabee, Stephen F. "Russia, Ukraine, and Central Europe: the return of geopolitics." *Journal of International Affairs* 63, no. 2 (2010): 33–52.

Mearsheimer, John. "Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault. The Liberal Delusions That Provoked Putin." *Foreign Affairs* 93, no. 5 (2014): 77–89.

Sakwa, Richard. *Frontline Ukraine: Crisis in the Borderlands*. London: I. B. Tauris, 2016.

Toal, Gerald. *Near Abroad: Putin, the West and the Contest over Ukraine and the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, 2017.

Varettoni, William. "Crimea's Overlooked Instability." *The Washington Quarterly* 34, no. 3 (August 21, 2011): 87–99. doi:10.1080/0163660X.2011.588128.

Сведения об авторе

Артём Павлович Соколов

к.и.н., научный сотрудник Центра европейских исследований
Института международных исследований (ИМИ) МГИМО МИД России,
119454, Москва, проспект Вернадского, 76.

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 12 апреля 2021. Принята к публикации: 31 апреля 2021.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Соколов, А.П. «Оттепели» и «заморозки» Крымской весны // Международная аналитика. – 2021. – Том 12 (1). – С. 183–190.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-183-190>

Author

Artem P. Sokolov,

Research Fellow at the Center for European Studies at the Institute for International Studies,
119454, Moscow, Vernadsky Prospekt, 76.

e-mail: a.sokolov@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: April 12, 2021. Accepted: April 30, 2021.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was declared by the author.

For citation

Sokolov, Artem P. "‘Thaws’ and ‘Freezes’ of the Crimean Spring."

Journal of International Analytics 12, no. 1 (2021): 183–190.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-183-190>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья даёт другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метаданных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б. Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал

«Международная аналитика» можно:

в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777; по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2021. – 12(1). – С. 1-190.

Подписано к печати: 15.05.21.

Формат: 108х70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 11,25. Тираж 200 экземпляров. Заказ 583

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники

МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.